

★ ВОЙНА ★ Я ПОМНЮ

ПРОЕКТ
АРТЕМА ДРАБКИНА

СМЕРШ и НКВД

Annotation

Пожалуй, ни о ком не сложилось столько легенд, как о сотрудниках СМЕРШа и НКВД. В одних они выглядят настоящими героями «невидимого фронта», в других — карателями, стрелявшими в спину красноармейцам и погубившими десятки тысяч бойцов и командиров Красной Армии. Кем же они были: кровавыми палачами или обычными солдатами и офицерами, которым выпадало выполнять тяжелейшие боевые задачи? Новая книга проекта «Я помню» (<http://iremember.ru>) — это правдивый и порою бесхитростный рассказ сотрудников СМЕРШа и НКВД об их действиях на линии и за линией фронта, участии в сверхсложных спецоперациях, жизни на грани смерти.

- [СМЕРШ и НКВД](#)
 - [Душанский Нахман Ноахович](#)
 - [Иванов Леонид Георгиевич](#)
 - [Толкачев Николай Фомич](#)
 - [Мосягин Федор Петрович](#)
 - [Авербух Борис \(Бер\) Яковлевич](#)
 - [Горожанин Константин Иванович](#)
 - [Фролов Сергей Федорович](#)
-

СМЕРШ и НКВД

Душанский Нахман Ноахович

Родился в 1919 году в литовском городе Шяуляй. Мой дед Яков Душанский — Коган, николаевский солдат из кантонистов, участник Крымской войны и обороны Севастополя, получил согласно указу российского императора право жить вне черты оседлости и право на земельный надел. Но Яков Душанский не захотел жить в новых местах, вернулся домой, поселился в Вильнюсе,

вырастил тринадцать сыновей, большинству из которых он смог дать образование. Один из его сыновей, мой отец Ноах Душанский, будучи солдатом на фронтах Первой мировой войны, был отравлен в бою газами, попал в немецкий плен и вернулся домой фактически слепым человеком. После отселения еврейского населения из Вильнюса, из прифронтной полосы в 1915 году, наша семья оказалась в Шяуляе, где отец работал грузчиком-носильщиком на вокзале, на тачке развозил грузы и посылки с железнодорожной станции по адресам, и мы, дети, помогали плохо видящему отцу прочесть адрес получателя и часто сопровождали его, когда отец перевозил грузы. Моя мама, Фрейдл, была из очень бедной семьи и вместе с отцом растила нас, пятерых детей. В пять лет меня отдали учиться в частный «хедер», а после я учился в школе, организованной на деньги местного филантропа Френкеля, владельца шяуляйского кожевенного завода. Закончил шесть классов и в 13 лет пошел работать. Жили мы в пролетарском районе, населенном евреями, поляками и русскими староверами, поселившимися в Литве еще с петровских времен. Рабочее окружение оказывало огромное влияние на мое мировоззрение. В 14 лет я познакомился с подпольщиком Гринфельдом (впоследствии убитым на фронте).

Он привлек меня к подпольной коммунистической работе, и я вступил в подпольный комсомол Литвы, желая принять участие в борьбе за лучшую долю для бедного трудового люда. В здании Еврейского Шяуляйского центрального банка, под сейфом, в узкой нише, через которую мог проползти только щуплый подросток, был устроен тайник, в котором хранилась подпольная литература. Эта литература распространялась через надежных людей в окрестных городках и местечках, и я был ответственным за ее хранение и распространение.

Тайная полиция литовского буржуазного правительства вела активную борьбу с коммунистическим подпольем?

Безусловно. Тем более что антиправительственное подполье не было по своей структуре однородным. В нелегальной коммунистической партии Литвы, руководимой Снечкусом и Ангаретисом (расстрелянным в 1937 году в СССР по указанию Сталина), преобладали литовцы. А евреи в основном состояли в рабочей организации «Бунд», хотя мне кажется, что не было каких-либо существенных разногласий в тактике ведения подпольной борьбы и в конечных целях, которые ставили перед собой эти две партийные организации.

У нас в Шяуляе тайной полицией руководил бывший царский жандармский офицер Верховерцев, принявший после бегства из России фамилию Аукштакалис. Этот человек обладал большим опытом борьбы с «инакомыслящими элементами», и в 1935 году он внедрил своего агента в нашу местную организацию. Меня и еще двух комсомольцев схватили, избивали резиновыми дубинками, но я не выдал месторасположение тайника с коммунистической литературой, и вскоре, поскольку полиция так и не нашла никаких весомых улик, нас выпустили из тюрьмы. Но в 1936 году, после инспирированного немецкими специальными службами восстания крестьян в Сувалках против буржуазного литовского правительства президента Сметоны, местные власти решили принять крутые меры к подпольщикам всех мастей и направлений.

Из пяти руководителей восстания в Сувалках четверо были приговорены к расстрелу.

Наша комсомольская организация отпечатала листовки «Воззвание к народу Литвы», в котором мы

осуждали этот жестокий приговор, но уже через несколько дней полиция арестовала всех активных участников комсомольского подполья в Шяуляе. Схватили девять человек: пятерых литовцев и четверых евреев. Семерых сразу отдали под трибунал, а меня и моего товарища Левинаса отправили в колонию для несовершеннолетних уголовников в Калнабержай, где мы должны были сидеть до наступления возраста 17 лет, и только после этого, по закону, нас могли отдать под суд Окружного военного суда. И когда мы перешли этот возрастной рубеж, нас привезли на суд в Шяуляй. Здесь мы узнали, что наши товарищи уже осуждены и руководитель шяуляйских подпольщиков Нехам Шпайте приговорена к 15 годам заключения, а другие старшие товарищи получили сроки от 10 до 14 лет тюрьмы. Нас судил трибунал, в котором председательствовал полковник Леонас. Учитывая наш возраст, «малолетки», приговорили каждого только к шести годам тюремного заключения. Сначала мы сидели в шяуляйской тюрьме, а потом нас перевели в новую политическую тюрьму в Расеняй.

Какими методами велось следствие?

Били на допросах руками, били и нагайками. Но нас специально не калечили.

Хотя в тот год был один случай, как следователь литовской тайной полиции забил до смерти на допросе беременную женщину. Времена еще были достаточно «либеральными», если так можно выразиться. К стенке всех подпольщиков не ставили.

Кстати, о «либеральных» временах. Это вымысел, что в тридцатые годы в Литве открыто продавались советские газеты «Правда» и «Известия» на русском языке?

У литовского буржуазного правительства был договор о дружбе с СССР, и поэтому некоторые советские газеты продавались в определенных местах, какое-то количество экземпляров распространялось в Литве, нам даже несколько раз товарищи в тюрьму передавали «русские газеты». Кстати, литовское правительство неоднократно проводило с Советской Россией обмен политзаключенными. Так был обменян на одного ксендза, «литовца-контрреволюционера», один из руководителей литовской компартии Снечук, но он потом все равно нелегально вернулся в Литву для продолжения подпольной коммунистической работы. Литва в какой-то степени больше тяготела к Советской России, находясь «между молотом и наковальней» — с запада немцы, захватившие Мемельский край (Клайпеда), да еще поляки, аннексировавшие Вильнюсский край. Приходилось выбирать, с кем дружить.

Например, в 1939 году, еще за год до ввода Красной армии в Литву, согласно первому договору о ненападении, подписанному странами Прибалтики и СССР, для размещения частей Красной армии предоставлялись три военные базы на территории Литвы: авиационная база в Шяуляе, военная база в Алитусе, на которой разместились кавалеристы, и еще одна — в районе Побраде, это уже ближе к Вильнюсу. Так что сами делайте выводы.

Что представляла собой политическая тюрьма в Расеня?

Новая тюрьма, выстроенная по итальянскому проекту, так сказать — «Привет от Муссолини». Трехэтажное каменное здание, внутри «колодец» с лестницей по центру, от которого отходили лестничные пролеты на этажи. За зданием тюрьмы — еще ограда, караульные вышки и различные пристройки. Первый

этаж предоставлялся для размещения администрации и охраны, а также для заключенных, занятых в службе. Второй этаж — по 10 одиночек на каждой стороне, предназначенных для контингента «средней степени опасности». Третий этаж — «для особо опасных политзаключенных». Карцер находился в подвале здания, как заведено. Всего в тюрьме было 60 одиночных камер, и я оказался в первом этапе, прибывшем в новую тюрьму в Расеняй. Но постоянно «шло очередное пополнение», и скоро в каждой «одиночке» поставили второй ярус нар и поместили по 4 человека в камеру. Так и получилось — 60 камер — 240 заключенных.

Тюрьма для политзаключенных в Расеняе считалась самой жестокой?

Нет, это было относительно «спокойное место». Самых опасных бунтарей — коммунистов — направляли сидеть в Каунас, в крепость «Девятый форт», там условия были каторжные, и политические заключенные сидели в камерах вместе с уголовниками-рецидивистами. Да и целенаправленная, преднамеренная жестокость надзирателей была там обыденным явлением. Из нашей тюрьмы переводили в Каунас в качестве наказания, с целью сломить дух коммунистического сопротивления. Существовала еще отдельно женская тюрьма для коммунисток в Зарасае, этот город находится ближе к латвийской границе.

Как кормили заключенных?

Голода не было. Утром давали 500 граммов черного хлеба, кусочек сала и молоко. В обед: суп из капусты с картошкой, иногда с куском сала. Вечером мы снова получали пайку хлеба, картошку и кислое молоко. В тюрьме разрешалось получать посылки от родных. И нам через подставные адреса присылали посылки из

МОПРа (Международное общество помощи революционерам). Из этих продуктов мы делали запасы, которые хранили в тайниках, для товарищей, сидящих в карцере, и так далее.

Политзаключенные имели свой комитет самоуправления?

Официально — нет, но, конечно, у нас был свой подпольный комитет. И тюремное начальство прекрасно знало, что имеет дело с монолитно сплоченной группой коммунистов и комсомольцев, и попусту старалось не обострять ситуацию. Нами негласно руководили опытные коммунисты, что интересно — все бывшие офицеры Литовской армии — литовцы Мацкявичус и Годляускас и еврей Любецкис, инженер по профессии. Их камеры находились на третьем этаже. Поскольку я был самым молодым и «шустрым» и имел самый малый срок заключения в тюрьме, знал несколько языков, то меня комитет назначил «переговорщиком» с администрацией тюрьмы. На деле это выглядело так: вызывает начальник тюрьмы и заявляет: «Если вы будете шуметь и праздновать в камерах 1 мая (или, скажем, 7 ноября), то всех лишим посылок и прогулок на два-три или на шесть месяцев». Он знал, что я найду возможность сообщить старшим товарищам об «очередном ультиматуме». Но не было такого, чтобы меня схватили надзиратели и били смертным боем, мол, выдавай, кто у вас здесь главный?!

Как осуществлялась связь между заключенными в тюрьме? Имелась ли связь с волей?

Почему вас так интересуют детали тюремной жизни? Вы вроде только историей войны занимаетесь.

Но и жизнь политзаключенных — это тоже пласт истории 20-го века. Я думаю, многим интересно будет узнать, как жили заключенные коммунисты в литовских тюрьмах «для политиков». Ведь почти все будущее руководство Советской Литвы прошло через эту «школу жизни». Как сидели заключенные в советских тюрьмах в конце тридцатых годов, многие знают. А что творилось в странах «буржуазной демократии» в этом аспекте? Хотелось бы сравнить.

Ну, если вы считаете эту информацию нужной, тогда продолжим. На этажах была общая уборная, поскольку в самих камерах никакого «санузла» не предусматривалось. В уборных были сделаны специальные тайники, в которых прятались записки, и эти, выражаясь на современном «тюремном жаргоне», «малявы» передавались нужному адресату. Мы всегда знали, что происходит на этажах, но не всегда могли предвидеть или узнать точное время повального обыска в тюрьме. Обычно привозили тюремщиков из других мест, и вместе с нашими надзирателями они переворачивали камеры вверх дном в поисках тайников, холодного оружия, прочих запрещенных предметов и так далее. Мне много раз приходилось проглатывать записки, чтобы их не нашли при обыске. А по поводу «связи с волей» у нас был свой человек среди надзирателей, по фамилии, кажется, Климас, который нам сочувствовал, и через него мы держали канал связи с подпольным комитетом компартии Литвы.

Каковы были условия содержания в карцере?

Каменный мешок, который никогда не отапливался, пол залит водой по щиколотку. Закрывали в карцер на трое суток, на хлеб и воду. Лечь было невозможно, и приходилось стоять на ногах три дня, без сна, опираясь на холодную стену. Мне это «сомнительное

удовольствие» пришлось испытать. Но был молодой, здоровый, выдерживал эту экзекуцию относительно спокойно, по крайней мере карцера не боялся.

Заклученных выводили с территории тюрьмы?

Были прогулки в тюремном дворе по 30 минут в день, но это в «хорошие периоды», когда мы не были с администрацией тюрьмы «на ножах». Еще иногда летом выводили заклученных на окрестные поля и болота для добычи торфа, которым в тюрьме топили печи зимой, и на заготовку картошки, которую мы копали под охраной. Но за пределы тюрьмы выводили только заклученных со сроком не выше 10 лет.

Администрация тюрьмы пыталась внедрить своих провокаторов в среду политзаклученных?

Вряд ли, таких бы сразу разоблачили, а потом... в худшем варианте — «несчастный случай». Тюремщики прекрасно понимали, что нас не перевоспитать и ничем нашу веру в правоту партийного дела не поколебать. Провокаторов не было, но были так называемые «отступники», люди, отошедшие от партии и от революционной борьбы и желавшие после освобождения из тюрьмы вести спокойную жизнь мелкого обывателя. Таких было среди нас очень мало, помню только человека по фамилии Соболевичус. Другие заклученные к ним относились спокойно, никто их не упрекал в предательстве и не третировал. «Стукачи» были, немцы-националисты из Клайпеды.

Националистов тоже сажали в «тюрьму для политических преступников»?

В 1938 году тюрьма получила такой «подарок». К нам посадили группу клайпедских национал-социалистов, немецких агентов, все из германской разведки, пойманных при попытке организации

фашистского переворота в районах, сопредельных с Мемелем. Помню их фамилии — Шмидт, Засс, Энгельс и еще несколько человек. Их поместили в отдельные «немецкие камеры». Они периодически воровали продукты из наших тайников, за это мы их нещадно и с удовольствием били, до крови. Немцы потом огрызались: «Вы слышите, какие песни наши пограничники поют? Скоро вас всех вырежем!» А рядом граница по Неману, и слышно, как немцы поют: «Еврейская кровь течет из-под ножа»... Я еще до войны прочел на немецком языке книгу Гитлера «Майн кампф», так что не сомневался в том, что немцы обязательно поголовно уничтожат всех евреев.

Был произвол и издевательства со стороны надзирателей?

Отдельные эксцессы были, но надо сказать честно, что в нашей тюрьме измывательство над заключенными и их правами не было возведено в ранг нормы. Ненависти между нами не было. Они делали свою работу, охраняли «противников существующего строя», так что мы должны были ждать от них? пряников? Все было относительно терпимо. Лучше к политзаключенным относились надзиратели-поляки, чем тюремщики-литовцы. А начальником тюрьмы был бывший ксендз, в свое время сидевший «за политику» в России, и обменянный, кстати, на коммунистического руководителя Снечкуса. Имел прозвище Горбатый, у него был горб. С нами он вел перманентную борьбу в меру своих прав и возможностей. В 1939 году, после договора о ненападении и дружбе между странами Прибалтики и СССР, режим в тюрьме стал более мягким, например, к заключенным стали пропускать газеты. Прекратили препятствовать свиданиям с родными, которые по закону разрешались раз в месяц. Я даже в тюрьме смог закончить заочно восемь классов средней

школы и получить соответствующий документ. Сестра присылала мне учебники и задания, а я отсылал выполненные контрольные работы обратно.

Коммунисты в тюрьме анализировали события, происходящие в предвоенной Европе?

Конечно. С воли и из литовских газет мы черпали информацию о «тлеющем огне будущего пожара мировой войны». Нам было ясно, что война неизбежна и что независимой буржуазной Литве не устоять в предстоящей схватке между нацистами и коммунистами. Мы только не могли угадать, под чью пяду попадет Литва. О том, что ведутся тайные переговоры между Риббентропом и Молотовым, мы узнали еще в 1938 году от «клайпедских немцев», про которых я вам уже рассказывал. Нам было трудно поверить, что ВКП(б) будет брататься с фашистами. Эту информацию передали на волю Снечкусу, и он через своего заместителя Ицхака Мескупаса, имевшего контакты с Георгием Димитровым, передал эти сведения в Коминтерн.

А что случилось дальше с этой информацией мы знать не могли. И когда в 1939 году, после пакта Молотова — Риббентропа, наши сомнения о грядущих трагических событиях полностью развеялись, то мы, не зная карту раздела Восточной Европы, по-прежнему, до самой аннексии Литвы, терялись в догадках, кому достанется Литва, осознавая, что если придут немцы, то нас непременно уничтожат уже на следующий день. Я помню, как в начале сентября, сразу после германского вторжения в Польшу, надзиратели принесли в тюрьму радиоприемник, поставили его на первом этаже, и мы слышали в камерах, как тревожный голос польского диктора сообщает о начале очередного немецкого авианалета на Варшаву — «Увага! Увага!» (Внимание! Внимание!).

Когда наступил момент освобождения из тюрьмы?

19 июня 1940 года надзиратели раскрыли двери камер, и нам объявили, что отныне мы свободны. Дали 24 часа на сборы и прощание с товарищами. Рядом с тюрьмой поставили столы, местные жители принесли нам всяческую снедь, и мы стали отмечать свое освобождение. Никто не преследовал надзирателей, никто не стремился свести счеты с персоналом тюрьмы. Мне было нечего на себя надеть, на мне — тюремная роба, а вся одежда, в которой меня арестовали, была уже мала, прошло ведь уже четыре года. От нового правительства Литвы, под руководством Палецкиса, нам привезли новую одежду и предоставили транспорт до Каунаса. Здесь нам устроили торжественный прием в МОПРе, и после все заключенные разъехались по своим домам. Я вернулся в Шяуляй, к матери и отцу, и сразу пошел работать.

Принес первую получку в дом и попросил маму купить мне что-нибудь из одежды, сам я в этом не разбирался. Мать деньги не тронула. Принес вторую зарплату, и снова деньги так и остались лежать на комодке. Спрашиваю маму: «Почему?» Она отвечает: «Это, видно, чужие деньги, где ты их украл? К ним я не прикоснусь!» Она не могла поверить, что нам, беднякам, при советской власти стали платить достойную зарплату, да и произошли изменения в эквивалентном отношении рубля к литовскому литу. И только когда к нам в дом пришли мои товарищи со своими родителями и убедили маму, что эти деньги честно заработаны, она взяла их и пошла с ними за покупкой в магазин одежды. Я тогда купил себе первые часы и кожаное пальто. Вскоре было вручение советских паспортов и партийных билетов. Первыми их

получали бывшие политзаключенные. В августе 1940 года я получил повестку о призыве в Красную армию.

Куда вас призвали?

Как бывшего подпольщика и молодого коммуниста (в компартию меня приняли в 1938 году в тюрьме, решением подпольного комитета), меня рекомендовали на службу в органы НКВД. Руководитель подпольного комитета в тюрьме, мой старший товарищ Мацкявичус как раз был назначен начальником отдела НКВД в Шяуляе. Он стал меня уговаривать идти к нему на службу в органы госбезопасности. Секретарь горкома партии Клейнерис тоже стал меня усиленно агитировать. Я им ответил: «Служить в НКВД я согласен, но только не в Шяуляе. Я — местный. Так вы все время меня будете спрашивать — а кто этот? а тот — буржуй? а этот — националист? Я не доносчик! Прошу направить меня в пограничные войска». Написал заявление с этой просьбой. Мацкявичус сказал, что уважает мои убеждения и слова. После прохождения мандатных и других обязательных комиссий и нескольких собеседований в военкомате и «в органах» я был направлен на службу в приграничную зону, в оперативную часть уездного отдела НКВД в Тельшай, на должность помощника оперуполномоченного НКВД. Я надел гимнастерку с курсантскими зелеными петлицами, командирского или другого звания мне еще не было присвоено, я был просто курсант. Незадолго до войны я стал уже оперуполномоченным. Три погранотряда прикрывали границу на Тельшайском направлении, на линии Шилуте — Прекуле — Мемель, и в задачу нашего отдела входило следующее: борьба с агентурой вероятного противника в приграничной зоне, вербовочная работа, борьба с нарушителями границы и другая контрразведывательная деятельность.

При призыве в войска НКВД были какие-то «особые» специальные проверки на благонадежность?

Я считался уже проверенным человеком, и сомнений в моей верности делу ВКП(б) ни у кого не возникало. Скажу вам даже больше. На последней комиссии, когда пришлось заполнять анкету из 70 вопросов, я не знал, что ответить на вопрос: «Имеются ли у вас родственники за границей?» У отца, как я вам уже сказал, было 12 братьев, и, например, один из них еще в начале века уехал в Южную Африку и жил в Йоханнесбурге. Кто-то из моей многочисленной родни эмигрировал в Америку еще до ПМВ. И я честно написал об этом в анкете. Пришел кадровик, майор ГБ Гусев, который решал, брать меня в органы госбезопасности или нет. И когда он прочел ответ на вопрос «родственники за границей», то на моих глазах порвал эту анкету и приказал: «Пиши все заново и забудь про своих родных в Африке или где-то еще! Всегда говори и пиши: родственников за пределами СССР — не имею. Понял меня?!»

Насколько большим был состав Тельшайского оперативного уездного отдела НКВД?

Человек двадцать. Состав был смешанный. Бывшие литовские коммунисты-подпольщики и приехавшие из России опытные оперативные работники, которые помогали нам познавать азы агентурной работы контрразведчика. Это были хорошие, порядочные русские люди — заместители начальника отдела Морозов и Галкин, здоровый парень высокого роста.

Остальные были литовцы: бывший подпольщик Пятрас Расланас, Казис Репша, Лепа, а также «русские литовцы», выходцы из староверов, как, например, Амплиус Минкявичус.

В отделе было две машины: грузовики-трехтонки. Уезд был «поделен» на участки по группам, в зоне ответственности нашей «двойки» — Лепа и Душанский — было три волости, и мы почти все время находились в волостном городке Плунге.

Какими правами обладал работник уездного отдела ГБ?

Мы имели право беспрепятственно заходить на территорию любой воинской части, двигаться в приграничной полосе, но, например, я не мог приказать начальнику погранзаставы: «Дай мне отделение бойцов» или: «Выставь засаду на таком-то месте». Обычно все наши требования, «заявки», мы передавали начальнику штаба погранотряда или погранкомендатуры или представителю Особого отдела у пограничников. И они уже давали точные указания «зеленым фуражкам», где и как оказать нам содействие в организации засады, помощь в переходе нашего агента и так далее.

Как часто на вашем «подшефном участке» происходили попытки перехода границы на нашу сторону, в Советскую Литву?

Начиная с зимы сорок первого года подобные попытки были почти ежедневно. Шли немецкие агенты, подготовленные в Кенигсбергской школе абвера, шли с диверсионными заданиями и подрывной литературой члены нелегальной организации LAF (Литовский фронт активистов), руководимой литовским генералом, бежавшим в 1940 году в Германию, деятелем Генштаба литовской армии Раштикисом. А контрабандистами мы не занимались. Границу переходили внешне обычные литовцы, все в гражданской одежде, и если на прорыве их не задерживали, то они сразу растворялись среди местного населения, находили временное пристанище

на глухих хуторах и в деревнях, а после спокойно добирались до Каунаса, Шяуляя, Зарасая, Паневежиса и оседали там. Где их только потом частично не отлавливали... В сорок первом мы взяли на границе уже несколько человек с радиопередатчиками, но, что самое интересное, уже начиная с весны, вооруженное сопротивление агента или группы стало обыденным явлением. Огневой контакт при захвате был частью рутины, «за здорово живешь» никто руки вверх при окрике «Стой! Кто идет?!» не поднимал. Стрелять приходилось часто. Только за весну 1941 года нашим отделом было задержано свыше 40 настоящих вооруженных немецких агентов, которых отправляли на следствие в Тельшайскую тюрьму.

Почему так везло?

В местечке Кретинга жил некто Якис, начальник территориального отдела буржуазной литовской разведки. В 1940 году он бежал на немецкую сторону, но его жена осталась в Кретинге, и в ее доме был устроен перевалочный пункт для немецких агентов. Его супругу, «пони Якене», нам удалось перевербовать, и от нее мы получали ценную информацию, позволявшую безошибочно и грамотно задерживать лазутчиков и диверсантов. Ну и кроме того, тактика засад на уязвимых участках границы себя оправдывала. И конечно, стоит отдать должное профессиональному чутью моего напарника и старшего товарища Лепы. Старый коммунист-подпольщик, работавший при буржуазном правительстве в прокуратуре Литвы, он обладал сильной интуицией и каким-то шестым или десятым чувством определял точное место перехода границы вооруженной группой агентов. Тельшай — это граница с Мемельским краем, и немцы, готовясь к вторжению, использовали «этот маршрут» для внедрения агентуры и проникновения диверсантов

очень часто. Агент «косяком пер» на нашу сторону, и многие попадались в наши сети. А многие благополучно через нас «проскакивали». Это только в книгах и в патриотическом кино «Граница всегда на замке», а в действительности...

А насколько серьезной была подготовка простых советских пограничников?

Это были очень смелые и грамотные ребята, патриоты, большинство с десятилетним образованием. На заставах служили только русские и евреи, сплошь комсомольцы.

В каждом погранотряде служили чуть более двух тысяч человек, но количество комендатур и застав в отрядах было разным, в зависимости от сложности охраняемого участка границы.

За пограничной зоной развертывались обычные армейские части прикрытия, в некоторых из них мне довелось побывать, и скажу вам откровенно, это были слабо вооруженные, недоукомплектованные подразделения, так и не успевшие к началу войны получить тяжелое вооружение. Поэтому я не очень удивился, что всю Литву немцам за одну неделю войны отдали... Тельшайский укрепрайон к началу войны так и не был выстроен, успели произвести только разметку линии обороны.

Вы знали, что летом будет война?

Точную дату начала германского наступления мы знали еще в марте — апреле 1941 года. В конце апреля был задержан агент организации LAF с пачкой листовок на литовском языке, в упаковке, на которой было написано: «Вскрыть только 22/06/1941». И мне довелось первому переводить текст этой листовки, начинавшийся следующими словами: «Освобождение идет с Запада. Только Гитлер освободит Литву от еврейского

большевистского ига!» А дальше шли 12 пунктов воззвания к литовскому народу. Первый пункт меня «убил наповал». Он гласил: «Упраздняется постановление князя Витовта Великого о приглашении евреев на проживание в Литовском княжестве». Был там и такой пункт, что тот, кто запятнал себя в сотрудничестве с Советами и хочет заслужить прощение литовского народа, должен убить еврея и предоставить новым литовским властям свидетельство об этом... Листовка была подписана в Берлине генералом Раштикисом, первым премьером будущего нового правительства Литвы. Однако немцы после захвата Литвы не простили генералу такого промаха, того, что он раскрыл дату начала вторжения, и так и не пустили на территорию республики Раштикиса. Он так и остался фактически под домашним арестом в Германии. Вместо Раштикиса «с компанией» в Литве в начале войны возникло марионеточное правительство Прополениса, но вскоре и его разогнали, заменив его на литовского гауляйтера генерал-майора Кубилюнаса, предателя и палача, местного «квислинговца», который и представлял литовцев в высших арийских сферах. Этого Кубилюнаса советская контрразведка достала уже после войны, в Германии, в английской зоне оккупации, где генерал находился в лагере для перемещенных лиц. Чекист Саша Славин, каунасский еврей, владевший английским языком, в форме офицера союзных войск приехал в этот лагерь, «нагло забрал Кубилюнаса» по фиктивным документам и вывез его в советскую оккупационную зону, а потом в Москву, где генерала судил военный трибунал. Но вернемся к «апрельской» листовке. После того как мы перевели текст листовок на русский язык, немедленно наши командиры отправились с ними к руководству — Лепа (или Расланас, сейчас не вспомню точно) поехал в Вильнюс, а Морозов прямо в Москву. После доклада оба

вернулись в отдел, ничего не рассказывая. И когда мы прорывались с боями в конце июня из Литвы в Россию, то многие из нас матерно поминали наше высшее руководство, но вот ведь, была у них в руках точная дата начала войны, почему б... проспали!.. И чтобы у вас не возникло сомнения в правдивости моего рассказа, что, мол, Тельшайский уездный отдел ГБ — почти как Рихард Зорге или Ян Черняк со своими разведывательными донесениями о дате начала войны, хочу заметить, что все детали, связанные с перехватом листовок и с датой «открыть 22 июня» на упаковке, подтверждает в своих мемуарах и сам генерал Раштикис, написавший книгу воспоминаний в Америке в 1951 году. И книга эта есть не только в библиотеке Конгресса США... А сама листовка, вот она, перед вами. Самое интересное, что, когда в 2000 году, накануне вывода израильских войск из Южного Ливана, в южноливанскую зону безопасности забрасывали листовки «Хезбаллы», то их текст во многом соответствовал тексту воззвания Раштикиса, мол, «кто убьет еврея — будет прощен». И еще по вашему вопросу. На всех погранзаставах бойцы и командиры тоже знали, что война случится именно летом сорок первого. Сомневающихся в этом не было. Слишком очевидные события происходили на границе весной и в начале июня. И наш заместитель начальника отдела Морозов, сознавая, что надо как-то спасти свою семью, за неделю до войны, во время массовой депортации из стран Прибалтики, посадил свою жену и детей в одну теплушку с выселяемыми и повез их на восток, видимо, оформив себя в качестве сопровождающего уполномоченного НКВД. К началу войны Морозов в Литву не вернулся, и следы его затерялись, о его дальнейшей судьбе мы так ничего и не узнали.

Почему, по вашему мнению, отношение литовского населения к СССР и к советским порядкам изменилось — от дружественного в 1939 году до почти открыто враждебного к лету 1941 года? Ведь основным лозунгом Литвы был: «Без Вильнюса мы не успокоимся!» и только Советы возвратили Вильнюс литовцам. Это же факт, что в 1940 году командующий Литовской армией генерал Виткауткас приказал встречать красноармейцев цветами. И ведь многие литовцы с радостью и воодушевлением принимали Красную армию. Кадры кинохроники тому подтверждение, такие киносъемки нельзя отрежиссировать заранее.

Об этом можно говорить очень и очень долго. Но если коротко... Советская власть не оправдала надежды литовцев. Если в 1939 году все понимали, что только Советский Союз поможет литовскому народу вернуть Вильнюс и Клайпеду, защитит от возможной германской оккупации или польской экспансии, то вскоре настроения большей части населения стали почти диаметрально противоположными. Национализация предприятий и советизация власти положили конец доверию среднего класса к новому строю. Многие уже понимали, что независимая демократическая Литва останется только на бумаге, а реальная жизнь в республике станет точной копией советской российской действительности. И кроме рабочего класса Литвы и части интеллигенции, никто к подобному резкому, а зачастую и трагическому повороту в судьбе нации готов не был. Жирную черную точку в лояльности большинства обычных «нейтральных» граждан к Советам поставила июньская депортация, проведенная по классовому признаку. Эта депортация никогда не была «местной инициативой» и была навязана исключительно Москвой, и как ни пыталось местное

советское партийное руководство Литвы избежать подобной горькой участи или хотя бы оттянуть срок проведения выселения буржуазных и националистических элементов из республики — ничего не получилось... Воля Сталина решала все... И многие литовцы разочаровались в советской власти...

А почему вы думаете, что партийное руководство Советской Литвы противилось проведению депортации? На июнь 1941 года демократические институты в Литве еще существовали и не «дышали на ладан». Выселение возможной оппозиции было «идеальным решением» на очередном этапе борьбы коммунистов за умы и сердца народных масс. Тем более все ждали войну с немцами, и избавление от «пятой колонны» — было видимой необходимостью.

Я не думаю, я это знаю. Снечкус был порядочным человеком и не хотел никаких депортаций и всеми силами пытался их избежать. Поздней осенью сорок первого года перед чекистами Литвы, сумевшими уйти на восток после начала войны и собранными под Москвой, выступил лично нарком внутренних дел Литвы старший майор ГБ (впоследствии генерал) Гудайтис-Гузявичус, старый коммунист-подпольщик. И он, не боясь ничего и не пытаясь оправдаться, просто рассказал, как 1 июня 1941 года он и Снечкус специально отправили в годовой отпуск почти 500 местных сотрудников отделов НКВД. Всех направили на отдых в Крым, а в Москву доложили, что поскольку большинство личного оперативного состава находится в отпуске, они просят отменить или хотя бы отложить депортацию до других времен. Но прислали из России свыше 1000 чекистов на проведение выселения, и... результаты вам известны. Вы сами сказали, что вся

ваша семья тоже попала под эти репрессивные меры в Каунасе 14 июня 1941 года...

А где вы находились в эти июньские дни 1941 года?

Там же, где и многие мои товарищи-чекисты, в Крыму, в Ялте. Санаторий «Ореанда», принадлежавший наркомату внутренних дел. Привезли нас туда на поезде, до Симферополя. Для многих из нас отдых в Крыму казался сладким сном. Что мы видели в жизни, кроме своих старых домов-лачуг на рабочих окраинах и камер литовских тюрем? А тут — совершенно другой мир, теплое ласковое море, солнце, так не похожее на наше, балтийское. Невиданная нами ранее еда. Красивые девушки, с которыми мы знакомились, при этом краснея и стесняясь своего слабого знания русского языка. Но эта идиллия закончилась восемнадцатого июня, когда поступил приказ — всем литовским чекистам собраться «с вещами на выход». На машинах нас отвезли на ж/д вокзал в Симферополь, мы загрузились в вагоны, и вечером 21/6/1941 наш поезд уже прибыл в Минск. Мы вдвоем с моим товарищем Блохом погуляли по городу, сходили в Еврейский театр на идиш и в час ночи сели в поезд Минск — Рига. И когда к пяти часам утра мы медленно подъезжали к Шяуляю, то я видел, что во многих крестьянских домах вдоль железной дороги горит свет. Еще подумал: наверное, листовки LAF читают, с указаниями к активным действиям. А еще через несколько минут стали бомбить шяуляйский военный аэродром Жокня, на котором размещались истребители, и когда поезд остановился на станции, у меня уже не было никаких сомнений в том, что началась война...

Утро 22 июня. Шяуляйский вокзал. Первая бомбардировка советских военных частей,

размещенных в черте города. От Шяуляя до советско-германской границы примерно километров восемьдесят. Что произошло с вами дальше?

Я кинулся к своему дому, который находился недалеко от вокзала. Отец, полуслепой, стоял у калитки и ждал меня. Уже несколько дней подряд он все время проводил возле калитки, чувствовал сердцем, что я появлюсь. Он сказал мне: «Нахман! Возьми твои пистолеты и беги к своим. Если немцы придут, то тебя сразу убьют!» — «А ты с мамой?» — «Нас немцы не тронут. Я у них был два года в плену, хорошо их знаю. Простых людей они убивать не станут». Я в отпуск поехал без оружия, свой табельный пистолет «ТТ» оставил в сейфе, в отделе, но дома у меня хранились в тайнике еще два пистолета. Я взял оружие, свое кожаное пальто, еще какие-то вещи. А потом забрал родителей из дома и повел их на вокзал. На путях «стоял под парами» эшелон для желающих эвакуироваться. Посадил родителей в вагон. Дикой паники еще не наблюдалось. А партийный, советский и комсомольский актив Шяуляя должен был уехать на восток в автобусах, и с ними намеревались отправиться в эвакуацию моя сестра Рахель и брат Песах. А самый младший брат Ицхак находился в это время в пионерском лагере под Палангой. Другой брат, Яков, работал хозяйственником, вольнонаемным в армейском госпитале рядом с Шяуляем. Я простился с родителями в вагоне, вышел на пути и успел заскочить в последний поезд, шедший из Шяуляя в сторону границы, на Тельшай. И больше мне не довелось увидеть своих родных... Выжил только брат Яков.

Почему? Ведь ваши родители уже находились по дороге на восток.

В 1945 году я узнал о судьбах своих родных. Никакой поезд на восток из Шяуляя двадцать второго июня так и не ушел. Оказывается, кто-то из русских заместителей местного начальства позвонил «наверх» и сообщил: «Разводят панику! Пораженческие настроения!» Сразу прибыл отряд армейских «особистов», и людям приказали выйти из вагонов и вернуться по домам. Была отменена и эвакуация партактива. Моего товарища по тюрьме, начальника городского отдела НКВД Мацкявичуса сняли с должности и хотели отдать под суд, с формулировкой «За паникерство». (Он после этого случая так и не вернулся на службу в органы, после войны работал председателем колхоза и стал Героем Социалистического Труда.) Одним словом, никому из Шяуляя выехать не дали! Мои родители были потом убиты литовскими полицаями в гетто. Младший брат так и не выбрался из-под Паланги, и обстоятельства его гибели точно неизвестны. А сестра Рахель и брат Песах погибли при попытке уйти через Латвию в сторону России. Литовцы их застрелили.

До Тельшая в то утро вы добрались?

Нет. Наш поезд разбомбили в щепки возле местечка Тришкой. После этой бомбежки я открыл секретный пакет — «мобилизационный план», который для всех сотрудников отдела составил Морозов еще за месяц до войны. В нем указывалось место сбора сотрудников на случай начала боевых действий. И я понял, что «точка randevу» находится совсем рядом с этим местечком. Пошел в Тришкой, на МТС, взял там лошадь без седла и на ней поскакал на место предполагаемого сбора. На западе гремела канонада, над головой постоянно проносились немецкие эскадрильи. К вечеру в лес стали подходить от границы работники НКВД и пограничники. Многие — уже израненные, в крови и в оборванном

обмундировании, с немецкими трофейными автоматами и винтовками. А я — в кожаном пальто без петлиц, в новенькой гимнастерке и хромовых сапогах. Контраст был сильным. И мы стали отходить к латвийской границе, в сторону города Валг. Шли с боями. Занимали оборону и отстреливались. Немцы были впереди и позади нас. Пришлось несколько раз, за эти первые десять дней войны, уничтожить в бою или вырезать несколько групп немецких десантников.

По дороге к нам примыкали командиры и бойцы из обычных армейских частей, пограничники с разбитых застав, местные чекисты и партактив. Мы тоже несли потери, но второго июля вышли к Пскову. Работники НКВД разместились на трех грузовиках, и к вечеру мы приехали на центральную площадь, возле рынка. Среди нас — трое тяжелораненых. Я тоже был ранен, но легко, осколок гранаты попал мне в ногу (этот осколок вырезали только десять лет тому назад).

Но всю дорогу на восток я, хромя, боялся отстать из-за ранения от своих товарищей и оказаться один в немецком тылу. Все мы вышли в своей форме, со всеми документами и знаками различия. У каждого в руках — немецкий автомат, мы за эти десять дней прорыва, дай бог каждому, немцев погребили. Нас немцы правильно называли «коммунистическими фанатиками», зазря никто из наших в конце июня не погиб, за всех отомстили. Легли спать на площади, прямо под машинами, и разбудила нас речь Сталина, раздававшаяся из тарелок-радиорепродукторов: «Братья и сестры!» Но времени обсуждать эту речь у нас не было, в этот день Псков был отдан гитлеровцам. Мы с трудом успели вырваться на станцию Дно, и оттуда поездом нас отправили в Ленинград. Мы вышли на перрон вокзала, грязные, небритые, в окровавленном обмундировании, обвешанные трофейным оружием и штыками, а на улицах города еще спокойно продают

сдобные булки и газировку. На нас смотрели, как на пришельцев из чужого мира. Сразу всю нашу чекистскую группу привезли в Погрануправление, помыли, накормили, частично переодели. Тяжелораненых оставили в местном госпитале. Прошло несколько дней, и нам передали распоряжение начальства — «Всех работников НКВД из Прибалтийских республик отправить в город Молотов (Пермь)». Здесь были собраны 210 бывших оперативников из Литвы, Латвии и Эстонии. Нас сразу разделили на три группы, по «территориальному признаку». Выдали новое комсоставское обмундирование. Интересно, что даже до Молотова мы доехали с трофейным оружием. Меня отправили в госпиталь. Врач осмотрел раненую ногу и спросил: «Справку о ранении выписывать?» Я отказался, опасаясь, что из-за этого легкого ранения меня признают негодным к строевой службе. В Молотове нас продержали до октября месяца.

Там произошел курьезный случай. Один раз всех нас подняли по тревоге, кто-то сообщил, что выброшен немецкий десант. Это было полным абсурдом, в то время вряд ли бы какой-то немецкий самолет смог проделать расстояние в тысячи километров в оба конца, чтобы выбросить тактический десант. Но нас послали на прочесывание. Выяснилось, что местные жители столкнулись с большой группой беженцев из Прибалтики, в которой мало кто хоть немного владел русским языком, и приняли их за немецких шпионов. В октябре месяце все три наши специальные группы НКВД перебросили в Москву.

С какой целью?

Наш командир, пожилой полковник Железняков, бывший «латышский стрелок», сказал, что в тяжелое для страны время, когда враг стоит у ворот Москвы, товарищ Сталин изъявил желание, чтобы его и

правительство охраняли «прибалтийские чекисты», как в свое время Ленина и Кремль охраняли надежные и преданные советской власти части латышских стрелков. Для нас это была высокая честь. Нам выдали автоматы и на спецпоезде повезли на запад.

Но как раз пошел слух о том, что правительство и Сталин эвакуированы из Москвы в Куйбышев, и в Уфе нас задержали до выяснения точной картины происходящего и получения дальнейших указаний. Здесь мой товарищ Репша заболел тифом и был оставлен в госпитале.

Нашей литовской группой командовал Пятрас Расланас. Так что свидетелем знаменитой «московской паники 16 октября» я не был. В Москву мы прибыли только первого ноября 1941 года.

И что дальше произошло?

Прямо с вокзала нас бросили на охрану периметра Кремля. Всем нам выдали новые белые полушубки, валенки, проверили наше оружие и боекомплект и кинули прямо на камни, у кремлевских стен, для защиты от возможного немецкого десанта. Шесть суток мы находились под открытым небом. Погода была нелетной, город не бомбили. Горячее питание, горячий чай нам приносили прямо на посты. Каждый день сообщали новый пароль и отзыв.

И так продолжалось до парада 7 ноября. На параде мы уже стояли в оцеплении Красной площади, это даже видно в кадрах кинохроники.

Видел ли я Сталина, спрашиваете? Близко — нет, видел примерно за 150 метров, только фигуру. Восьмого числа нас привели в Центральную школу НКВД, что находилась напротив клуба МВД, дали выспаться, организовали нам баню. А потом сказали: «Все, спасибо! А теперь вы поедете учиться и работать». И привезли нас в район пехотных курсов «Выстрел».

И здесь мы всю зиму сорок первого года рубили лес. Заготавливали дрова для отопления каких-то ведомственных и правительственных зданий. Представляете: «чекисты-лесорубы». Кормили очень скудно, там мы под снегом искали мерзлую сгнившую картошку и свеклу с неубранных полей. По воскресеньям нас возили в Москву, в баню. Заготовленный нами лес везли в город по узкоколейной железной дороге. Многие из нас неоднократно подавали рапорты с просьбой об отправке на фронт в свои национальные части или о заброске в немецкий тыл, писали письма лично Калинин, но все получали один стандартный ответ: «Придет время, мы вас отправим на передовую! А пока...» Вспомнили серьезно о нас только весной 1942 года. Вернули в школу НКВД, и тут начались настоящие занятия. В первую очередь нас учили русскому языку, а потом пошли уже основные дисциплины. Среди наших лекторов были Вильгельм Пик, руководитель немецкой КП, сын Свердлова и много других известных людей. Часть из наших курсантов забрали в распоряжение штаба партизанского движения, а нас прикрепили к Разведуправлению. Я тоже был должен уйти с группой десантников в немецкий тыл для развертывания агентурной и партизанской деятельности, но на решающей комиссии один генерал из серьезного ведомства меня забраковал, высказав следующее мнение: «Как, по-вашему, этот человек сможет работать в немецком тылу? Внешне — типичный еврей, картавит, да еще, наверное, с обрезанием. Его же на вторые сутки вычислят. А простых подрывников мне и так хватает!»

Осенью сорок второго года были вновь реорганизации, и все три наши специальные оперативные группы были временно переподчинены республиканским партизанским штабам, но на процесс нашего обучения эти изменения не влияли, только

менялась принадлежность к определенному ведомственному аппарату. Летом 1943 года мы закончили полный курс ускоренного обучения.

Какую подготовку проходили курсанты прибалтийских специальных групп НКВД?

Я понимаю, что всего вы говорить не будете, но если что-то сочтете возможным, расскажите. Что это была за подготовка: диверсионная, разведывательная, для работы в немецком тылу или только готовили «прифронтовых» контрразведчиков?

Отвечу очень коротко и схематично, без лишних деталей и уточнений, поскольку полномочий отвечать на подобные вопросы мне никто никогда не давал. Начнем...

Наш «прибалтийский» набор — 200 человек — был размещен в одной казарме. Периодически нас «фильтровали»: кого-то отчисляли по различным причинам, кого-то переводили на соседние «партизанские курсы» для последующей заброски в тыл врага, иногда присылали новичков из фронтовых частей, например коммунистов из 16-й Литовской стрелковой дивизии, но основной костяк оставался, это были люди, работавшие в органах НКВД с 1940 года, бывшие подпольщики, коммунисты и комсомольцы. Занимались мы по 12-14 часов в сутки. Нас готовили как «территориальные специальные группы НКВД для работы на освобожденных территориях» в своих республиках, для борьбы с немецкими шпионами и парашютистами, выявления секретных агентов, диверсантов, бывших карателей и полицаев, прочих пособников и изменников всех мастей и видов. И спецкурс нашей подготовки во многом отличался от обычного курса этой школы. Учитывался неизбежный «местный колорит» и будущая специфика работы.

Начальство прекрасно представляло, с чем и с кем нам придется столкнуться в недалеком будущем на освобожденных советских землях. Многие пришлось узнать, увидеть и услышать впервые. Допустим, по предмету «Агентурная работа» нас учили правилам и тонкостям вербовки, по разделам: «агенты», «секретные осведомители», «сочувствующие» и так далее. Были предметы по тактике и технике ведения допроса агента, по психологии противника и многое другое. Был отдельный курс «Нахождение на территории противника», где мы изучали очень многие важные детали, но речь шла не о подготовке к длительному пребыванию в немецком тылу, не о легализации, а только о кратковременном пребывании на оккупированных территориях. Мы знали порядки в немецких частях, особенности уставного поведения немецких офицеров и солдат, все детали быта, формы, регалии и знаки, немецкое оружие и так далее. Эти лекции нам читали немцы-антифашисты, бывшие военнослужащие вермахта, перешедшие на нашу сторону. Узнали организационную структуру вермахта, гестапо, абвера, полицейского управления. Получили знания об особенностях подготовки немецких агентов. Но, например, не было курса лекций по работе с шифрами, основам криптографии.

Не учили радиоделу и другим способам и средствам связи.

Но материала и предметов для обучения и так хватало по горло. Даже объясняли, как пить, не пьянея. И еще много чего было, всяких и разных предметов и дисциплин.

Обо всем не стоит рассказывать. Готовили нас очень опытные, грамотные и толковые специалисты в своих «отраслях». Учебный процесс был очень насыщенный и требовал предельного напряжения физических и умственных сил. Тут надо принять во внимание наше

слабое владение русским языком, а все занятия велись, естественно, на русском.

Но для службы в специальных группах НКГБ готовили не кабинетных «паркетных контрразведчиков», а оперативников-«волкодавов», способных в любую секунду вступить в бой и обезвредить любую разведгруппу противника или опытного агента-парашютиста.

Я понимаю, что и о деталях боевой подготовки вам много говорить не хочется. Но в общих чертах. Какую боевую подготовку проходил «спецоперативник» в Высшей школе НКВД? Знал ли он, например, диверсионное подрывное дело? Что умел, чем владел?

Повторяю, основной нажим в нашей учебе делался на агентурную и вербовочную работу, из нас не готовили «поточным методом» Николаев Кузнецовых, хотя, в принципе, с подобной работой в немецком тылу, в случае получения такого задания, справилось бы немало ребят из нашего набора. Теперь конкретно по боевой подготовке. Подрывному делу нас профессионально не обучали, мы умели обращаться с взрывчаткой и минами, но наши знания были поверхностными: взорвать мост или пустить под откос эшелон — нас на такие дела специально не тренировали, для этого существовали обычные курсы минеров-подрывников. Хотя снять простую мину или заминировать дорогу, или, скажем, лесную тропу — мы могли спокойно. Мы обучались рукопашному бою (обычные приемы боевого самбо), владению ножом, учились, как надо «бесшумно снять часового». Парашютной подготовки у нас не было, это был совсем не наш профиль. Стреляли из всех видов стрелкового оружия, даже из снайперских винтовок, но не было и в

помине никаких «книжных штучек», таких как: стрельба из пистолетов с двух рук, или метание ножей, или изучение «секретных приемов» борьбы джиу-джитсу.

А вот организации засад, разведпоисков, маскировке, взятию «языков» и преодолению эшелонированной обороны противника нас обучили на «отлично».

Когда с осени 1943 года и до начала операции «Багратион» наши прибалтийские спецгруппы НКГБ использовали в интересах фронта как обычных войсковых разведчиков, то даже зубры армейской разведки удивлялись, как это у нас все гладко и толково получается.

А ведь мы, как правило, получали конкретные задания, «заказы». В качестве наглядного примера я вам приведу одну цифру. В этот период, который мы иногда называли «великое стояние под Оршей», отделение под моим командованием из 12 человек (все офицеры из «литовской» спецгруппы) взяло в плен 11 «языков»-офицеров, не потеряв в поисках в тылу врага ни одного человека. А ведь эти пленные офицеры почти все были «на заказ», сверху спускали «разнарядку», кто нужен, кого необходимо брать. И работали мы только «по офицерам», на задания ходили в немецкой форме и могли бы спокойно сойти за солдат вермахта, в случае если бы не было дотошной проверки.

Были какие-то особенности в дисциплине и поведении слушателей на курсе?

Дисциплина была железной, языки мы сильно «не распускали» и в откровенные разговоры или в обсуждение обстановки на фронте вступали только со своими верными товарищами.

Как кормили во время обучения?

Нормально кормили. Это же была Высшая школа со своими нормами и источниками снабжения, а не запасной полк где-нибудь в Чебаркуле, где «маршевики» с голоду «ноги протягивали». По праздникам выдавали 100 граммов наркомовских.

Всем курсантам полагалось табачное довольствие. Я сам лично не курил и свою полученную пайковую махорку отдавал товарищам.

Вы так и продолжали пребывать в курсантском звании во время учебы?

Нет. В январе 1943 года я стал младшим лейтенантом госбезопасности. В 1943 году это специальное звание было приравнено к армейскому званию «старший лейтенант», и я получил погоны с тремя звездочками. В 1945 году я был уже в обычном капитанском звании, поскольку специальные звания для офицеров ГБ были отменены.

Непосредственно во время обучения курсанты привлекались в качестве стажеров к работе с агентурой или для «фильтрации» в тыловых или фронтовых управлениях ГБ?

Лишний вопрос. Отвечу одним предложением. Командировки были и в сторону тыла, и к фронту, наша учеба шла с перерывами.

Когда спецгруппы ушли на фронт?

Летом 1943 года. В один из дней мы получили приказ собраться без вещей, оставив все личное имущество. Нас посадили на поезд и отправили на Гжатск. Здесь началась работа «по профилю», фронтовая практика. Дальше работали под Смоленском, дислоцируясь в местечке Кузнецово, а в сентябре перебрались в только что освобожденный Смоленск. Город был полностью разрушен, среди нескольких

уцелевших городских зданий была старая тюрьма, использовавшаяся до войны НКВД, а в войну — смоленским гестапо. В тюрьме нас и разместили. Там, в Смоленске, произошел один трагический эпизод. На пятый день после взятия Смоленска на воздух взлетела железнодорожная станция, немцы оставили в здании вокзала мины, заряды замедленного действия, и от взрывов этих мин погибло свыше трехсот наших солдат и офицеров.

А какая задача стояла перед территориальными спецгруппами на белорусском направлении? Кроме работы с уже захваченными в плен немецкими пособниками, прислужниками и прочими «подозрительными элементами»?

После Смоленска «литовской» спецгруппе поручались задания следующего рода — пройти в немецкий тыл и еще до прихода наших войск из указанного командованием населенного пункта «поймать, украсть, изъять, захватить, пленить (или просто ликвидировать)», как хотите это назовите, одним словом, доставить для суда трибунала карательную верхушку местного немецкого управления — начальника полиции, немецкого районного коменданта, командиров полицейских карательных подразделений и прочую нечисть. В определенном смысле это были политические акции — не дать уйти от справедливого возмездия палачам и предателям и показать всему народу, что расплата за измену и злодеяния неминуема. Несколько раз такие задания выполнялись во взаимодействии с местными партизанами, от них мы получали информацию о точном нахождении «наших клиентов» в конкретном населенном пункте.

Такие операции были проведены в Хиславичах, Любавичах и еще в нескольких местах.

Кроме того, помимо спецопераций в немецком тылу наши группы двигались непосредственно за наступающими войсками, вылавливая предателей, не успевших убежать с немцами на запад.

Подробности проведения подобных захватов можно услышать?

Например, операция в местечке Любавичи. С помощью партизан и местных жителей мы там удачно взяли всю «тройку» — всех главарей оккупационной власти: немецкого коменданта, бургомистра и начальника местной полиции. Через два дня наши войска прошли Любавичи, и мы сообщили своему начальству об успешном завершении операции. Нам приказали остаться в местечке. А потом туда прибыл военно-полевой трибунал, во главе которого был латыш по фамилии Якоби. На базарной площади состоялся суд. Местные жители давали свидетельские показания на захваченных предателей, и особенно они ненавидели местного полицейского начальника Жарыхина. Это был настоящий палач и садист. Свидетели говорили, как он расстреливал евреев, как зверски насилует женщин, а потом убивал и их, как выискивал скрывающихся советских активистов, «окруженцев» и евреев, а потом, избивая на ходу, гнал их ко рвам, где безжалостно добивал. Рассказали, как Жарыхин руководил карательными операциями против партизан. На заседании суда я был переводчиком при допросе двух немцев. Они, немцы, все время повторяли, что только выполняли приказы Гитлера.

И после допроса свидетелей и обвиняемых в тот же день, вечером, было оглашено обвинительное заключение и решение трибунала. Приговор был таков: смертная казнь через повешение. На закате солдаты из «трибунальского» спецвзвода быстро тут же соорудили виселицы для трех приговоренных. Подъехала открытая

грузовая «трехтонка», предателей поставили на открытый помост машины, и, когда на шею этих преступников надели петли, грузовик стал медленно отъезжать. И тут случилось неожиданное. Жарыхин был тяжелым, грузным мужиком, веревка его не выдержала и порвалась, он упал живым на землю. Председатель трибунала Якоби невнятно объявил, что по закону вторично вешать нельзя и полицай будет отправлен на 25 лет отсидки в Сибирь, в лагеря, мол, такие существуют правила. Но простой народ эти правила признавать не хотел, местные жители моментально оттолкнули нас в стороны и толпой набросились на Жарыхина. Мы не успели оглянуться, как начальник полиции уже снова висел на веревке. На сей раз веревка оказалась крепкой, а воля народа — еще крепче.

А как «брали» упомянутых ранее вами одиннадцать немецких «языков»-офицеров?

По-разному брали... В октябре 1943 года мы прошли дополнительный короткий курс обучения (при фронтовом УКР «Смерш») для захвата «языков». В принципе, это дело мы уже неплохо знали во время учебы в «Вышке». Наши разведгруппы «работали» на 1-й Прибалтийский фронт, к которому нас прикрепили в плане административного подчинения. Мы считались очень подготовленными людьми и шансов взять «языка» имели намного больше, чем обычная дивизионная разведка или группа армейского подчинения.

В немецкий тыл шли в немецкой форме, действовали из ночных засад. В мое отделение входили 12 офицеров-«литовцев»: Стасис Скокаускас, Гилелис Блохас, Иван Антоновас и другие ребята. Что очень важно — моя группа потерь не имела. В апреле 1944

года нашу «литовскую» спецгруппу отправили на отдых, больше мы за «языками» не ходили.

А как вели себя взятые в плен вашей группой немецкие военнослужащие?

Тихо, как амбарные мыши. Сами представьте, попадает в плен немец, взрослый человек, офицер, который оказывается в своем тылу в окружении дюжины русских разведчиков. И офицер прекрасно понимает, что при любом раскладе, даже если разведгруппу засекут и обложат со всех сторон, лично его разведчики всегда успеют убить, еще до того как «товарищи из вермахта» придут к офицеру на выручку. И соответственно, напуганные немцы беспрекословно выполняли наши указания, Александра Матросова среди них не нашлось. Кстати, допрашивать этих пленных, «потрошить» их в немецком тылу нам не разрешалось. Мы даже боялись брать с них трофеи. Вот, видите, храню на память бинокль с одного немецкого полковника, но помню, что даже тогда переживал, а вдруг этот пленный полковник на допросе в штабе фронта на меня пожалуется, мол, «раздели» его разведчики.

С каким оружием спецгруппы ходили в тыл врага?

Автоматы, гранаты, ножи, пистолеты. Я почему-то таскал с собой всегда два пистолета, да еще «игрушечный» маленький «вальтер», кажется, он назывался № 1, с белыми инкрустированными «щечками» на рукоятке.

Как награждали вас и офицеров вашей группы за успешные разведпоиски?

После каждого удачно выполненного задания нас «награждали» спиртом и американскими консервами,

без ограничения. Про боевые награды речь не шла, считалось, что мы — это так — «по своей инициативе просто тренируемся». Войну я закончил с орденом ОВ I степени и медалью «За отвагу». В 1946 году выяснилось, что за взятых «языков» сорок третьего года меня разыскивает еще один орден Отечественной войны II степени, который мне вручили только в 1947 году.

А если обойтись без лишней скромности? Я буквально на днях беседовал с одной женщиной, бывшей кадровой оперативной работницей МГБ Литвы в сороковых годах. Она рассказала, что вас представляли к званию Героя Советского Союза в 1945 году. А эта женщина очень хорошо знает, что говорит.

Я видел в Управлении отдела кадров МГБ СССР архивное «литерное» дело, и там была копия представления к званию Героя в 1945 году.

За немецких «языков»-офицеров и за взятие Вильнюса. В Литву сверху, из Москвы, было отправлено указание представить трех офицеров МГБ за боевые успехи на фронте и в борьбе с нацистскими преступниками к следующим наградам, перечисляю последовательно: к званию Героя, к ордену Ленина и к ордену Красного Знамени. Поскольку речь шла о своего рода «разнарядке», то в приказе приводились определенные требования к биографиям офицеров госбезопасности, представляемых к наградам. Начальство решило, что на Героя, по требуемым критериям, тяну на все 100 % только я, как «старый коммунист-каторжанин», фронтовой разведчик и начальник отделения по борьбе с бандитизмом 5-го отдела МГБ. И в этом наградном листе, кстати, и были указаны мои 11 «языков», взятые в годы войны, прочие военные заслуги. И многое другое отмечалось в этом

представлении. Но в итоге все вышло так: моему товарищу, Шимкусу, вместо ордена Ленина дали орден БКЗ, а третьему чекисту, Стаскявичусу, вместо «Красного Знамени» дали только орден Красной Звезды. Мой наградной лист где-то «затерялся в недрах Верховного Совета СССР». Потом уже мне старшие товарищи доверительно рассказали, что по их сведениям, это Поскребышев счел излишним положить этот список для последней подписи на стол Сталина, список с одними нерусскими и негрузинскими фамилиями. И только в 1967 году по этому наградному листу я был награжден орденом Ленина. К ордену прилагалось личное поздравление председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова, в котором он обращался ко мне со словами «Дорогой Нахман Ноахович», то бишь в правильном варианте звучания моего имени-отчества, а не в литовском варианте или в обыденном, в «общепринятом» — «Николай Николаевич».

Вот, в принципе, все по вашему вопросу.

После отвода спецгрупп на отдых офицерам-«прибалтам» поручались задания другого рода, не связанные с разведпоисками?

Да. Чтобы «не растеряли навыки», у нас весной сорок четвертого некоторых ребят отправляли в качестве оперуполномоченных Смерша сопровождать санитарные эшелоны. В войска уже шел массовый призыв с освобожденных территорий, и стрелковые части были в какой-то степени «засорены» бывшими пособниками оккупантов, проскочившими в армию через полевые военкоматы. Это «сомнительное» пополнение шло массовым порядком в пехоту, и через месяц-другой непосредственного нахождения на передовой эти люди или погибали в бою, или ранеными ехали в санпоездах в тыловые госпитали.

И какой только публики в этих санитарных летучках не было. Я не имею в виду самострелов или дезертиров, симулирующих болезни. Там и бывших полицаев, карателей, «власовцев» с лихвой хватало. Кто под своими именами, а кто и по чужим документам и биографиям ехал в тыл «раненым героем-бойцом Красной армии».

У нас как-то один из офицеров раскрыл трех бывших украинских карателей в числе эвакуированных раненых солдат. У них языки больно длинными оказались, стали шепотком хвалиться друг перед другом, кто из них больше евреев расстрелял, да один солдат это услышал. Доложил нашему офицеру, а тот и положил между этой «тройкой» своего человека.

Слово за слово, и наш человек сошел за своего хохла-полицая. Пока в глубокий тыл доехали, все доказательства в измене Родине и в убийствах были собраны и документированы.

Так выглядит обычная оперативная агентурная работа против военных преступников...

Когда спецгруппы «прибалтов» приступили к непосредственной деятельности на территории своих родных республик?

На третий день после освобождения Минска. И если до этого момента от нас иногда забирали кого-то из «эстонцев» на Ленфронт или «латышей» к партизанам, то в Минске произошло окончательное разделение групп, каждый пошел на территорию своей республики. Мы простились со своими латвийскими и эстонскими товарищами, с которыми прошли рядом долгий и непростой трехлетний путь. Наш командир и куратор полковник Железняков устроил прощальный банкет, мы выпили «за Родину и за Сталина» и, как говорится, «разъехались по домам». Литовскую группу в Белоруссии существенно пополнили, довели ее личный

состав до 120 человек, и тут нам поручили специальное задание по проникновению в Вильнюс.

Что это было за задание?

Вильнюс всегда являлся предметом спора между Литвой и Польшей, поляки считали этот город своим, а литовцы всегда твердо знали, что Вильнюс — столица и сердце Литвы.

Спецгруппа ГБ Литвы получила приказ лично от Снечкуса — первыми, впереди наступающих частей, войти в Вильнюс и тем самым показать всем, что Вильнюс — столица Литвы (где уже активно действовали противостоящие нам многочисленные отряды Армии крайовой — АК), освобождена именно литовскими солдатами и офицерами. Поехали на нескольких «студебекерах» на Вильнюс, многие офицеры были вооружены ручными пулеметами. Штурмовая офицерская группа, если точнее выразиться. Командовал группой Расланас, а я получил под командование отдельный взвод.

Только отъехали от Минска, как по дороге на Вильнюс нас развернули на юг пограничники — заградотрядовцы из полка по охране тыла. Потом мы узнали причину этого «разворота», оказывается, перед нами действовали группы, подчиненные Павлу Судоплатову. В Вильнюс мы добирались через Гродненский тракт, и первое литовское местечко, в котором мы остановились, было Бутримонас. У нас в группе был один молодой парень, пулеметчик, уроженец этого местечка. Он погиб через сутки после того, как увидел своих родных. И мы пошли дальше на Вильнюс. В городе была полная неразбериха. Большинство немцев уже покинуло Вильнюс, но было великое множество мелких немецких групп, оказывающих сопротивление, а главное — крупные формирования партизан АК, подчиненных польскому

правительству Сикорского в Лондоне, ставивших своей целью захватить Вильнюс и объявить его частью суверенной польской территории. Советские войсковые части к моменту нашего появления в городе стояли на подступах, и только после того как мы захватили ключевые точки, вошли в Вильнюс и завязали уличные бои. В лесах рядом с городом находился большой еврейский партизанский отряд, который сразу пришел к нам на подмогу. Первым делом мы захватили по периметру здание Президиума Верховного Совета Литвы, но внутрь поначалу не заходили, опасались, что здание полностью заминировано. Поляки, захватившие гору Гедиминаса и установившие на ней свой польский старый государственный флаг, били по нам сверху из пулеметов. У нас появились потери. И засело на этой горе больше трех сотен «аковцев». А потом мы выбили поляков лихой атакой с горы Гедиминаса и водрузили на ней красный стяг. Пленных, простых польских офицеров, не убивали, а просто раздели до трусов и отпустили почти голышом по домам.

И стал Вильнюс снова и советским, и литовским. Там со мной один интересный случай произошел. Когда пробилась к зданию ВС, из костела, стоящего напротив, появилась группа людей с белым флагом, человек тридцать. Обросшие, измученные. Это были цыгане (из нескольких тысяч цыган, живших в Вильнюсе до войны, уцелело 300 человек, скрывавшихся в вильнюсских катакомбах, ведущих до Тракая), они плакали и плясали от радости. Мы отдали им свои сухие пайки, сухари. Ко мне подошла старая цыганка, взяла в руку мою ладонь и по ней рассказала всю правду, что было со мной и что будет.

Все ее слова сбылись в будущем, все в точку. И когда она сказала: тебя не убьют, мсти врагам и доживешь до глубокой старости, я сначала скептически улыбался, а со временем полностью поверил в ее

предсказания и уже никогда перед боем не думал о возможной смерти, всегда шел первым вперед, знал, что обязательно выживу. Но я тогда и предположить не мог, что моя война закончится только через десять лет после Победы.

Первыми вошли в Каунас тоже чекисты?

Верно. В Каунасе не было уличных боев, город не пострадал, немцы ушли из города без боя, и что бы вам там ни рассказывали, знайте, что части Красной армии заходили в город, уже контролируемый специальным отрядом литовского НКГБ. Командовал этим отрядом полковник Воронцов. Я, когда узнал, что для проведения специальной операции формируется группа, идущая на Каунас, то захотел попасть в нее, поближе к родному Шяуляю, который еще был в немецких руках. Я еще в Вильнюсе подошел к Воронцову, представился и попросил включить меня в состав этой группы и был принят. Зашли в город на рассвете. Мне было поручено захватить в Каунасе генерала СС Кароля Егера и начальника полиции генерала Люциана Высоцкого. Где располагается его особняк, мы знали точно. Ворвались в особняк, а в нем никого, только на полу разбросаны вещи и книги. Среди них я заметил книгу Фейхтвангера на русском языке «Иудейская война». В доме, стоящем напротив, жил врач — литовец Абрайтис, который сказал, что генералы Егер и Высоцкий уехали с чемоданами на машине с охраной, за три часа до нашего появления, по направлению к Алексотскому мосту, ведущему на Кенигсберг. Мы двинулись дальше, на захват здания гестапо и немецкой разведшколы на улице Жальгирис № 9. Эту школу немцы успели эвакуировать в Кенигсберг, но многие важные документы, включая списки учащихся, они в спешке забыли сжечь или не успели увезти с собой. Уже когда совсем рассвело, я

поехал на «Виллисе» в Слободку — Вильямполь, где находилось каунасское гетто. Взял с собой пять человек. Проезжали мимо горячей текстильной фабрики, навстречу нам бежали местные жители с тюками награбленной на фабрике мануфактуры. Доехали до моста, ведущего в гетто, но он был разрушен, и машина по нему пройти не могла. С двумя бойцами я побежал через остатки моста к гетто. А там местные литовцы копаются в развалинах, ищут хоть какую-то добычу. Они сказали, что остатки гетто немцы еще неделю тому назад вывезли в Германию в концлагеря. Один из литовцев сказал мне, что под землей есть еще живые евреи, спрятавшиеся во время эвакуации гетто, и указал на нужный дом. Я подбежал, увидел стену, загороженную шкафом, и услышал за ним какие-то голоса. Дал выстрел в воздух и крикнул: «Люди, выходите! Пришла Красная армия! Вы свободны! Вы будете жить!» Кричал по-русски и по-литовски, но из схрона никто не отзывался. Тогда я стал кричать на идиш — «Евреи! Выходите! Мы русские солдаты!» Я слышу голос оттуда: «Нахман! Это ты?» Меня узнала по голосу Гитель Вайсман-Березницкая, бывшая соседка по Шяуляю. Из тайного убежища вышли 17 человек, выжившие подпольщики каунасского гетто. В рваной одежде, истощенные, голодные. Мы отдали им все, что смогли: еду, нашли для них возле горячей фабрики тук ткани, нашли для них какую-то обувь и увели из Слободки в город, разместив в брошенных квартирах. А на следующий день в город вошли еврейские партизаны. И тут я поехал в Девятый форт, в котором немцы уничтожили многие десятки тысяч евреев и советских военнопленных. И глядя на могильные рвы, в тот день я поклялся себе, что не успокоюсь и не перестану уничтожать всех этих карателей и палачей, пока не отомщу им за свою погибшую семью и за всех убитых литовских евреев. И если до этого дня я

чувствовал себя первым делом чекистом, офицером-коммунистом, а уже потом евреем, то тогда все поменялось, и я сказал себе, что в первую очередь — я еврей, а все остальное мне уже не так важно. И я дал себе слово, что за свой народ, из которого в Литве уцелели единицы, я мстить не устану. Пока каждый из палачей не будет лежать в могиле или гнить в колымских снегах...

Долгие годы вы были начальником отделения по борьбе с бандитизмом МГБ Литвы, и о ваших успехах в войне с «лесными братьями» в послевоенные годы до сих пор не перестают говорить. В современной Литве ваше имя некоторые люди произносят с ненавистью и с зубовным скрежетом, а соратники вспоминают о вас как о легенде, с огромным уважением. Имеете ли вы желание рассказать о борьбе с «лесными братьями» в послевоенной Литве?

В принципе, я не против, но надо подумать... Ведь придется рассказывать фактически о гражданской войне в Литве, где с нашей стороны столкнулись в схватке с врагом люди, свято верящие в правоту своего дела и чистоту своих идей, а с противоборствующей стороны в лесах и в подполье находились в основном только бывшие палачи и каратели из «отдельных полицейских литовских карательных батальонов» (руки которых по локоть обагрены еврейской, литовской и русской кровью), а также фашистские прислужники, сумевшие после войны найти укрытие в лесах и искалечить судьбы многих и многих десятков тысяч простых литовцев. И полную правду об этой войне никто рассказывать не хочет. Вся информация в последние годы подается только в одном лживом ракурсе — «как злобные Советы и русско-еврейские монстры-опричники из НКВД душили литовский народ».

Такого не было и в помине. Думаю, мне есть о чем рассказать...

Лето 1944 года. Литва снова стала советской, и на освобожденной территории организованы управления НКВД (МГБ), и вас, как опытного оперативника, направляют на службу в Каунасское управление ГБ, в 5-й отдел, в отделение ОББ (отделение по борьбе с бандитизмом). Со временем, возглавив ОББ в Каунасе, вы вели многолетнюю борьбу с «лесным братьями» — с литовским антисоветским сопротивлением. Давайте начнем по порядку. Какова была структура управлений ГБ и в частности ОББ?

В Литве помимо столичного, вильнюсского управления ГБ, были созданы еще три управления: в Каунасе, в Шяуляе и весной 1945 года, в только что занятой нашими войсками Клайпеде. Эти управления занимались борьбой с противниками советского строя по всей Литве, согласно территориальному делению зон ответственности каждого отдельного управления. В 1953 году все эти четыре управления были объединены в одно республиканское, в Вильнюсе, и меня перевели служить в столицу Литвы.

Каждое управление имело в своем составе отдел контрразведки (работавший по шпионам), отдел разведки (в сфере деятельности которого была и охрана границы), экономический отдел и так далее. 5-й отдел управления ГБ являлся «отделом по борьбе с контрреволюцией» и имел отделения: «по работе с духовенством», «по работе с интеллигенцией», но главным подразделением этого отдела, да и всего управления, было ОББ — отделение по борьбе с политическим бандитизмом и разведывательно-диверсионными группами, или, как бы сейчас сказали, «антитеррористический отдел».

ОББ состояло из 32 офицеров, задачей которых была борьба против контрреволюции: вооруженного антисоветского бандитизма, против засланных из-за «кордона» боевиков, а также — поимка бывших фашистских прислужников и карателей с «кровью на руках». Все эти тридцать два человека были оперативными работниками, и почти все из них отличались хорошей боевой подготовкой и фронтовой закалкой. Первым начальником 5-го отдела при Каунасском управлении ГБ был Мартавичус, за ним — Олейник, а ОББ руководил Беркович, и его на этой должности заменил я. В состав отделения входила специальная группа из семи человек, целенаправленно занимавшаяся поиском и задержанием бывших карателей, скрывшихся после освобождения Литвы от немцев на территории республики, и основным направлением моей работы вплоть до назначения на должность начальника отделения был именно поиск палачей-карателей и борьба с антисоветским подпольем, вражеской агентурой и парашютистами.

Для проведения боевых антипартизанских и прочих специальных операций конкретно нашему Каунасскому управлению НКВД был подчинен полк внутренних войск, которым после войны командовали полковники Попов и Павлов, а начальником штаба этого полка был подполковник Мархасин. В этом полку сразу после освобождения Литвы от немецкой оккупации служило много бывших партизан и бывших кадровых пограничников, люди с большим боевым опытом и хорошей подготовкой, так что части этого полка представляли собой серьезную боевую силу.

В Каунасе существовала также отдельная школа войск НКВД, готовившая солдатский и сержантский состав для погранчастей и маневренных групп по борьбе с бандитами.

Здесь обучали многим деталям «антипартизанской войны», начиная от ориентирования в ночном лесу и заканчивая организацией засад.

Давайте заранее определимся, как будем в интервью именовать участников литовского антисоветского сопротивления. В литовском варианте они назывались «лешке бролес» — «лесные братья», и для современной литовской молодежи, изучающей историю своей страны по новым учебникам истории Литвы, они являются национальными героями, борцами за независимость Литвы против «советских оккупантов», но для вас по-прежнему «лесные братья» в своем большинстве — немецкие прислужники, каратели и убийцы. Как будем называть тех, с кем вам пришлось сражаться в послевоенной Литве? Партизанами или «белоповстанцами», как когда-то писали в официальных документах, или по-современному — «резистентами»?

Для меня они были, есть и останутся бандитами. Мне трудно подобрать более приличный, «удобоваримый» для всех словесный эквивалент.

Ладно, будем называть их «повстанцами» или «партизанами», если вам так нужна пресловутая политкорректность, то пожалуйста.

Кого набирали на службу в ОББ?

Ядро отделения по борьбе с бандитизмом составляли литовские коммунисты, бывшие подпольщики, с 1940 года служившие в НКВД ЛССР. Национальный состав отделения: литовцы, русские — уроженцы Литвы, несколько евреев и один татарин, старший лейтенант Николай Танчурин, которого выгнали из отдела и уволили из органов МГБ, когда

обнаружилось, что он присваивал себе деньги, выделенные на работу с агентурой. В ОББ набирали также демобилизованных из армии офицеров с боевым опытом, бывших разведчиков или направляли к нам бывших фронтовых смершевцев. Но было несколько человек из бывших литовских подпольщиков, старых коммунистов, направленных к нам, которые не имели достаточного боевого опыта. Одним из них был старый коммунист, бывший портной Моченис. Как-то в одном боевом столкновении в районе местечка Швенчонис он «прозевал» двух бандюг, вылезших из бункера и зашедших к нему за спину. Я заметил их, когда они уже прицелились из автоматов в спину Мочениса. Тут все решали доли секунды, и я успел его спасти и срезал этих двоих автоматной очередью.

Какой была обстановка в Литве в 1944-1945 годах?

За исключением Вильнюсского края, обстановка на большей части республики была относительно спокойной. В лесах находились с оружием в руках примерно 3000-4000 бывших карателей из полицейских батальонов и бывших офицеров старой ЛА (Литовской армии) и примерно 500 агентов-диверсантов, прошедших подготовку в немецких разведшколах, заброшенных по воздуху на территорию Литвы или специально оставленных немцами в республике после отступления вермахта, но боевая активность этих банд была низкой в этот период, они в основном прятались по схрамам и бункерам в лесной глуши, совершая мелкие террористические акты, нападая на представителей советской власти на местах, на небольшие подразделения «ястребков» и солдат Красной армии, на малочисленные гарнизоны в деревнях и на одиночные армейские машины. Наиболее активно в последний год войны действовали банды и

антисоветское подполье в Вильнюсе и его окрестностях, там кровь лилась обильно с двух сторон. Но эти банды в основном состояли из поляков, бывших партизан АК, и именно ими и занимались в первую очередь части по охране фронтового тыла и погранполки. После того как фронт прокатился через Литву, в тылах воюющих прибалтийских фронтов почти не осталось окруженцев из частей вермахта, пограничники их выловили по лесам к зиме 1945 года.

Когда в мае 1945 года к нам поступил сигнал, что в поселке возле Девятого форта полностью вырезана литовская семья, то мы были уверены, что вырезал кто-то не из наших, не из местных. Так и оказалось. Я заметил, что в доме, где произошло массовое убийство, часть атласной скатерти на столе была аккуратно отрезана, видимо, на портянки взяли. Недалеко — железная дорога, по которой один за другим на восток, на грядущую войну с Японией перебрасывались армейские эшелоны. Мы выяснили, какие составы проходили за эти сутки через Каунас, и дали шифровку по транспортным отделам НКГБ. Убийц нашли только через две недели, уже за Уралом, это была банда военнослужащих из семи человек, у одного из них был найден кусок красного атласа из дома убитой семьи...

Я лично считаю, что основной рост численности участников литовского антисоветского сопротивления произошел уже после речи Черчилля в Фултоне, положившей начало холодной войне. До этого момента войска НКВД и местные истребительные батальоны («ястребки») не давали повстанцам развернуться в полную мощь, и большинство старых «партизанских кадров, призыва 1944 года» было уже уничтожено в лесах или взято в плен, но в 1946 году был настоящий всплеск политического бандитизма. Количество ежедневных партизанских террористических вылазок и всякого рода диверсий дошло до трех в сутки по

территории Литвы, согласно ежедневной оперативной сводке МГБ, обстановка резко накалилась. Тогда в надежде, что скоро «с Запада наши придут», первыми активизировались находившиеся в подполье бывшие офицеры ЛА (Литовской армии) на юге Литвы. Одним из них был бывший офицер русской царской и впоследствии — литовской буржуазной армий Сергеюс Станишкис по кличке Литас, во время войны служивший офицером в карательном батальоне Импулявичуса. Он был на тот момент главным пропагандистом антисоветского подполья и после речи в Фултоне выпустил по всей Южной Литве листовки на русском языке с красными буквами — «Готовьтесь к атомной бомбе!» Вскоре группой Станишкиса было вырезано все русское население деревни Обшутай, и с этого момента «повстанцы» перешли к более активным действиям по всей Литве, началась довольно серьезная мобилизация в партизанские бандитские вооруженные формирования. За границей к тому моменту уже существовали организации литовских националистов VLIK (Общелитовский освободительный фронт), и на территории западной части Германии активно стала действовать не менее реакционная организация — BDPS, мозговой центр которой составляли представители литовской интеллигенции и старшего офицерства ЛА в эмиграции. Оставленные на территории Советской Литвы агенты этих организаций сразу приступили к эскалации партизанских действий, один из руководителей «лесных братьев» и организации LLKS Жемайтис приступил к созданию 12 партизанских округов и к общей мобилизации боевых отрядов в Литве. Мобилизационный резерв состоял в основном из бывших литовских офицеров и бывших карателей из полицейских литовских батальонов, но на увеличение численного состава антисоветских бандгрупп повлиял еще один немаловажный фактор. В

лесах и на дальних хуторах прятались тысячи дезертиров, скрывающихся от армейского призыва, в своей массе это была ранее аполитичная молодежь. Еще в начале 1945 года нарком ГБ Литвы Гузявичус-Гудайтис лично написал письмо на имя Сталина, в котором просил отменить армейский призыв в Литве, аргументируя свою просьбу тем, что в Литве, до войны считавшейся отсталой католической страной, служба в армии никогда не была популярной (приводил в доказательство своих утверждений полицейскую статистику за 1918-1939 годы, в которой указывалось, что 17 % литовцев-призывников занимались членовредительством или симуляцией, лишь бы не служить в буржуазной армии), и отмечал, что массовый уклон от призыва и последующее дезертирство в леса может только усугубить и без того напряженную обстановку в республике и способствовать росту численности вооруженных антисоветских формирований. Гузявичус был прав: еще при правительстве Сметоны за уклонение от призыва давали тюремный срок от 7 месяцев до трех лет, но это мало помогало... Когда в конце 1944 года в Литву из Смоленской области перебросили 50-ю запасную Литовскую стрелковую дивизию, готовившую литовских призывников для 16-й СД и других фронтовых частей, то из запасных полков этой дивизии за короткое время сбежали в леса свыше полутора тысяч дезертиров. Кроме того, Гузявичус привел пример, что и немецкая мобилизация в 1944 году в Литовский территориальный корпус под командованием генерала Плехавичуса потерпела неудачу, части этого корпуса оказались небоеспособны и не смогли активно вести борьбу с советскими партизанами, многие просто разошлись по домам, невзирая на то, что большая часть личного состава корпуса была набрана из литовских добровольцев. Это письмо стоило Гузявичусу его

должности, по распоряжению Сталина он был снят с поста наркома госбезопасности республики, на его место назначили Ефимова, и все последующие «сталинские» министры госбезопасности (наркомы ГБ) были уже не местными уроженцами, а были присланными из России: генералы Кондаков и Капралов. Массовый призыв в Литве был продолжен до конца войны, и немалая часть скрывающихся в лесах уклонистов от призыва и армейских дезертиров, численность которых оценивалась нами в 1947 году примерно в 17 000–20 000 человек, со временем взяла в руки оружие и влилась в ряды партизанских антисоветских бандформирований. Еще надо принять во внимание, что когда советская власть сразу после войны объявила полную амнистию дезертирам и «армейским уклонистам», с повинной явилось несколько десятков тысяч человек, которые были отпущены по домам и не подвергались никаким репрессиям. Максимальное число «повстанцев» — «лесных братьев», находившихся в лесах с оружием в руках, пришлось на 1947–1948 годы, по оценке МГБ ЛССР, в бандах воевали 32 000 человек, но большинство бандгрупп не проявляли высокой боевой активности, сидели в глухих лесных массивах и ждали у моря погоды, мы им просто не дали возможности развернуться в полный рост.

Как к этому явлению — «партизанское антисоветское движение» — относилось партийное руководство республики?

Многие партийные руководители Литвы в свое время воевали в Испании в 1936–1938 годах в составе интербригад, и они открыто говорили, что в республике идет гражданская война. Руководитель республики Снечкус лично на закрытых партийных собраниях

сравнивал происходящее в республике с испанскими событиями.

Снечкус и его соратники были порядочными людьми, честными коммунистами и настоящими литовцами, и когда Москвою несколько раз поднимался вопрос о проведении масштабной войсковой операции на территории всей республики, то партийное руководство Литвы резко противилось подобным предложениям, доказывая, что политический резонанс от такой операции на Западе нанесет сильный ущерб репутации СССР, мол, как это можно, показать всему миру, что на территории советской страны существуют сильные антиправительственные вооруженные формирования и что из-за них со всего Союза нужно собирать войска, чтобы покончить с ними? А ведь были предложения, исходившие напрямую от Берии, что надо собрать из других мест СССР одновременно тысяч 200-250 солдат и офицеров из войск НКВД и обычных армейских частей, задействовать технику, подключить местные ресурсы личного состава и, как «бреднем», плотными цепями прочесать всю Литву с четырех сторон и покончить одним ударом со всеми силами сопротивления за одну неделю. Но Снечкус понимал, что во время такой крупной операции неизбежны немалые жертвы со стороны мирного населения и возможны проявления произвола, и он категорически возражал против подобного окончательного решения «партизанского вопроса». Более того, по требованию Снечкуса, в 1945 году нарком внутренних дел республики Барташунас обратился в листовке с воззванием к укрывающимся в лесах дезертирам и вооруженным бандитам с предложением сложить оружие, призвал к явке с повинной, гарантируя неприкосновенность и полную легализацию всем, кроме бывших карателей. Из лесов вышли и сдались добровольно пять тысяч человек, которым на месте, в

райотделах, выдавались советские паспорта и справки, что человек не имеет грехов перед новой властью и является полноправным гражданином.

Все делалось для того, чтобы избежать лишних, никому не нужных жертв, по-настоящему не скатиться в кровавое болото братоубийственной гражданской войны...

Но я лично не считаю послевоенную борьбу с литовским антисоветским движением гражданской войной, хотя примеров тому, как брат шел на брата, хватает.

Полковник Мотека — командир стрелкового полка, воюет за советскую власть в 16-й СД, а его брат — офицер-каратель на службе у немцев. Один брат Тендегольскис — коммунист, а второй — полицей-каратель и впоследствии парашютист, заброшенный в наш тыл после обучения в диверсионной школе.

Большая часть литовского народа хотела спокойно жить и работать, в подпольной или в «лесной» войне не участвовала и приняла новый советский режим, хоть и «со скрипом», как «неизбежное, но меньшее зло», но, не считая бывших офицеров ЛА, в леса ушли воевать только бывшие бандиты-каратели (залитые чужой людской кровью по макушку и знавшие, что пощады им от советской власти никогда не будет), кулаки и дезертиры и, к сожалению, часть «зеленой» молодежи, одурманенной националистической пропагандой. И даже националистически настроенная, ориентированная на Запад литовская интеллигенция и духовенство со временем осознали, что братоубийственная война не приведет к независимости. Мне приходилось с такими людьми много общаться, они понимали, что оказавшись между «молотом и наковальней», между битвой двух империй, после нового передела мира Литва только выиграла от того,

что являлась в составе СССР частью антигитлеровской коалиции.

В 1940–1941 годах многие из них уповали на приход немцев, хотя было ясно, что Гитлер никогда не признает литовцев арийцами и никогда не признает Литву независимым государством, достаточно вспомнить его выступление в Мемеле.

Даже литовские нацисты не смогли добиться от немцев для себя независимой политики и своего государства. В октябре 1941 года генерал Прапуленис и другие руководители «Фронта литовских активистов», Мачекас и Пундзявичус, послали Гитлеру и Браухичу «Меморандум», в котором жаловались на то, что отношение немецких оккупационных властей к литовцам еще хуже, чем отношение Советов, они писали, что как же это так (текст привожу примерно, по памяти): ...мы выставили 100 000 партизан для помощи наступающим немецким частям вермахта, вырезали всех своих евреев и коммунистов, стреляли в спину красноармейцам, помогая «освобождению Литвы от диких орд жидокоммунистов», а нас немцы за людей не считают?! Дайте нам независимое государство, мы ведь ваши союзники, дайте нам возможность вновь создать свою армию, мол, мы оправдаем доверие, поможем в борьбе с «большевистской заразой»... и так далее — все письмо было в таком духе. Гитлер отреагировал на это письмо своеобразно — были ликвидированы все самостоятельные литовские государственные учреждения, оставлено только местное самоуправление и литовский «губернатор» Кубилюнас, а почти все уже сформированные литовские полицейские батальоны были отправлены на проведение карательных операций по истреблению гражданского, в основном еврейского, населения и на борьбу с партизанами за пределами Литвы.

А разве только силами войск НКВД, находившихся в Литве, и частей Прибалтийского ВО не могли провести подобную «зачистку» территории республики?

Части НКВД на территории Литвы не были столь многочисленны. Были войска Литовского пограничного округа и отдельные полки войск НКВД. В 1945 году таких погранполков было на территории республики всего пять, потом стало одиннадцать, и часть из них занималась своим обычным делом — прикрытием границы и борьбой с бандитским элементом в приграничных районах. Максимальная численность войск НКВД, включая оперсостав и отдельные маневренные группы погранчастей, в Литве в послевоенный период не превышала 17 000 солдат и офицеров — всего 14 полков.

В местных истребительных батальонах, сформированных из комсомольцев и литовской молодежи, поддерживающей советскую власть, в 1945 году было 11 000 бойцов, а в 1948 году — только семь тысяч. Я не думаю, чтобы всех этих частей было достаточно для полной ликвидации повстанческих формирований, хотя уже после войны, летом, в июне 1945 года и в 1946 году были проведены крупные операции с блокадой лесных районов, отличавшихся высокой повстанческой активностью.

А обычные армейские части Приб. ВО после войны никогда не привлекались к масштабным антипартизанским операциям. Но сразу хочу заметить, что армейские отделы Смерша также занимались борьбой с белоповстанцами — «лесными братьями».

Вы говорите, что Снечкус мог проводить относительно самостоятельный политический курс в своей республике. Но его замом, вторым секретарем ЦК ЛКП, после войны был будущий

серый кардинал и главный идеолог КПСС Суслов, ставленник Сталина в Литве. Как Снечук при таком плотном контроле мог не быть марионеткой?

Суслов почти не лез в республиканские партийные и хозяйственные дела, и со Снечуком у него были очень хорошие отношения. Снечук в 1945 году фактически спас партийную карьеру Суслова, и тот чувствовал себя ему обязанным. Что произошло?

Когда Суслов прибыл в Литву, то его поселили в пустой квартире в Вильнюсе, но всю люкс-мебель туда завезли трофейную из Калининграда (Кенигсберга), и занималось этой перевозкой хозуправление при ЦК ЛССР. Кто-то донес прямо в Москву, что Суслов занимается «мародерством», его карьера висела на волоске, и Сталин приказал собрать всех членов бюро ЦК республики на заседание, на которое он должен был лично позвонить из Москвы. Так и сделали, и когда Сталин позвонил, то Снечук ему сказал: «Товарищ Сталин, мы с вами хорошо знаем, что такое спать на холодных тюремных камнях, так что, я не могу своего товарища по партии поселить в хороших условиях? Вся мебель была взята в брошенных пустых домах, Суслов здесь ни при чем, наказывайте меня», и Сталин в ответ рассмеялся. Снечук очень хорошо ориентировался в обстановке в республике, в местных реалиях, в тонкостях психологии литовского народа, и Суслов ему в работе не мешал.

Понятно. Давайте перейдем к вопросам, освещающим конкретную деятельность вашей группы, входившей в состав ОББ.

По данным Министерства Германии по делам оккупированных восточных территорий, на январь 1945-го в частях вермахта и в различных других вооруженных формированиях, воюющих на стороне немцев, насчитывалось 36 800 литовцев. Насколько я

понимаю, в это число, скорее всего, не вошли служившие в 22 (по другим данным, в 25) карательных полицейских литовских батальонах. Кроме того, только в 1943-1944 годах около тысячи человек, уроженцев Литвы, прошли подготовку в разведшколах абвера и гестапо в Кенигсберге, Штеттине и Каунасе и были посланы впоследствии на территорию республики.

Как проводилась работа по выявлению и задержанию гитлеровских прислужников? Откуда добывалась нужная информация по местонахождению тех или иных карателей, находящихся в розыске? На чем основывалась агентурная и оперативная работа отдела?

Я вам уже говорил, что в Вильнюсе была захвачена телефонная и адресная книга с точными адресами руководящих сотрудников СД и гестапо на территории Литвы.

Во время обысков на их квартирах было найдено множество документов, которые в спешке, во время бегства из Каунаса и Вильнюса, они не успели уничтожить.

В Каунасе немцы вообще сделали нам «настоящий подарок»: бросили основную часть архива разведшколы абвера, личные дела курсантов с фотографиями и часть архивов гестапо. Все эти захваченные документы очень помогли нам определиться в точном направлении поиска предателей и нацистских прислужников.

На каждого разыскиваемого заводилось отдельное дело, и начинались следственно-розыскные мероприятия... По всем карателям из полицейских батальонов поначалу не было достаточного количества документальных материалов, позволяющих изобличить и доказать участие каждого полицая в массовых убийствах. Но со временем мы имели поименный список на 8 800 человек, непосредственно участвовавших в

расстрелах, служивших в карательных полицейских частях, в «шуцманшафтбатальонах», сформированных из литовцев, и всю документацию, позволявшую отследить по месяцам кровавый путь каждого полицейского карательного батальона, начиная со дня его формирования, и отдельно — полный список командного состава этих батальонов.

Кроме того, мы составили отдельный список на 3 200 человек, также служивших в этих полицейских батальонах во вспомогательных и тыловых подразделениях, то есть тех, кто лично мог и не быть запятнанным в участии в преступлениях против народа и, возможно, не имел «чужой крови на руках». Первым в нашу следственную разработку попал 2-й полицейский батальон, которым командовал майор Антанас Импулявичус, который был сформирован из самых отъявленных головорезов и извергов, самая кровавая банда варваров, на совести которой жизни 70 000 убитых ими евреев и свыше 20 000 уничтоженных военнопленных красноармейцев. Эти головорезы отметились по всей Литве, потом проводили карательные операции в Белоруссии, служили охранниками в лагере уничтожения Майданек в Польше, участвовали в антипартизанских операциях во многих местах. Сплошь убийцы, звери, а не люди, пробы ставить негде, многих из этого батальона мы достали, но вот главного изувера, Импулявичуса, поймать не успели, он с частью своих карателей под видом беженцев сумел перебраться в конце войны в оккупационную зону союзников, и обнаружили мы его уже в США, но американцы отказали нашим неоднократным требованиям его выдать на суд, как военного преступника...

В 1949 году я получил письмо из Москвы, которое послал мне бывший каунасский коммунист Фишер, немец по национальности, с которым мы вместе сидели

до войны в тюрьме. В начале войны Фишера, находившегося на тот момент в России, арестовали и посадили в лагерь как немецкого шпиона, но он смог как-то связаться оттуда с находившимся в СССР руководителем немецкой компартии Пиком, который вызволил его из заключения, и в 1949 году, сразу после образования ГДР, Фишер стал работать в отделе Штази, занимавшемся поиском нацистских преступников. Находясь на курсах в Москве, Фишер услышал от кого-то, что я жив, написал мне письмо, в котором просил срочно приехать к нему. В Москве Фишер мне рассказал, что в Германии обнаружены архивные документы гестапо, и передал один список из этих архивов, в которых были отражены действия литовских карателей, и там же стояли отметки напротив каждой фамилии: такой-то за участие в акции получил денежное вознаграждение 100 марок, другой — 200 марок и так далее. Получив эту информацию, я оформил себе командировку в Берлин, где со всех документов «по Литве» были сняты фотокопии, и используя эти данные, мы продолжили поиск карателей, имея на руках полную доказательную базу, изобличающую карателей в массовых убийствах мирного населения и зверствах в годы войны. Но и до этого, используя работу с агентурой, мы постепенно всех вылавливали.

Мне вообще крупно повезло поймать «золотую рыбку», сейчас уже можно об этом рассказать, поскольку главный участник этих событий уже ушел в мир иной.

На четвертый день после освобождения Каунаса я вышел из нашей комендатуры, находившейся на Лайсвис-аллее № 6, и заметил стоящего неподалеку переминающегося с ноги на ногу человека в гражданской одежде. В Каунасе в те дни гражданского населения осталось очень мало, многие жители, ожидая ожесточенных боев за город, перебрались на время в

сельскую местность, мало кто мог предположить, что немцы оставят Каунас без боя. Поэтому странный человек, одетый в штатское, стоящий в напряжении возле управления НКВД, вызвал определенный интерес. Я был в форме пограничника, в фуражке с зеленым околышем. Подошел к нему и спросил по-русски: «Кого вы ищете?» Он отозвался: «Вы советский офицер?» — «Да, я пограничник, а что вы, собственно, хотели?» — «Я хочу узнать судьбу своего брата, он коммунист, в 1941 году ушел на восток с Советами». Я перешел на литовский язык и поинтересовался: «Как зовут вашего брата, кем он был до войны?» — «Его зовут Витаутас Баршкетис, я его брат Йонас»... Витаутас Баршкетис был моим близким товарищем, работником НКВД и личным охранником Снечкуса, и Йонас даже слышал, как в 1942 году Витаутас выступал по московскому радио, призывая литовцев подняться на партизанскую борьбу с немцами. Я сказал, что его брат жив и находится сейчас, скорее всего, в Вильнюсе.

И тут Йонас произнес фразу: «Я ваш друг, я хочу вам помочь». В 1940 году Йонас после прихода Красной армии и новой власти в Литву бежал в Германию, где примкнул к группе литовских националистов. Вернувшийся осенью 1941 года на Родину, в Каунас, он получил «теплое» место, стал директором буфета в здании каунасского гестапо. После поражения немцев под Сталинградом Йонас Баршкетис понял, что поражение Германии в этой войне не за горами, и стал тайно вести дневник, в который записывал всех немецких агентов, пособников и карателей, включая имена, клички и приметы. Он у себя в буфете слышал все пьяные хвастливые разговоры карателей и предателей, как и где они убивали и расстреливали, и все это подробно заносил в свой дневник. Но особую ценность представляла учетная книга, где отмечалась выдача «продуктовых вознаграждений» агентам

гестапо, с настоящими фамилиями получателей. Такому-то — 5 кг сахара, такому-то — 3 кг сала — плата за убийства, за предательство, за истребление невинных людей, Баршкетис выдавал им продукты лично со склада... Все эти записи Баршкетис передал мне, и по ним моя группа выловила многих. Увидев записи «о вознаграждении» и свои подписи в учетной книжке, пойманные нами бывшие каратели сразу признавались, без угроз и без каких-то следственных «трюков». Баршкетис стал моим агентом по кличке Примас, он был внедрен в каунасское националистическое подполье, занял в подпольной иерархии важное положение, оставаясь вне подозрений, и благодаря его агентурной информации многое, что планировалось и происходило в подпольной антисоветской организации Каунаса, мы знали досконально, многое было под нашим контролем, но, конечно, не все...

Немало карателей было опознано после войны свидетелями их преступлений, случайно выжившими во время расстрелов, и эти люди сразу сообщали в органы МГБ, что такой-то появился в городе или в определенном районе. В качестве примера расскажу один случай. Мой товарищ Калман Лурье, родом из Шяуляя, вернувшись в родной город, узнал от своих бывших соседей-литовцев, кто из земляков лично убил всю его семью.

И с этим человеком, с убийцей, он случайно столкнулся ночью в Каунасе на улице, и Калман, не выдавая волнения, спросил: «Стасис, ты жив?» — «Да, все в порядке, работаю в горисполкоме. Тороплюсь, извини, увидимся и поговорим в другой раз», — и скрылся в переулке. Калман Лурье той же ночью прибежал сразу ко мне, все рассказал, и утром, взяв с собой своего товарища-чекиста Йонаса Матулайтиса, мы, одетые в штатские костюмы, отправились на

«Виллисе» к зданию горисполкома. В здание все входили медленно, через дверь-вертушку, и тут Лурье подает знак: вот он, идет.

Мы — за ним, этот человек заходит в свой кабинет, на двери табличка «Начальник отдела строительства», в приемной его ожидают люди. Я вышел из здания и подошел к Калману: «Ты уверен, что это он? На табличке значится совершенно другая фамилия». — «Нет, я не ошибся, это именно Стасис». Тогда мы с Матулайтисом зашли в кабинет к этому начальнику стройотдела, предъявили свои удостоверения и сказали, что он арестован. Этот убийца от потрясения и испуга даже не смог совладать с собой и описался на месте. Он не стал прикидываться дурачком на допросе и сам привел следственную группу к тому месту, где он убил и закопал семью Лурье.

Тогда же, в 1944 году, Баршкетис мне рассказал, что за несколько дней до отступления немцев из Каунаса он видел старшего сына из семьи немецкого лютеранского пастора Йодаса, который при немцах поменял фамилию на Шварц и стал карателем. «Отличился» этот Шварц во время массового убийства каунасских евреев 23-25/6/1941 года, и во время акций по ликвидации минского гетто, и в расстрелах белорусских партизан. Материал на него был собран серьезный. Но Шварц-Йодас как в воду канул, у нас не было информации, что он находится в отрядах «лесных братьев», и на определенном этапе поиски Шварца зашли в тупик. И тут у меня возникла мысль: если он при немцах свою фамилию, которая переводится с литовского на русский язык как «Черный», поменял на Шварц, то, возможно, и сейчас носит новую «созвучную» фамилию. Мы знали, что до войны он работал инженером-электриком. Фактически наугад проверили всех по фамилии Чернавис и Чернаускас и тому подобные, и в городе Швенчонис в

горэнергоуправлении нашелся инженер с такой фамилией. Проверили, а это и есть «наш» Йодас-Шварц, убийца-каратель и немецкий пособник. Взяли его...

В некоторых публикациях, посвященных событиям в послевоенной Литве, описывается, что ГБ внедрила своего агента в руководство организации BDPS? Насколько это соответствует истине?

Да, это правда. С целью оттянуть часть воюющих в лесах партизан к более умеренным борцам, Снечкус и Гузявичус решили создать свое «партизанское антисоветское движение», превратить «в свою» организацию «Общедемократическое сопротивление», во главе которой встал наш агент, бывший генерал медслужбы профессор Маркулис (Меркулис), имевший агентурную кличку Орел. Маркулис находился на легальном положении и преподавал в Вильнюсском университете. В это время по указанию руководителя антисоветского сопротивления и организации LLKS Жемайтиса создавались партизанские округа, и вильнюсским округом, который они называли «Округ великой борьбы», командовал Куликаускас (партизанская кличка Зеленый черт). Маркулис, имевший сильное влияние на Куликаускаса, вел свою линию, убеждая партизанских командиров: «Зачем нам терять своих лучших бойцов в сражениях с русскими частями НКВД? Сейчас не время для открытого вооруженного противостояния, у коммунистов много войск, нас так быстро истребят. Мы обязаны сберечь нашу молодежь. Мы временно должны отказаться от террора и ждать, когда американцы нападут на Советы, и вот тогда, сохранив свои лучшие боевые кадры, мы поднимем восстание по всей Литве. Мы должны преобразовать наши лесные боевые отряды в «запасные», ждущие своего часа и общего приказа».

Маркулис доставил Куликаускасу 6 000 чистых легальных паспортов, и тот приказом «демобилизовал» своих партизан до лучших времен, снабдив каждого новыми документами. Паспорта для людей Куликаускаса были изготовлены в нашем республиканском МГБ, так что мы знали, кто куда направился и чем занимается. А Куликаускаса из Вильнюсского края Маркулис выманил «на встречу с английским резидентом в Литве», и тут Куликаускас был схвачен, и за свои преступления, за массовые убийства, совершенные в годы немецкой оккупации, был приговорен к расстрелу. Маркулис долгое время оставался «свой среди своих», на него не падала тень подозрения, но он был «выведен из игры», когда мы узнали, что один из диверсантов, заброшенных с Запада, Лукша, смог доказать Жемайтису, что Маркулис — «агент НКВД», и тогда Маркулиса вместе с семьей наши чекисты вывезли из Литвы, чтобы не подвергать его смертельному риску. Кажется, Маркулис потом проживал в Ленинграде.

Внедрение своих агентов в подполье — это общеизвестный прием из тактики действия спецслужб, обычная агентурная комбинация.

Но вот в сборнике, посвященном действиям войск НКВД в послевоенной Прибалтике, я прочел информацию об одном интересном эпизоде. В лесах, в районе Паневежиса, была задействована чекистская опергруппа под командованием Мирковского, которая выдавала себя за банду «власовцев». С ними на связь вышел отряд литовских «лесных братьев» под командованием Новицкаса, и «власовская банда», не вызвавшая у повстанцев никаких подозрений, просто перебила отряд Новицкаса, а 20 человек были взяты в плен. Насколько часто органами ГБ Литвы применялась

подобная практика — создание «ложных партизанских отрядов»?

Подобный метод борьбы с «лесными братьями» использовался крайне редко.

Но были особые случаи, что мы даже выбрасывали своих агентов в леса на парашютах, под видом «английских диверсантов», Лукша, кстати, на этой «наживке» и попался.

Операции, проводимые «псевдопартизанскими» группами, были связаны с большим риском, и не всегда были удачными. Приведу пример. В Лаздийском уезде, это на польско-литовской границе, местным райотделом ГБ в довольно серьезную банду, состоявшую из десяти бывших офицеров ЛА, был внедрен наш агент. В соседнем районе нами была создана «лжепартизанская группа», состоявшая якобы из молодых литовцев, дезертиров из Красной армии, и офицеры захотели объединиться «с молодежью». Был составлен план операции по обезвреживанию «офицерской» банды, и я стал настаивать на том, чтобы нашего агента вывели из банды еще до начала операции, но «московские кураторы» мое предложение отвергли, и я просто в резкой форме отказался участвовать в этой операции. Наша «дезертирская» и «офицерская» группы назначили встречу на озере, но все пошло наперекосяк, офицеры почуяли неладное и открыли огонь по «дезертирам», и в итоге всех офицеров перебили во время огневого контакта, и среди них погиб и наш агент Йочус... Начальник каунасского Управления МГБ полковник Яков Федорович Синицын после подошел ко мне и сказал: «Нахман, ты был прав»...

Как понимать фразу — «московские кураторы»?

По линии НКВД из Москвы в Литву был прислан уполномоченный по республике комиссар госбезопасности Ткаченко. Прибалтику курировали в

разное время заместители Берии: Круглов, Кобулов, Питовранов. Это я перечислил только «птиц высокого полета», в генеральских званиях. Разработкой некоторых масштабных операций по ликвидации крупных отрядов «белоповстанцев» в определенный период занимался лично руководитель Управления ОББ НКВД(МГБ) СССР генерал Леонтьев.

Тут речь не шла о недоверии республиканским органам ГБ, просто так было принято.

Как говорится, «на вашей совести» — поимка ключевых фигур в Литовском партизанском движении, перечислю фамилии: Раманаускас, Лукша, Жемайтис.

Как это происходило? Что это были за люди?

Лукшу вы мне не приписывайте, мне лишней славы не надо, его поимкой и задержанием, кстати неудачным, в последний момент занялись «москвичи», и эта операция закончилась провалом. Лукша погиб, хотя был строжайший приказ — его брат только живым. Из всех перечисленных вами троих я лично брал только Жемайтиса и участвовал в разработке операции по задержанию Раманаускаса.

Майор Литовской армии Жемайтис, уроженец Польши, в Литву перехал в 1919 году, закончил офицерскую школу во Франции. В 1940 году, с приходом Красной армии в республику, Жемайтис дезертировал из ЛА, перешел новую границу с Германией и был принят на службу офицером в вермахт. В 1944 году Жемайтис носил уже звание полковника немецкой армии, командовал охраной всех концлагерей в Люблинском округе. Весной того же года он прибыл в отпуск в родные края и на службу к немцам не вернулся, дезертировал и остался в Расеняе, где организовал подпольную сеть LLKS, далее стал руководить формированием партизанских округов и со

временем стал главной фигурой в литовском антисоветском сопротивлении. Брала Жемайтиса в лесном бункере в Расеняйском лесу именно моя группа, а выдал его местонахождение человек, которому Жемайтис доверял, как себе самому... Приказ был прямым «Взять живым!» — без оговорок и всяких «но...», и поскольку мы приняли во внимание вероятность того, что Жемайтис при задержании может застрелиться, решено было использовать спецсредства, в бункер закинули «огурчик» — химическую гранату, и задержание было проведено молниеносно. Вел дело Жемайтиса следователь Григорий Линева, и я присутствовал на допросах.

И когда на одном из допросов, припертый фактами и показаниями свидетелей, Жемайтис стал рассказывать, как он лично заталкивал в газовую камеру еврейских детей, прибывших транспортом в лагерь уничтожения из Шяуляйского гетто, я спросил его: «Вы же были образованный и интеллигентный человек, почему вы так ненавидели евреев?!» — и он ответил мне: «А почему вы воевали за Сталина?!» И вдруг дело Жемайтиса от нас забрали, в республику приехал адъютант Берии, полковник по фамилии Зацыкин, и увез с собой все следственные материалы и самого Жемайтиса в Москву, где (как нам потом говорили хорошо информированные люди из нашего большого начальства) Жемайтис трижды встретился и беседовал с самим Берией, который предложил Жемайтису должность заместителя председателя Совета министров Литвы по национальным вопросам, обещал жизнь и прощение «всех прошлых грехов» в обмен на публичное покаяние и осуждение антисоветского партизанского движения в республике. Зачем это нужно было Берии, какие политические дивиденды он хотел на этом нажить — трудно понять, но вскоре Лаврентий Палыч сам оказался на нарах в

роли «врага народа», а Жемайтиса вернули в тюрьму, назад в Литву. После «возвращения из Москвы» Жемайтис замкнулся, прекратил сотрудничать со следствием. Суд приговорил его к высшей мере наказания.

А по вашему мнению, Жемайтис мог пойти на такую сделку с Берией?

Пишут же литовские историки, например профессор Труска, что первый заместитель Жемайтиса Раманаускас еще в 1952 году обратился к литовским партизанам с призывом прекратить вооруженную борьбу, сложить оружие и выйти из лесов в обмен на очередную, обещанную советскими властями еще в 1950 году полную амнистию.

Вильнюсский профессор Людас Труска, по моему мнению, самый компетентный и объективный ученый-историк в нынешней Литве, но здесь какое-то недоразумение.

Это ошибка, которая, видно, пошла «гулять» по разным публикациям историков, занимающихся событиями периода 1944–1953 годов в послевоенной Литве.

Заместитель Жемайтиса Раманаускас никогда не делал подобных заявлений.

С призывом к повстанцам прекратить вооруженное сопротивление обратился известный в Литве, уже арестованный органами ГБ католический епископ Раманаускас, однофамилец главного «лесного брата». Его обращение, которое условно можно назвать так: «Хватит воевать!» — зачитывали во всех костелах. Сам Раманаускас никогда на такое бы не пошел, не та у него была закалка и биография, чтобы идти даже на минимальный компромисс «с Советами», он был непримиримым врагом советской власти. Адольфас

Раманаускас был учителем в Алитусе и лейтенантом ЛА, в свое время женился на дочери крупного помещика и в 1940 году занимал должность заместителя директора гимназии. Когда в Литву пришла советская власть, Раманаускаса сняли с должности, и после этого он работал простым учителем в Вильнюсском крае, в Друскининкае, где сразу организовал подпольную боевую организацию. С приходом немцев Раманаускас стал вырезать всех окрестных поляков, вода в Немане стала красной от польской крови, и сами немцы, желавшие спокойствия, «утихомирили» Раманаускаса и его озверевшую от крови и безнаказанности банду. Раманаускаса отправили в Ладзеняй, на родину жены, но там он сразу набрал новый отряд головорезов и первым делом вырезал всех евреев в местечке Меркинес, а потом продолжил свой кровавый путь...

В 1944 году, сразу после вступления Красной армии на территорию Литвы, Раманаускас-«Ванагас» создал в Южной Литве партизанский округ «Дайнава» и вскоре занял в организации LLKS пост заместителя Жемайтиса и стал его личным другом.

До 1955 года Раманаускас был фактически «невидимкой», органы не могли его выследить и взять. По агентурным данным, было ясно, что Раманаускас остается в Литве, но где он залег, в каком глухом бункере прячется, информации не было.

А потом всплыл такой факт, что прошедшая подготовку в английской разведшколе диверсионная группа Лукши, выброшенная на парашютах на территорию Советской Литвы, привезла с собой большую сумму денег в американской валюте и основную часть денег, а это были многие десятки тысяч долларов, Лукша передал Раманаускасу.

И тогда под плотное наблюдение были взяты все валютные менялы в Вильнюсе и Каунасе, мы предполагали, что рано или поздно люди Раманаускаса

или он сам там засветятся на обмене долларов, ведь для нелегального существования и финансовой поддержки остатков подполья требовались советские деньги. И наше терпение было не напрасным, чутье не подвело. В дни Венгерского восстания Раманаускас был взят спецгруппой МГБ, захвачен вместе с женой Бируте и двумя телохранителями на квартире у одного «валютчика». У каждого из них было по два пистолета, но захват был произведен молниеносно, они не успели открыть огонь. Были также задержаны дочка Раманаускаса и его теща. Раманаускаса судили в Минске и приговорили к расстрелу, его жене дали срок 5 лет за хранение оружия, а тещу и дочку оставили в покое, им разрешили поселиться в Каунасе.

Йозас Лукша, знаменитый, легендарный партизан-диверсант, добавлю сразу уточнение — антисоветский.

В Литве о нем снят кинофильм, да и сам Лукша в конце сороковых годов на Западе написал и издал книгу о своей «борьбе с советскими оккупантами».

Обстоятельства его гибели до сих пор не ясны. Кто его выдал? Кто его застрелил? Называются фамилии Кукаускас, Хайнаускас, другие имена, но кто из них именно — понять нельзя. Что можно рассказать о Лукше?

Впервые Лукша обратил на себя внимание органов НКВД сразу после освобождения Литвы от немцев. Он присутствовал на встрече литовской студенческой молодежи с приехавшим из Москвы писателем и главным сталинским публицистом Ильей Эренбургом и там передал из зала Эренбургу записку с текстом: «Сталин и Гитлер — оккупанты Литвы». И кто-то из присутствующих на этой встрече сразу узнал в Лукше одного из тех студентов, которые 23–25 июня 1941 года

убивали ножами и забивали насмерть ломами каунасских евреев в центральном гараже «Летукис».

Так что ваш «легендарный партизан» с самого начала был просто жестоким убийцей. Да и диверсантом он был никаким, особых боевых достижений за ним не числится.

Лукшу в тот день не успели задержать, он ушел в лес к «лесным братьям», партизанил до 1947 года, а потом вместе с бандгруппой Крикшунаса, состоявшей из 5–7 человек, пытался с боем прорваться через польскую границу на Запад. В этой попытке почти всех их перебили, но Лукша вдруг «всплыл» живым в Стокгольме, а оттуда перебрался в Америку, где год обучался в разведшколе, успел за это время жениться и написать свою первую книгу мемуаров. Осенью 1949 года он был заброшен в Литву через Лондон, при участии английской разведки. Холодная война была в самом разгаре, и наши бывшие союзники работали против СССР сообща. Мы заранее знали, что Лукша скоро должен появиться в наших краях, из Москвы нас об этом предупредили. Работник американского посольства, понятно что разведчик, работающий под дипломатическим прикрытием, положил в тайник контейнер для своего агента. Контейнер осторожно «на время» изъяли, все находившееся внутри сфотографировали, и среди прочего там было письмо на литовском языке, которое переслали нам. По почерку мы определили, что это письмо Лукши, в котором он своей подруге Регине Будрекайте написал «Скоро увидимся».

Сам Лукша со своей группой парашютистов высадился благополучно, но вслед за ним забрасывалась группа диверсантов под командованием Ширвиса, которая была схвачена местным райотделом ГБ сразу же после приземления, двоих взяли живыми, одного убили в перестрелке. Сам Ширвис, как

говорится, был с «чистыми руками», кровью не повязан, в карателях не числился, и вышка ему не светила. Он и его напарник согласились сотрудничать с нами и выдали связника Мощинскаса, который жил в одной из деревень и использовался парашютистами-диверсантами «втемную», сам Мощинскас мало что знал. Мы сразу же организовали из надежных литовцев своих агентов, свою диверсионную «лжегруппу Ширвиса», которую «сбросили» в лес, в район, где проживал связник. Наши агенты под видом «десанта из Америки» вышли на связника и сказали, что привезли для Лукши новые инструкции и тому подобное. Лукша решил проверить «новичков» и поручил Мощинскасу задать Ширвису вопрос: «Как звали трехногую собаку, которая жила с нами в одном доме?» Но нам Ширвис все рассказал, мы знали многие детали, и даже кличку собаки, и «наш» ответ был правильным.

Лукша согласился прибыть на встречу с «отрядом Ширвиса» и с «представителем каунасского подполья», которая была назначена в местечке Гарлява, в 12 километрах от Каунаса. От места встречи с нашим агентом-«проводником» и до Гарлявы надо было пройти в ночное время 30 километров лесом, и такой путь мог занять не одну ночь.

За операцией по захвату Лукши пристально следил прилетевший из Москвы со своей спецгруппой заместитель министра ГБ генерал Питовранов. Приказ был строгим «Взять живым любой ценой!», поскольку Лукшу хотели предъявить потом в ООН, как доказательство шпионской и подрывной диверсионной деятельности англо-американских спецслужб против СССР. «Проводника», агента по кличке «Йонукас» («Маленький Иван»?), перед самой операцией инструктировал лично Питовранов, который пообещал агенту, что если тот доведет Лукшу живым до того

места, где ждет в засаде группа захвата, то получит звание Героя Советского Союза, указ уже подготовлен.

И вроде все «шло как по маслу», но когда до засады оставались считанные десятки метров, агент Йонукас застрелил Лукшу прямо на глазах у спецгруппы. Он оправдывался, мол, заметил, что Лукша вдруг насторожился, что-то заподозрил и стал доставать гранату, и он, опасаясь, что опытный партизан Лукша уйдет от засады, выстрелил в него в упор, так как выбора не оставалось, все решали секунды...

А вот разгром остатков бандгруппы, организованной Лукшей (это примерно 20 человек, находившихся у него в прямом подчинении), проводился нашим ОББ.

Начали разбираться, сколько крови на каждом, и во время допроса спрашиваю у одного из взятых в плен бандитов из группы Лукши: «Ну ладно, стреляли вы раньше в милиционеров, в коммунистов, в красноармейцев и «ястребков», но своих, простых литовцев, за что убивал? Лесника за что убил? Он же с нами не сотрудничал...» — и услышал от «повстанца» в ответ: «А этот лесник в войну 10 евреев спас, за это и поплатился»... Проверили, и оказалось, что действительно этот лесник у себя укрывал от немцев и полицаев 10 человек, сбежавших из каунасского гетто, и среди них подпольщика Мишу Мусуласа, который этот факт подтвердил. Слово «евреи» в протоколах допроса не разрешалось употреблять, писали так: «...убили мирных советских граждан...»

Вы сейчас так спокойно рассказываете про все «черные пятна» в биографиях лидеров Литовского послевоенного антисоветского сопротивления, ныне национальных героев Литвы. Не бойтесь, что в Литве скажут, что вы, находясь «за три моря», специально «клеветеете и покушаетесь на святые для всего народа имена», мстит. Вас затребуют в

Литву на следствие, чтобы «пристегнуть» к делу о «Райняйской бойне» в июне 1941 года и обвинят вас во всех грехах, начиная от геноцида и заканчивая депортациями. Мол, «стрелял несчастных по темницам»... Вы там до сих пор считаетесь как чуть ли не главный «злодей», символ «жидобольшевистской оккупации» и «кровавой карающей рукой русского НКВД»... А такие, как бы правильно выразиться, заявления «кто есть кто» без документального подтверждения не все примут на веру.

Я вам не про «черные пятна» из биографий этих людей рассказал, а про «красные пятна», от которых не отмыться. Все, что я рассказал, подтверждено документально, и в архивных документах, хранившихся в МГБ Литвы и в КГБ СССР, весь жизненный путь всех троих был прослежен и отмечен досконально: полные досье с сотнями свидетельских показаний. И в литовских архивах, если хорошо порыться, можно много интересной информации найти, идущей вразрез с современным историческим ревизионизмом в Литве. И если Жемайтис или Лукша сейчас считаются литовскими национальными героями, то каждый народ выбирает себе героев сам...

Все эти три руководителя антисоветского сопротивления были лично смелыми людьми, фанатично верили в правоту своего дела и своей жизни не жалели, этого у них не отнимешь, но дорога, по которой они шли к достижению своей цели, залита реками еврейской, литовской и русской крови, и закрыть на это глаза не получится...

Теперь по поводу обвинений литовской прокуратуры в мой адрес.

Я не думаю, что в приватном интервью российскому военно-историческому сайту я должен об этом говорить, перед кем-то оправдываться, интервью — для

этого не слишком «подходящая трибуна». Но если на то дело пошло, то я несколько слов все же скажу. Я никогда не занимался депортациями, я занимался борьбой с вооруженными бандами. Питками тоже не занимался, пусть хоть один человек в Литве встанет и скажет, что его Душанский пытал или избивал во время следствия. Я не ангел, и если кого-то убивал, то только в бою: немцев на фронте и литовских бандитов после войны в лесах. Еще раз подчеркиваю — только в бою. «Лесная война» с двух сторон не велась «в белых перчатках», но не надо «передергивать карты» и «вешать на меня всех собак».

Я офицер и честно служил советской власти, служил делу, в которое верил, воевал с бандгруппами убийц и карателей, воевал с нацистскими пособниками-холуями.

Приписывать мне геноцид? Насколько я знаю, слово «геноцид» означает массовое истребление этнической группы населения только по национальному признаку, — так о чем может идти речь? Где и когда советская власть истребляла литовцев?

Или сейчас это определение — «геноцид» — имеет другое значение?

Теперь по «Райняйской бойне», когда на вторые или третьи сутки после начала войны в лесу под Тельшаем были убиты 76 литовцев, находившихся под следствием в Тельшайской тюрьме. То, что меня в этом лесу в тот день не было, это литовская прокуратура прекрасно знает еще с 1989 года, когда стали разбираться, что же там произошло; с меня были сняты все подозрения. Но кто именно убил: «немцы или русские?» немецкие диверсанты? тюремный конвой? отступающие красноармейцы? или работники НКВД? — долго не стали разбираться, просто в «убийцы» сразу попытались зачислить прямо по именному списку весь личный состав Тельшайского отдела НКВД, командный состав погранотряда и так далее. Что произошло на

самом деле под Райняем, на чьей совести эти жертвы — я точно не знаю и до сих пор лично не уверен, что суд, заочно осудивший за трагедию в Райняе моего товарища Расланаса, во всем разобрался полностью и объективно и что ему не «всучили» сфабрикованные документы и «подставных свидетелей». Не могу быть до конца уверенным, там некоторые моменты просто не стыкуются... Потом начались требования прокуратуры Литвы о моей выдаче как «подозреваемого». Я помимо 34 лет службы в органах госбезопасности, еще закончил юридический факультет Вильнюсского университета и хорошо разбираюсь в разнице между терминами «обвиняемый» и «подозреваемый». Требования выдать меня на судилище — это был политический заказ для «украшения спектакля», в качестве главной «декорации» нужен был именно «жид-чекист», этакий «страшный монстр из ГБ», так сказать «квинтэссенция». Свести со мной счеты хотели бы в Литве очень многие, ведь я лично сотни карателей и бандитов выловил, и за свои преступления они отвечали перед трибуналом. Но если я «обвиняемый» и у прокурора есть на то все прямые веские доказательства, почему не было заочного суда надо мной где-нибудь в Шяуляе, как Петра Расланаса судили? Что помешало? Если я «подозреваемый», то почему представитель литовской прокуратуры отказался от предложения допросить меня в Хайфе? Ведь я был согласен на встречу, и местный МИД не возражал... Требование было категоричным — «выдать в Литву!».

Поражает лицемерная тактика «двойных стандартов». Да, 24 июня или 25 июня сорок первого года в Райняе произошла страшная трагедия, массовое убийство, но почему никто не говорит и не пишет о том, что произошло в Райняе спустя две с лишним недели, когда литовцы после похорон жертв упомянутой сейчас

трагедии, в отместку за гибель своих вырезали местных тельшайских евреев?

Кто из этих литовцев был привлечен к уголовной ответственности за это убийство после прихода «Саюдиса» к власти в новой, независимой Литве?..

Еще немцы не зашли в Каунас, как сами литовцы в первую неделю войны, так называемые «партизаны Климайтиса», зверски убили в городе две с лишним тысячи каунасских евреев. Против кого из этих убийц, которые сейчас числятся в «героях народного восстания, первыми поднявшихся на борьбу с Советами за независимость Литвы», за последние двадцать лет было возбуждено следствие, кто из них сел на скамью подсудимых? Или еврейская кровь другого цвета, а еврейская жизнь ничего не стоит? Евреи составляли почти 10 % населения Литвы, и 240 тысяч человек, литовских евреев, были убиты и замучены только за то, что они евреи... Кем? Ответ вы знаете...

У вас есть еще ко мне вопросы?

Вопросы еще есть, я для того к вам и приехал, чтобы задавать вопросы.

Вы отвечаете, я ответы записываю. «Ничего личного», как говорится... Политики не касаемся, проверкой фактов не занимаемся...

Тогда продолжайте, пока я еще держусь, но третий час беседуем, устал...

Применялись ли на допросах недозволенные методы следствия, в стиле 1937 года? Некоторые современные литовские историки пишут, что задержанных «повстанцев» били и подвергали пыткам в «застенках НКВД».

Бить подследственных на допросах было строго запрещено, после войны уже соблюдались нормы советских законов, и за этим пристально следил Особый

отдел МГБ Литвы, которым руководил полковник Погнерыбко. Но не могу сказать, не могу утверждать, что законность во время следствия всегда и везде соблюдалась на все 100 %...

Например, был такой тип, полковник Леонидас Мартавичус, заместитель министра МГБ ЛССР по оперативной работе, который имел право официально применить незаконные методы следствия и избивал людей на допросах. Мартавичус был подлецом, карьеристом, шовинистом и зоологическим антисемитом, являлся законченной сволочью и пьянью, это был человек с неуравновешенной психикой, на всех собирал компрометирующие материалы, «стучал» напрямую в Москву на Снечкуса и на нашего министра ГБ генерала Капралова, порядочного человека. И когда Капралова сняли с должности, то Мартавичус направился в столицу с докладом и заодно получать министерский пост и генеральское звание. Но тут вмешался случай. В гостинице Мартавичус выпил лишнего и потерял свой портфель с секретными оперативными документами. На следующий день его привезли к Берии, на столе у которого уже лежал потерянный Мартавичусом портфель.

Берия распорядился: «Собрать материал и уволить из органов!» Выгнанный со службы Мартавичус потом окончательно спился и вскоре помер...

В Смерше каунасского гарнизона служил следователем и переводчиком один паскудный старший лейтенант по фамилии Целков — Целкаускас, русский по национальности, но уроженец Литвы, как тогда говорили — «из староверов». Так он повадился избивать задержанных. Весь отдел Смерша состоял из русских офицеров-«восточников», а командовал ими еврей, Беньямин Лившиц, начинавший службу в Красной армии еще в ЧОНе, а во время войны служивший в Смерше у Баграмяна. Лившиц был очень честный человек и

настоящий коммунист, но что самое интересное, когда Лившиц приказал Целкову прекратить избиения арестованных, то Целков стал ему угрожать, обещал, что доложит наверх руководству армейской контрразведки о том, что Лившиц «специально мешает следствию и прикрывает бандитов». С Лившицем мы были знакомы еще по войне, и он меня попросил: «Нахман, ты поговори с ним, пусть прекратит, мне его художества надоели». Я просто предупредил Целкова, объяснил ему, что с ним может случиться ненароком, и этого хватило...

Если уже речь идет о нарушениях соцзаконности, то у меня есть еще несколько вопросов по этому поводу, первый из которых касается вас лично. Мне тут рассказывали, что когда вы прибыли в Израиль на ПМЖ в 1989 году, то живущие здесь литовские еврей-эмигранты встречали вас как героя и что, оказывается, вы многих из них спасли от ареста и некоторым помогали сразу после войны уйти на Запад, по маршруту подпольной сионистской еврейской организации «Бриха» («Побег»).

Как знаменитый «волкодав НКВД», тогда еще капитан Душанский, «правоверный коммунист-интернационалист» довоенной закалки, и вдруг решился на такие поступки, идущие вразрез с советскими законами того времени?

Я буду вынужден повториться, ведь я вам уже сказал, что после войны, служа в органах госбезопасности, я продолжал себя в первую очередь ощущать евреем и только потом — офицером ГБ и коммунистом. В первый раз я это четко осознал, когда летом 1944 года стоял у Девятого форта в Каунасе, в котором были уничтожены десятки тысяч литовских евреев и русских военнопленных, когда узнал, что из

евреев Литвы в живых остался только один из каждых двадцати, и когда поклялся сам себе, что буду мстить палачам-карателям, пока не передавлю или не переловлю их всех, до последнего гада.

И когда в пятидесятых годах я решил, что уже сделал все возможное, все зависящее от меня лично, чтобы отомстить и не дать убийцам уйти от возмездия, то сам ушел с оперативной работы и стал заниматься «документацией и учетом» в отделе по розыску военных преступников в республиканском управлении ГБ. Да, были случаи, когда я был вынужден плевать на все законы и приказы, чтобы спасти своих единоверцев, да и не только их. Просто приведу примеры, вы все сами поймете и решите, прав ли я был в своих поступках... В ноябре 1945 года, в канун католического праздника поминания «Велина», вблизи от польско-литовской границы был задержан крытый грузовик-«Студебеквер», котором битком в кузове находились 57 человек, евреи из Каунаса, пережившие гетто и войну и пытавшиеся перебраться в Польшу, чтобы оттуда, уже по проложенному маршруту попытаться добраться до Палестины. Их заранее «сдал» водитель-литовец, и машину задержали по его «наводке». Я как раз в тот день был на операции по захвату бывшего литовского карателя и немецкого диверсанта Гуйги, которого немцы еще в конце сорок четвертого года сбросили в Литву на парашюте.

Вернулся в управление и не могу понять, что тут происходит, вся лестница забита евреями, охрана внизу и на пролетах. И тут я вижу знакомое лицо, это была моя бывшая соседка Вайнтрауб, рядом с ней на ступеньках сидели ее муж и трое детей. Она узнала меня и прошептала: «Нахман, спаси...» Я спросил: «В чем дело?» — и мне быстро все объяснили, а дежурный по управлению офицер сообщил, что задержанные при нелегальной попытке перехода границы ждут прихода

прокурора и следователя. Органы ГБ по закону имели право задержать кого-либо только на 48 часов, а на продление ареста требовалась санкция прокурора. Прокурором по Литве от Западного пограничного округа был полковник юстиции Иван Данилович Южный, «скрытый еврей», и без его санкции задержанных не могли отправить в тюрьму, вот они его на ступеньках и ждали. Я обратился к евреям на идиш: «Слушайте и запоминайте, что сказать следователю. Вы не собирались сбежать за кордон, вы просто на один день поехали из Каунаса к границе, на «Велину», навестить могилки родных и показать польской родне своих детей!» Теперь надо было «утрясти проблему» с прокурором. Заком у Южного был майор Шмонов, горький пьяница, которых от своих, «восточников», требовал бутылку водки за каждую подпись или санкцию, но нас, «литовцев», то ли уважал, то ли побаивался, называл почтительно «каторжане» и не трогал, у нас «мзды» никогда не просил. Но Шмонов сразу бы всем задержанным «пришил» 58-ю статью — «Измену Родине», да тут еще попытка группового перехода через советскую границу, одним словом, беда, сразу несколько пунктов 58-й статьи УК, один другого «тяжелей». Я быстро нашел полковника Южного, он все понял, сразу распорядился: «Женщины и дети! Марш отсюда!» Оставил 11 человек, только мужчин, завел их в комнату и еще раз объяснил, что надо говорить на следствии. Пришел следователь, Григорий Линева, и мы с Южным ему говорим: «Оформляем по 74-й статье УК от 1926 года» — «Нахождение без разрешения в приграничной зоне», и Линева не стал возражать. Всем одиннадцати судья дал срок заключения — по полгода лагерей, сидели они в Правинишкисе, но от 58-й статьи их спас... Другая история произошла во время первой послевоенной депортации из Литвы летом 1945 года. Выселению в Красноярский край подлежали все немцы

Литвы и Клайпедского края, а также уголовный и антисоциальный элемент: воры-рецидивисты, проститутки и прочая криминальная публика. Было объявлено, что выселение временное. По всей Литве этому выселению подлежали шесть тысяч человек, по Каунасу — 600 человек... Я вернулся со службы домой и увидел, что моя жена, студентка медицинского факультета, сидит и плачет еще с двумя подругами-студентками. Они обычно готовились к занятиям вместе, вчетвером, а тут одной девушки нет, а все остальные в слезах. Спрашиваю у жены: «А где Надя? Что случилось?» — «Ты что, не знаешь? Ее взяли с семьей на улице Даукше № 7 и выселяют в Сибирь. Они, оказывается, немцы!» — «Как немцы? Она же в гетто была! У нее же фамилия чисто еврейская!» — «Мать у нее немка, вот всех и отправляют в ссылку!» Я взял двух своих товарищей, Репшу и Иокубаса Минкявичуса, и мы в форме и с автоматами поехали на машине разбираться прямо на вокзал. Весь вокзал окружен милицией и солдатами НКВД, но мы показали свои удостоверения, в которых было написано, что нас никто не смеет задерживать, и я нашел семью Нади в одном из вагонов товарного эшелона, в котором собрали депортируемых из Каунаса. Вывел всю семью, веду с собой, бегом к нам приблизился какой-то майор с вооруженной свитой: «По какому праву?!» — «По такому. Отделение борьбы с бандитизмом. Берем под свою ответственность!»

Я написал ему расписку на четверых человек, посадил всю семью в машину, повез их назад к ним домой, а их квартира уже дочиستا разграблена литовскими соседями, как будто Мамай прошел. Я им сказал: «Уезжайте в Вильнюс. Обратитесь в синагоге к одному человеку (назвал имя), он вам поможет». Дал им имя того, кто имел прямой выход на организацию «Бриха» для отправки людей в тогда еще английскую

подмандатную Палестину. Кстати, когда я забирал Надину семью из эшелона, то увидел, как на машине горкома партии приехал второй секретарь горкома, еврей Соломинас, и увел из вагона целую литовскую семью, увез с собой.

А про подпольную организацию «Бриха» мне рассказали мои товарищи-евреи, знающие меня по Шяуляю, те, с кем я вместе рос, те, кто выжил, воюя в партизанах и на фронте.

Они мне полностью доверяли и позвали с собой в Палестину, воевать за свое национальное государство, но я не мог в 1945 году пойти на это, не хотел дезертировать, но главное тут было другое — надо было мстить карателям, в этом я видел свою главную цель в жизни, и я еще тогда по-прежнему свято верил в партию и в советскую власть.

Но легальные польские и другие документы я своим товарищам доставал и помогал чем мог, считая их личный выбор правильным. Одному из них, Шаулю Рабиновичу, я сделал новые документы и передал с ним на Запад все материалы, обличающие немецкого генерала СС Егера в преступлениях на территории СССР. Рабинович передал их куда следует, и Егера благодаря этим материалам нашли на Западе и судили как военного преступника... Еще нужны примеры или хватит?

А если бы кто-то из «уходящих за кордон, в Палестину» вас бы выдал?

Чем все могло бы закончиться? И вообще, как вы остались на службе в органах, когда в конце сороковых годов, незадолго до начала «Дела врачей», был закрытый приказ очистить все республиканские органы ГБ от офицеров — «космополитов» — лиц еврейской национальности? Кто за вас бы заступился? Старый товарищ по

подполью первый секретарь ЦК компартии Литвы Снечкус или сам министр ГБ республики?

Если бы меня взяли, то получил бы как минимум «десятку» лагерей, но могло все сложиться и хуже, скажем, если бы Мартавичус приказал своим подручным сделать из меня «английского агента» и «изменника Родины», тогда бы всю 58-ю статью получил, по всем пунктам, на «вышку» бы потянуло... Я всегда знал, на что иду...

В 1948 году Мартавичус «сдал» московским «особистам» Овсея Розовского, начальника следственного отдела НКВД Литвы. Овсей Розовский — Розаускас был из старых подпольщиков-коммунистов, мы с ним вместе сидели в тюрьме при правительстве Сметоны. Это был порядочный, чистоплотный человек, идеалист, интеллигент, который вел следствие честно и по закону, несмотря на «указку из Москвы». В 1945 году три литовских еврея написали письмо-обращение на имя Сталина, в котором просили дать евреям автономию. Письмо это, конечно, дойти до вождя не имело никаких шансов, и вскоре пришел приказ замнаркома ГБ посадить всех троих, написавших это письмо, но Розовский их не тронул. Когда Мартавичус докопался до этого эпизода, то из Москвы прибыла комиссия, Розовского разжаловали и судили, дали срок -10 лет лагерей.

Да тут еще выяснилось, что Розовский без следствия, игнорируя приказ Мартавичуса, под свою ответственность выпустил из тюрьмы четырех арестованных литовских ксендзов, и «москвичи» им занялись вплотную. Вышел он на свободу досрочно, в 1955 году, уже после смерти Сталина, и вернулся в Литву. Снечкус, его старый товарищ по подполью, назначил Розовского начальником Государственного архива, и Розовский на основании архивных документов выпустил два тома, серию книг «Факты обвиняют»,

«Массовые расстрелы в Литве» под редакцией Баранаускаса, в которых раскрывались преступления и злодеяния литовских карательных полицейских батальонов в годы войны, их участие в убийствах партизан и в массовом истреблении гражданского, в основном еврейского, населения на территории Литвы, Украины, Белоруссии, России.

В этих книгах были опубликованы фотокопии архивных документов, списки карателей, точные места массового уничтожения невинных жертв.

А «зачисткой» республиканских органов безопасности от «космополитов» руководил начальник ОК (отдел кадров) МГБ Литвы полковник Карзановский, украинец, «заслуживший» в министерстве от своих офицеров кличку Фашист.

Евреев в НКВД Литвы было меньше трех процентов от всего личного офицерского состава. Был у меня в отделении оперативник — еврей, старший лейтенант Манов, бывший фронтовик-разведчик, пришел к нам в отдел после демобилизации из армии.

По документам — детдомовец. В 1949 году Манов отличился при обезвреживании крупной банды в районе Шауляя, и его хотели повысить по службе, перевести в Вильнюс, но тут его анкета попала на стол к Карзановскому, и тот распорядился проверить Манова до «пятого колена». И ведь «докопался» ретивый полковник, что мать Манова была работницей Коминтерна и репрессирована в тридцатых годах. Карзановский потребовал уволить Манова из органов, но министр Капралов целый год не давал этого сделать. Карзановский донес в Москву, что Капралов укрывает «под своим крылом» группу «безродных космополитов», пробравшихся на службу в ГБ, и Манова по указанию из Москвы уволили. Потом стали убирать из республиканских подразделений госбезопасности и

пограничных частей ЗПО других евреев, но не всех сразу поголовно.

У меня в отделении было два «скрытых» еврея, которые по документам числились как украинец и как белорус, один из них был бывший литовский партизан Коган, уроженец Херсона, после побега из немецкого концлагеря сменивший в партизанах фамилию на Петренко, другой — Вадим Игнатьевич Моцык, так даже проверяющие из ОК МГБ не обнаружили, что это «не наши люди»... До меня добрались в 1952 году, во время «Дела врачей», я не знал, чем все закончится, арестом или банальным увольнением со службы, но начальник Каунасского управления полковник Синицин вызвал меня к себе и сказал: «Поедешь на полгода в глушь и сиди там, пока я тебя назад не вызову. Я не верю, что арестованные врачи были шпионами, но скоро и в Литве планируются аресты врачей-евреев, сам пойми, машина набирает обороты». Я уехал служить в Алитус, а заботу о жене с дочкой поручил Моцыку, который знал, что надо сделать, чтобы их спасти, где их спрятать, если над моей женой нависнет угроза ареста. За два дня до того, как по стране объявили о кончине Сталина, Синицин срочно вызвал меня из Алитуса обратно в Каунас и первым делом при встрече сказал: «Сталин заболел... Видимо, умрет... Но пока молчи об этом»... И когда объявили о смерти вождя, я лично не испытывал никакого ощущения горя или большой утраты, вся государственная антиеврейская кампания, проводившаяся в послевоенном Советском Союзе, вся эта запланированная антисемитская истерия с «космополитами» и «Делом врачей» и так далее окончательно убила во мне веру в Сталина, я чувствовал себя обманутым советской властью, за которую воевал, не щадя своей жизни... Вслух я об этом, конечно, не говорил...

А по поводу «заступничества» Снечкуса, что я вам могу сказать... Снечкус знал мое имя еще по подполью, но таких, как я, старых подпольщиков, в Литве были многие сотни.

После войны я пару раз был у него в кабинете с докладом и дважды со своими ребятами из ОББ охранял Снечкуса на отдыхе. Он меня неплохо помнил, знал о моей работе, но несколько раз, когда я должен был вместе со своим начальством докладывать Снечкусу в ЦК об итогах той или иной проведенной операции или давать «оперативную сводку» для партийного руководства республики, то всегда находил кого-нибудь, кто сделает это вместо меня, пойдет в ЦК. Во-первых, стеснялся своего сильного «местечкового» акцента, во-вторых, не любил «рисоваться» на людях и «числиться в героях», я просто делал свою работу. Снечкус сам обо мне вспомнил после поимки Жемайтиса и даже предложил Капралову представить меня к званию ГСС, на что министр ему ответил, что в Верховном Совете СССР уже пять лет до сих пор лежит нерассмотренная реляция на Героя на мое имя, и он не может дублировать наградной лист, пока не принято окончательное решение по первому представлению к званию...

Вы сегодня несколько раз сказали, что ощущали себя во время службы в ОББ «еврейским мстителем». А конкретно, за свою семью, отомстили? Личная «вендетта», если можно так выразиться. Вы знали, кто именно убил ваших родных?

Осенью сорок четвертого года я приехал в разрушенный войной родной город Шяуляй, пришел к своему дому, а на его месте только сгоревшие головешки. Я пошел к школе, в которой учился, и там одни развалины. Узнал, как были убиты учителя нашей

школы, включая директора Хоффенберга. В школе был литовец-сторож Йонас, так его сыновья расстреляли всех учителей еще до прихода немцев. Снова вернулся к своему пожарищу. Литовцы, бывшие соседи, мне рассказали, что отца убили на третий день после прихода немцев, толпа молодых литовцев набросилась на пожилых евреев, выходящих из синагоги вместе с раввином Шяуляя Нахумовским, и всех забили насмерть, прямо на месте, перед тем как добить — истязали и мучили...

Мать погибла во время одной из акций по ликвидации части шяуляйского гетто, говорили, что ее отправили с «транспортом» для уничтожения в Польшу, и весь этот «транспорт» погиб в газовых камерах Майданека... Младший брат погиб в Паланге.

А вот с теми, кто убил мою сестру и другого брата, я расквитался, но их судили по советским законам. В 1949 году в районе Купишкис, это своеобразный «перекресток» на северо-востоке Литвы, рядом граница с Латвией, а оттуда уже шла дорога на Россию.

Так вот по этой дороге в июне 1941 года беженцы уходили из Литвы, и именно в этом районе пропали в июне сорок первого автобусы, вывозившие из Шяуляя советский и партийный городской актив, среди них находились мои брат и сестра. Райотделом НКВД в этом районе руководил Йонас Матулайтис, старый коммунист, мой тюремный товарищ, родом из Капсукаса. Нам удалось схватить в Каунасе связного «лесных братьев» из леса в районе Купишкис, он приобретал на рынке старую офицерскую униформу Литовской армии, пользовавшуюся большой популярностью у «белоповстанцев». Кстати, на приобретении старого обмундирования попадались многие... Связной из леса сразу «раскололся» и согласился сотрудничать. Информацию он дал очень любопытную, оказывается, в лесной глуши, в бункерах,

оставшихся еще от советских партизан, скрывается крупная банда из бывших полицаев под командованием майора Сметоны (однофамильца бывшего президента Литвы), и в ее составе есть несколько немцев-окруженцев и бывших гестаповцев, «застрявших в Литве» с лета 1944 года, и этот факт сам по себе был особенным. Связной получил агентурную кличку «Витовтас», и я с ним выехал в район к Матулайтису для проведения совместной операции. «Витовтас» напоил до беспамятства двух руководителей местного подполья, мы взяли их «теплыми», и на допросе они нам сдали местонахождение всех бункеров и схронов отряда.

Всю банду взяли живьем. И когда в лесу обнаружили закопанный в земле архив Шяуляйского горкома партии и нашли партийные документы, то стало ясно, что именно эта банда в 1941 году и вырезала шяуляйский актив, в том числе и моих родных. Допросили: все точно, так и было, сознались и показали, где захоронены трупы. Всех отдали под суд, Сметону приговорили к смертной казни.

Были случаи предательства среди работников НКВД во время войны с «лесными братьями»? С обеих сторон сражались литовцы, каждого не проверишь, мысли у всех не прочтешь...

В головных управлениях ГБ НКВД таких случаев не было, а в райотделах были «двойные агенты», я сам видел одного такого, уже после разоблачения, его просто завербовали «на страхе за жизнь семьи», бандиты пообещали ему, что если он не выдаст информацию о планируемых операциях, то они вырежут всю его семью.

Я помню, как несколько раз пришлось попадать в очень грамотно организованные засады, особенно под Алитусом. Получаем информацию, перепроверить ее

нет времени или возможности, наша опергруппа или мангруппа НКВД выезжает в указанный район, а там тебя уже ждет засада... В таких ситуациях всегда выручал фронтовой опыт и железные нервы, главное — не паниковать, прорвемся... А «мелкие» засады даже в расчет не принимались, считались обыденной частью нашей службы: мы ловим зверя, и на нас тоже охотятся... Был еще один вопиющий случай. В 1950 году из экономического отдела Клайпедского управления ГБ сбежал к англичанам сотрудник по фамилии Лялин, кажется, коренной москвич, но вряд ли им двигали идеологические причины, он до этого, как образно говорили, «погорел на бабах», и его ждало служебное расследование, вот он и «дернул на Запад». Всю секретную информацию, все, что знал, Лялин выложил до донышка новым хозяевам. Из Эстонии, как я помню, тоже двое работников НКВД сбежали морем на Запад... Но, в принципе, если у тебя в республиканских органах НКВД служат пять тысяч человек, то наличие всего лишь нескольких предателей или перебежчиков не может удивлять, в такой большой людской массе всегда найдется потенциальный изменник. Проверляли всех при приеме на службу в органы, и еще каждые пять лет кадровиками и особистами проводилась плановая негласная проверка на благонадежность и «чистую анкету»...

И административно-хозяйственный республиканский аппарат был в определенной мере «засорен» подпольщиками. Каждый литовец в первые послевоенные годы сам выбирал для себя — на какую сторону встать, какую баррикаду выбрать, или просто соблюдать нейтралитет, или демонстрировать лояльность к новой власти, но большинству литовцев не нужна была никакая война, народ просто хотел спокойно жить. Начиная с 1950 года, даже в сельских районах, в глубинке, поддержка местным населением

лесных бандформирований постепенно сошла к нулю, люди устали воевать, находиться между двух огней, терять родных и близких, жить в напряжении... И тут дело не только в том, что за оказание поддержки «лесным братьям» можно было попасть в список на депортацию из Литвы. Простые крестьяне и рабочие хотели мира и спокойствия... Амнистии 1950 и 1955 годов полностью развалили и без того деморализованные остатки партизанских бандформирований, многие вышли из леса.

Но в газетных публикациях отмечают, что некоторые партизаны-одиночки продержались в литовских лесах даже до середины шестидесятых годов.

Насколько я знаю, последним антисоветским партизаном был признан Антанас Крауялис, обнаруженный в 1956 году в Северо-Восточной Литве. Сначала он был простым уклонистом от призыва и просто скрывался на дальних хуторах, но после того, как зверски убил учителя Самулениса, был принят в банду повстанцев. После разгрома банды несколько лет скрывался под печкой в доме одного крестьянина, на дочери которого он тайно женился.

Как обеспечивалась безопасность сотрудников во время встреч с агентурой? Ведь нарваться на «двойного агента» было проще простого, у «лесных братьев» своя контрразведка тоже неплохо работала. Рассказывают, что только в 1945 году в Каунасе на вас было организовано три попытки покушения.

Про организованные на меня покушения — это неправда, я не был столь значимой фигурой, чтобы подполье специально за мной лично охотилось. Жил я на обычной городской квартире, а не в бункере или в

доте, моя жена без охраны ходила на занятия в институт. Так... стреляли пару раз из-за угла, но попались какие-то дилетанты, если бы меня хотели убить наверняка, то это было бы не так сложно сделать...

Если встреча назначена с агентом в лесу, то не всегда оперативник шел на нее с подстраховкой, приходилось работать и в одиночку. Опасно, конечно, но выбора не было. Все офицеры отделения ОББ носили штатскую одежду — и на встречу с агентами, и на боевую операцию. И конечно, соблюдались азы конспирации, опасность попасть в ловушку на встрече с агентом всегда принималась в расчет, но случалось всякое.

Как-то на встречу с агентом отправился капитан Петкявичус, оперуполномоченный Алитусского отдела ГБ, работавший «по церкви», и бесследно исчез. Через определенное время в районе Вильнюса был взят в плен ксендз по кличке Граф из банды «Таурас». Зверь был еще тот, имел свое клеймо с надписью «оккупант» и ставил это клеймо на тела людей, убитых им лично. Он признался и все рассказал, как был убит капитан Петкявичус. Капитан пришел на явочную квартиру один, его оглушили, пытали, а потом зарезали. Тело расчленили и вынесли из дома по частям в чемоданах.

Нередко в охоте за чекистами или за простыми армейскими офицерами бандиты использовали красивых женщин, «приманки-наживки». Знакомится такая дама с офицером ГБ или с каким-нибудь неискушенным лейтенантом из гарнизона, улыбки и так далее, потом приглашает куда-нибудь в «тихое место», а там офицера ждет засада, бандюки ему финку засунут под ребро или удавку на шею, и поминай как звали.

В районе Шакяй таким образом попал в руки бандитам оперуполномоченный Гликас, бывший солдат

из 16-й Литовской стрелковой дивизии, «любимая» девушка завела его в лес и выдала банде, ждущей в засаде, все было разыграно как по нотам. Но бандиты, вместо того чтобы сразу прикончить чекиста, привязали его к дереву и стали пытаться.

Но если везет кому-то в жизни, то везет на все 100 процентов. Совершенно случайно именно через этот участок леса возвращалась с задания опергруппа НКВД, которая нарвалась на эту банду. Чекиста отбили живым, пятерых партизан убили на месте, но спасенного офицера после этого происшествия уволили из органов «за утрату личного оружия» и «за потерю бдительности».

У «лесных братьев» были свои «тропы-маршруты» чтобы уйти за границу, на Запад?

Были... Это было сделать очень сложно. Через Калининградскую область, Восточную Пруссию — практически пройти никто не мог, были два других варианта.

Один маршрут был через Эстонию, а оттуда морем, подпольно на кораблях можно было попытаться добраться до Финляндии.

Второй маршрут — прорыв через польско-литовскую границу, но впереди литовских партизан-«счастливчиков» ждали сотни километров опасного пути через Польшу и Германию, и до американцев мало кто смог добраться пешим маршрутом, многих вылавливали и отстреливали по дороге, и особенно — на последнем переходе границы в оккупационные зоны бывших союзников, на демаркационной линии.

Польская госбезопасность, кстати, очень толково работала, несколько серьезных литовских бандитов взяла на своей территории, один из них был известный палач, командир карательного батальона Семашко,

арестованный в Варшаве. Мы потребовали его выдачи, но у поляков к нему был свой счет, они судили его сами, и Семашко был приговорен к смертной казни через повешение. В ГБ Литвы поляки передали нам пять томов допросов Семашко, и по информации, полученной от соседей, мы многих карателей взяли в Литве. На переходе через польскую границу в 1945 году, например, был схвачен Вилюс Вилавичус (Велявичус?), бывший комендант Девятого форта в Каунасе, садист и убийца, который каждый день лично убивал евреев и военнопленных. Приговоренных им к смерти сначала хлестал нагайкой, а потом добивал выстрелами.

Одного из известных палачей, Никштайтиса, я поймал на операции под Алитусом, за день до того, как эта сволочь собиралась уйти на прорыв «за кордон». Никштайтис участвовал в массовом уничтожении евреев, сам спрыгивал в яму, куда падали расстрелянные, шел по свежим трупам и тех, кто еще дышал, недострелянных жертв, добивал пистолетными выстрелами в глаз. Детей, женщин... Безжалостно добивал несчастных таким жестоким, варварским способом.

Я даже потом жалел, что взял его живым...

Кстати, у меня вопрос по Семашко. Правда ли, что его 7-й литовский полицейский батальон был в конце 1942 года в Сталинграде и сумел вырваться из окружения?

Да, 7-й батальон под командованием майора Семашко после проведения массовых расстрелов советских граждан в Виннице и Харькове был переброшен в Сталинград, незадолго до начала советского наступления.

Майор ЛА Ионас Семашко на прорыв из кольца окружения получил личное разрешение от Паулюса, прорвался еще в декабре, на участке, где оборону

против наших держали румыны, которых за серьезного противника никто никогда не держал.

При выходе из окружения из 580 солдат и офицеров своего карательного батальона Семашко потерял 250 человек, но вышел навстречу войскам Манштейна. Вся эта «эпопея» была отражена в протоколах допросов пойманных после войны полицаев из этого батальона и в показаниях самого Семашко, которого за этот прорыв наградили Рыцарским крестом. Семашко и еще несколько офицеров из его батальона были удостоены личной аудиенции у самого фюрера и награду Семашко получил из рук Гитлера. В 1945 году из Курляндского «котла» Семашко выскочил, переодевшись в женскую одежду.

Но сколько веревочке ни виться... а свою заслуженную кару этот палач понес.

Вы сегодня неоднократно упоминали про установку, которую начальство давало перед операциями оперативникам спецгрупп ГБ — «Брать живым».

Но вот я просматривал архивные документы, сводки по операциям частей НКВД против литовских партизан, и тут и там можно прочесть такие доклады: «...во время операции убит начальник штаба партизан Южной Литвы полковник Виткус... застрелен командующим Жемайтйским партизанским округом Ашколис... уничтожен командир 3-го партизанского округа Зинкявичус... при проведении операции по задержанию убит командир Шяуляйского партизанского округа Вилейскис...» и так далее, и у меня возник вопрос. Кто принимал решение, кого «брать живым», а кого уничтожать на месте? Были какие-то предписывающие приказы, напрямую

направленные на истребление командного состава партизан?

Постоянно требовали брать повстанцев живыми, невзирая о ком идет речь: о рядовом повстанце или о командире партизанского округа. Каждый «язык», каждый боевик, взятый в плен, мог дать необходимую информацию, позволяющую выйти на след других бандформирований или подпольных ячеек. Но тут надо учитывать определенные факторы. Если операцию проводил погранполк или «ястребки» вместе с местным гарнизоном НКВД, то требовать от каждого бойца, чтобы он в перестрелке не задел повстанца, скрутил его в рукопашной или стрелял бы из своего оружия не на поражение, а только по конечностям, — это нереально. Идет бой, все хотят первыми убить врага и самим выйти из боя живыми. Только когда работали наши опергруппы, обладающие нужной выучкой, чтобы нейтрализовать без лишних выстрелов хорошо подготовленного парашютиста-диверсанта или опытного партизана, то максимально прилагались все усилия брать всех живьем, такие операции сейчас называются «точечные», «хирургические». Но опять же, если группа попала в засаду, где-нибудь в глухом лесу под Марьямполем, не будешь же ты, находясь под пулями со всех сторон, кричать: «Сдавайтесь! Гарантируем жизнь!» Все по обстоятельствам, но, не дай бог, ты парашютиста живым не взял — голову с плеч снимали всей опергруппе... Обычно, когда в лесу окружался бункер с партизанами, по негласной инструкции оперативники дважды предлагали сдаться в плен без кровопролития. Если те не соглашались, то начинался захват со стрельбой.

Какие потери понесло литовское сопротивление в «Войне после войны»?

Есть данные видного литовского историка Арвидаса Анушаускаса и цифры из книги (сборника документов), посвященной действиям войск НКВД в 1944-1953 годах на всей территории СССР, но эти данные сильно разнятся между собой. Советские цифры в два раза меньше как по своим потерям, так и по потерям «лесных братьев» и гражданского литовского населения.

Я думаю, что самые точные сведения о потерях среди литовских повстанцев даны в книге Алексеева «Ответственность нацистских преступников», изданной в 1967 году в Москве издательством «Международные отношения» тиражом 29 000 экземпляров.

Из 38 000 литовцев, служивших у немцев, включая карателей из полицейских батальонов, 20 000 задержано органами ГБ, 14 000 убито в лесах во время боев с антисоветскими вооруженными формированиями, 3 000 не найдено, 900 человек приговорены к смертной казни за преступления, совершенные в годы войны, 100 человек покончили жизнь самоубийством во время задержания.

На совести «литовских партизан» 23 000 жизней простых литовцев, убитых «лесными братьями» в период за 1944-1953 годы.

Литовская ГБ имела тесные связи с органами сопредельных республик, скажем, с латвийскими или белорусскими отделами госбезопасности? Ведь отряд повстанцев из района Зарасай мог уйти в сторону Латвии, к Даугавпилсу, а преследуемая бандгруппа из Южной Литвы могла прорваться куда-нибудь к белорусскому Гродно?

Да, мы имели информацию от коллег из других республик, некоторые операции по захвату или ликвидации банды проводились сообща и на уровне спецгрупп ГБ, и при взаимодействии частей

погранокруга, дислоцированных в разных республиках на западной границе Советского Союза. Обменом информацией, скажем, по английским агентам-парашютистам, с Москвой или с другими республиканскими управлениями ГБ занималось наше начальство, это был не наш уровень, мы «сошка мелкая», ОББ, и «в поле пахали». На одном таком обмене «погорел» начальник нашего 5-го отдела Каунасского управления полковник Олейник, бывший до войны учителем в Вильнюсе.

Он передал информацию по английским агентам своему другу, руководившему аналогичным отделом во Львове, и тот сразу повязал у себя на Западной Украине всю «английскую сеть». И тут их обоих снимают с должности за эту «самодеятельность», аресты не были санкционированы Москвой. Оказывается, проводилась тайная операция и «радиоигра», навроде судоплатовского «Монастыря», с целью дезинформации английских спецслужб, и поспешные действия львовского гэбиста «спутали все карты в большой игре» и подвели нашего агента, внедренного в Лондоне. Но Олейника вскоре восстановили в должности, и он нам сам всю эту историю рассказал.

Я лично не видел литовский фильм, снятый о партизане Йозасе Лукше, но хорошо помню замечательный фильм режиссера Витаутаса Жалакявичуса «Никто не хотел умирать» с великолепной игрой любимых всем советским народом литовских актеров: Баниониса, Будрайтиса, Норейки, Томкуса, Адомайтиса, Бруно Ои и других прибалтийских мастеров кино. Трагедия Литвы, судьба литовского народа, оказавшегося между жерновами гражданской войны, показана в этой картине очень пронзительно.

Кто был консультантом фильма?

Фильм получился довольно честный и правдивый. Режиссер Жалакявичус, работая над съемками этой картины, получил доступ в наши архивы МГБ, видел многие документы, отражающие события послевоенных лет, так что имел полное представление обо всем, что происходило в республике, да и сам режиссер еще юношей был свидетелем литовских событий, но кто конкретно был консультантом картины, я не помню.

Давайте поговорим о деятельности литовских полицейских батальонов в годы войны, так называемых «шущманшафт-батальонов», ставших из стрелковых батальонов самообороны, объединивших в 1941 году разрозненные группы литовских повстанцев, обычными карательными подразделениями, истреблявшими мирных людей и советских партизан.

Это тема для отдельного и очень долгого разговора. Давайте перенесем его на следующий раз, я сегодня уже очень устал...

Интервью осталось незаконченным по причине скоропостижной смерти ветерана войны, полковника ГБ в отставке Н. Н. Душанского...

Интервью и лит. обработка: Г. Койфман

Иванов Леонид Георгиевич

Я — генерал-майор в отставке. Три восьмёрки: 18 августа — 8-го месяца — 1918 года. Ну, говорят — счастливый должен быть, коли так. Родился в селе Чернавка Тамбовской области. Мать родила как раз во время налета банды Антонова. Думали, что жив не буду. Но вот, вымахал... Знали бы бандиты, кого мать рождает!

Ну, семья бедная такая — крестьянская, можно сказать. И дед, и прадед — в деревне, работа — труд физический. Воздух. Еда простая: каша, картошка, хлеб... где там тюря... вот накидают кусочки хлеба, соль, лук и колодезная вода — все, вот тюря! Хлеб — это все-таки питание, а лук — дает остроту.

Я это к чему говорю? Гены у меня — такие самые! Тогда не пьянствовали так. Ни водки, ни наркотиков и так далее. Нагрузка, здоровый образ жизни. Это одна из причин долголетия, так я себе мыслю.

Дед, я помню, Андрей — выше меня ростом, под скобку стриженный. Мать рассказывала: зимой на санях — шесть мешков. Рожь. На мельницу молоть. А оттуда уже идет целая подвода, пять-шесть лошадей. Они говорят: «Андрей, уступи нам дорогу». Тогда дед: «А нет!» Подходит, рукой сзади раскидал направо-налево — и поехал. Вот какая сила была!

Ну, я окончил среднюю школу, получил единственный аттестат с отличием. Тогда ведь как? Я, имея аттестат с отличием, имел право поступить в любое высшее учебное заведение без экзаменов. Приехал в Москву... была такая Академия связи имени Подбельского: на шоссе Энтузиастов, дом 109. Она и сейчас, по-моему, там. Меня сразу приняли: «Вот, пожалуйста, общежитие на четверых человек и стипендия 150 рублей». Это деньги! — на то время. Я ничего не платил за койку, белье меняли каждую неделю, уборка — каждый день. Столовая студенческая — 1 рубль 15 копеек обед! Вот так советская власть делала...

Я учился хорошо, был участником парада 1937 года, я — высокого роста, правофланговый был. С одной стороны, хорошо: близко к Мавзолею, а с другой — плохо: правофланговый не имеет права голову поворачивать, все вперед. Но я все-таки рассмотрел хорошо Сталина! В профиль так... лицо — серьезное... и

— Молотова. На Молотове почему-то перчатки. Такие кожаные, коричневого цвета... это что-то вот в памяти осталось.

Получил очень скоро комиссию: видимо, я был на примете... и когда был на 3-м курсе, меня вызвали. Куда? Прихожу — работник НКВД: «Вот мы вас рекомендуем в органы». Я ему: «Товарищ Сталин что говорит? «Кадры должны быть образованные»! Вот давай окончу Академию, тогда — пожалуйста». Отстали вроде. Через два дня — опять: «Ты комсомолец?» — «Да!» — «Обстановку понимаешь?» — «Понимаю...» Ну, пришлось согласиться.

Это — 1939 год. С сентября — школа: Серовский переулок, сейчас Шуховская, вот там где-то башня стоит на Шаболовке. Напротив как раз было здание — вот я учился там год. Был старшиной курса, выводил школу, курсы — на прогулку, песни горланили, девки за нами гужом бегали...

Что вам там преподавали, какая была подготовка?

Так называемые «спецдисциплины». Одна, вторая, третья... Одна — по работе с агентурой. Другая — как подследственных допрашивать. Третья — как наружку вести и так далее. Четвертая — как строить отношения с командованием. Вот такие дисциплины...

И были юридические: ну, уголовный кодекс, процессуальный... Военное дело: стрельба там, знание структуры Вооруженных сил — все это было. Русский язык был даже, литература: чтоб только был грамотным!

Подготовка была — разносторонняя. Причем перед нами выступали не какие-то там преподаватели, а действующие работники аппарата: солидные, с большим опытом. Их лекции мы конспектировали в специальные тетради, которые сдавали в секретную

часть: при себе не имели права держать. Поработали — сдали. Вот так было организовано.

По окончании школы всем присвоили звание — два кубика, а мне — три: через ступень выше. Мне еще 20 лет, а там — три кубика! Я — единственный! — тянули... и оставили на работу в Москве. Тогда говорю: «Нет, я — только там, где боевой участок!» Там еще старший: «Что ты, дурак? Это редкое дело, соглашайся». Я говорю: «Нет, нет, нет!»

И тут как раз был период — освобождали Бессарабию и Буковину. Я с войсками в Буковину и вошел. В Черновцы. Там же не было никакого управления: создавали управление НКВД, и я в нем работал — с нуля! Значит, я был вначале помуполномоченного, через два месяца — старший уполномоченный, а еще через четыре — замначотделения СПО. Что такое СПО? Секретно-политический отдел. Отделение было — двенадцать человек, все — старше меня, но... я считался такой — «из Москвы, окончил школу» и так далее.

Чем занималось отделение? Борьба с украинскими националистами. Было их много, и некоторые были связаны с абвером (с немецкой разведкой), хранили оружие, готовились к борьбе с советской властью. Значит, тенденция какая? Призывного возраста — как бы, как говорят, «откосить». В армию не хотели идти, хотели оставаться на своих местах.

Ну, что? Мы вели работу, арестовывали... В нас, в меня — стреляли, и я стрелял на поражение. А что делать? Дело такое.

Такой пример приведу. Надо было арестовать одного крупного националиста. Я — старший, со мной — два работника. А там — горы, лес, дождь, дорога грязная, пока это нашли село... А наверняка — еще не знаем. Собаки лают, стучим: «Микола?» — «А Микола где-то там». Ну, пока нашли этот дом, где Микола

живет, заходим в хату: «Миколы нема». Ну, нема — нема... значит, надо что делать? Обыск проводить.

— Я — на чердак, а ты что?

— А я пойду в клуню (сарай: там, где сено, солома)...

Открываю ворота — запах сена, мыши бегают, пищат. Что делать? Надо ползать с фонарем, искать, если он тут лежит. А я так думаю: если он будет по фонарю стрелять — руку — так, далеко... *[Показывает.]* — думаю: он будет — на свет. Ну, в руку ранит — бог с ней: это же не в грудь!

Вот так ползаю, ползаю — завалился, упал. Щупаю — ага, кожух такой... шерсть баранья, и — теплая! И — только тенью так мельком виден был, слышу — какой-то внизу звук! Я кубарем скатился, только упал — по мне три выстрела! Я в ответ тоже выстрел дал. Тишина. Запах пороха...

Ну, думаю: «Что делать?» 12 часов ночи. До утра сидеть или как? Думаю: он — хозяин; он там, может, уже ушел, он знает все ходы-выходы... а может быть, лежит ждет, пока я шебельнусь: по мне еще стрельнуть. Тогда я отполз метра на два, на три в сторонку, в левой руке быстро включил фонарь. Смотрю — лежит такой... скрюченный... значит, все-таки я его укокошил.

А потом, как оказалось, руководитель провода районного этого. Районная управа по линии ОУН. И у него список человек на сорок пять националистов! Мы уже некоторых знали. Вот это — как к примеру.

Ну, забегая вперед — когда мы освободили Кишинев в августе 1944-го, я был в 5-й ударной. Команду дали: «Армию — под Варшаву!» И мы, значит, следовали там эшелонам. Начальник отделения армии полковник Карпенко и я, едем в район Ковеля на машине «Виллис». Какая-то погода мрачная такая, капает, лес какой-то тяжелый, и — никого нету. Захотели пить. Ага, смотрим — дом лесника на пригорке. Я говорю:

«Пошли». А я же уже обстрелянный, я и в атаки ходил. Водителю говорю: «Ты будь бдительный: если мы задержимся и услышишь какие-нибудь выстрелы — беги и действуй по обстановке».

Вот мы зашли в хату — там хозяин такой, значит, обросший весь... смесь русского языка, немецкого, польского. Но — понял, что нам вода нужна. Показывает: ведра пустые, надо выйти. Мы ему разрешили, и это — наша ошибка! Этого нельзя было делать. Но мы же не знали... мы были на юге, под Кишиневом, и мы же не знали, что и там оуновцы уже действуют в лесах! Мы же только-только прибыли!

Через три минуты заходят два перепоясанных здоровых мужика с ружьями: «Ложись!» Пистолеты — не успеем: убьют. Легли на живот... я и этот полковник. Я говорю так по-мирному: «Ну, ребята, чего вы так с нами-то? Все-таки мы же свои. Мы же освобождаем Украину. Я был здесь в период обороны Одессы, вот сейчас освобождал ее. А это — полковник Карпенко, вообще щирый украинец...» и так далее. Тяну время, чтобы водитель догадался, что нас долго нету. А один говорит: «Слушай, а чего тут они болтают? Давай их в лес отведем: пусть начальство разбирается».

Отвели бы в лес — сейчас бы с вами не сидел.

Но водитель наконец-то смикитил, что нас долго нету. А он не видел, когда те входили: они — с заднего крыльца. Он вскочил в эту хату — стоят два к нему спиной. Раз! — с автомата прикончил. Мы тогда выбежали, засели в кусты, смотрим — ничего нет. Вернулись, обыскали — и у одного нашли пять красноармейских книжек! Значит, они уже убивали красноармейцев и собирали книжки. И еще у одного — инструкция, как строить схроны. Укрытия. Я — к командующему бригадой: доложили об этом факте. А еще перед этим был случай, когда в одной хате отделение в семь человек было все вырезано. Значит,

мы поняли: дело рук украинских националистов. Команду дал, телеграмму: повысить бдительность охраны и так далее, подозрительных задерживать... постарался такую серьезную телеграмму дать.

Как вы узнали о начале войны с Германией?

Когда я в Черновцах работал — перед самой войной, — поехал на границу с задачей на два-три дня: проверить, какие там есть немецкие части. Мы под этот вариант имели агента хорошего (у него родственники были там, за границей)... И фотоаппарат. А если через границу меня пропускать — надо договориться с пограничниками, выбрать место, когда и так далее, рекогносцировка... Вот я приехал — а на рассвете уже пошли боевые действия: по заставе огонь и так далее. Ну, я — не пограничник, но думаю: что я уеду? — скажут: «вот, трусил». Я остался... дня три там вместе с пограничниками. Еще советский народ не знал о нападении Германии, а я уже держал бой...

Это к чему говорю? А войну я закончил в Берлине, был в зале подписания капитуляции. Еще народ не знал о Победе, а мы уже по сто граммов тяпнули. Вот такое у меня в жизни получилось. *[Смеётся.]*

В Черновцы прибыл — по мне стреляли. Значит, не всех мы арестовали. С подвалов, с чердаков тогда... лежат — фуражку пробили... ну и так далее там. Я — сразу с просьбой в Особый отдел: в Вооруженные силы, в армию! Сразу как-то этот вопрос решился — и где-то 1 июля нам дали направление в Одессу, Одесский военный округ. Я и еще человек шесть-семь. Это только июль месяц, еще немец там не был. Мы добирались тяжело. И всякими машинами попутными, и пешком...

А было такое, значит, в начале июля (это ошибка была): напечатали в газетах, что немецкая разведка забрасывает своих агентов в форме офицеров НКВД. А я ведь — в форме НКВД пока еще, не в армейской! И вот я

в Кировограде отличаюсь от местных: форма такая новая... Меня задерживает группа. Я говорю: «Ребята, я же вот!» — «Ага, какие Черновцы?! Давай тут с ним расправимся!» Я: «Да вы что?!» — «Нет-нет, давай!» Тут скопилась целая толпа. А там шел один работник местный, он меня уже видел, говорит: «Давай я тебя заберу, пошли вместе. Так, он со мной идет!» Потом я уже подошел к часовому — удостоверение, он: «Тю...» Я говорю: «Да, сотрудник». А были случаи, когда вот так сотрудники погибали действительно. С ходу — раз! — и все. Народ злой был там и так.

Прибыли где-то числа 10 июля. Я там стал уже старшим уполномоченным. И — первая бомбежка, серьезная такая. Там гостиница «Красная» была, обком партии, этот театр такой знаменитый на всю Европу был — туда тоже попала бомба. А тут начальник отдела округа, полковник Перминов, в конце июля собрал состав: говорит, что Одесса будет окружена. И мы, Одесский округ, все эвакуируемся. Останутся тут работники, образуют Особый отдел Приморской армии. «Я, — говорит, — не буду назначать. Кто добровольно хочет остаться?» Ну, я в числе первых и вызвался.

И уже округ ушел, а я остался в Особом отделе Приморской армии. Одесса была окружена 5 августа: полная блокада. Мы занимались работой, выявляли агентуру и дезертиров.

Потом такой район — Дальняка, это километров десять от Одессы; там была 25-я Чапаевская дивизия. Вообще войск было мало: три дивизии всего. Ну, авиационный полк, еще части... примерно 42 тысячи наших. Против — румынская армия вся и немецкие части. Ну, румыны — вояки плохие, били их страшно. Было это все в районе Дальняка. Там я вот так выходил [*Зажимает нос.*]: вонь стоит, они в этих шапках таких... одежда такая плотная... даже можно лежать на

голой земле сырой — и ничего, не простудиться. Но вояки — плохие.

Там моряков было много со списанных боевых кораблей: одеты в армейскую форму, но когда идут в атаку — расстегнут воротничок, тельняшка видна, бескозырку в зубы, чтоб «полундра» — и вперед. И вот я там впервые пошел в атаку. Я же не буду сидеть! И до сих пор помню: бегу, смотрю — десять человек лежат. Я думаю: «Чего же они лежат, чего они не бегут?!» Потом — доходит: «Это же убитые!» Вот так, значит, первая такая атака...

Мало кто знает, но в сентябре 1941 года положение было страшное... была опасность, что немец займет Одессу. В Военный совет — телеграмма Сталину, что положение тяжелое, есть угроза захвата. Буквально теперь об этом, правда, не пишут, но через два-три часа — от Сталина телеграмма: «Прошу героических участников обороны Одессы продержаться два-три дня. Будет подкрепление». Верховный командующий! — не требует, не приказывает, а просит.

И вот командиры взводов в окопах солдатам говорят: «Ваня, Сталин прислал телеграмму, просит продержаться два-три дня». Так вот эта просьба — в психологическом плане — она воздействовала сильнее, чем приказ стоять насмерть. Продержались три дня, пришло подкрепление из Новороссийска — и все, продержались!

Ну, было, конечно, положение тяжелое, потери были и так далее. И 1 октября Сталин дал команду Одессу эвакуировать. Почему? Потому что немец подходил к Перекопу и была угроза захвата Крыма. А если займет Крым — Одессе точно какую. Ну, что? Из Одессы раненых — куда? В Крым. Боеприпасы — откуда? С Крыма. Ну, и другие... В общем, Сталин дал команду. И наша задача состояла в том, чтобы противник не знал, что мы готовимся эвакуироваться. Иначе, если он узнает, он

тогда «на плечах» ворвется... все, потеря будет сплошная.

Мы проводили большую работу: послали там женщин под видом «к родственникам», немцы их опрашивали — они говорили, что там окопы роют, войска идут, настроение боевое, то есть об отходе и никакого намека нет. Один мальчишка там тоже был заброшен. Мы его зарядили: «Давай, говори им вот то-то, то-то там...» А потом по нашему указанию к машинам, идущим к фронту, деревья привяжут — пыль столбом: вроде «войска идут». В общем, полная дезинформация была. Сработало. И 16 октября 1941 года — все войска были выведены до одного, все. Каждому полку был известью проложен маршрут в порт, там уже — пароход, все организовано... и лошадей, и все забрали. Вывели полностью.

А чтобы была иллюзия, что войска на месте — где-то пулеметчик, автоматчик — стрельбу вели... все-таки — вели. И пришли боевые корабли в Одессу, громадные. То есть показать, что оборона — на месте, живет и никуда не уходит.

Ничего не знал противник, целые сутки потом боялся входить в Одессу: думали, что это какая-то игра со стороны русских. А потом вошли — а там был дом такой известный, и они устроили в нем пьянку человек на пятьсот... а мы заранее сработали, заминировали в подвале... потом — кнопку, и — всех.

Что интересно, 16 октября 1941 года я в числе последних защитников оставил Одессу. На Севастополь. А 10 апреля 1944-го я с войсками первым в Одессу вошел. И сейчас я — единственный во всей стране, который последним ушел и первым вошел. В Одессе обо мне знают. Они в газетах печатают портреты мои, такую и мне прислали... когда там праздники — вспоминают, желают здоровья...

Вот приглашали приехать: «Вроде ж вы — Почетный гражданин Одессы!» Я говорю: «Ребята, я приехать-то, может, и приеду, а — уеду ли?» Потому что приехать — я же не буду сидеть: надо поехать в район Дальняка, там выступать, потом приемы... Это же все нагрузка. А все-таки же мне 95 лет... В общем, отказался. А они — и на день рождения мне прислали, и в общем, звонят, и так далее.

Под Севастополь, значит, пришли, и — сразу войска на Перекоп. Потому что там уже было известие: немец ворвался на Перекоп, идет на Евпаторию. Уже грабят Крым направо и налево.

Петров был командиром 25-й Чапаевской дивизии, а командующим был Сафронов. Но он заболел, и буквально за два-три дня до эвакуации этот Петров стал командующим. Умный! Он участвовал в бою, и потом у него голова стала так вот. *[Показывает тик.]* Ездил по переднему краю, такой с хлыстиком, интересный. Генералом армии был, командующим фронтом был, но Сталин не очень его ценил. Считал его мастером обороны, но не мастером наступления, потому что он и в Одессе оборону держал, и в Севастополе. Поэтому так с ним немножко недооцененно, в общем, вышло, был такой взгляд. Ну и вот решали вопрос, куда отходить. Петров — он правильно понимает: Севастополь есть Севастополь. Там и артиллерию боевых кораблей нам тогда дали, оснащены все...

А я оказался в районе Керчи. И вот мы в ноябре 1941 года через Керченский пролив эвакуировались на Кубань, хотя там можно было держать оборону. Там был Кулик, маршал, он должен был ее обеспечить. Но по его вине мы в конце октября оставили Керчь. Ее можно было держать, а он проявил такое... вообще развратный был тип. Проявил трусость, потерял звезду Героя и так далее. Потом его вызывали в Москву, разжаловали до генерал-майора, понизили в должности, а потом в конце

концов расстреляли. У меня дело и на него было, и на других, и на Жукова в том числе. Я там много знаю...

Так вот, тогда мы оказались в районе Крымска. Потом я был с батальоном на Тамани. А потом — 1942 год — Керченско-Феодосийский десант знаменитый, первый крупный десант. Значит, освободить Керчь и весь полуостров: Феодосию и так далее. Ну, какая там техника?! Баржи! Вечером — поплыли. А из Азовского моря — течение сильное, льдины: думаю, могут цокнуть — и утонет. Подплыли к Керчи на рассвете, немец не ожидал. А пирсов — никаких нету: по грудь в морскую воду бросались, температура — пять-шесть градусов! Я, конечно, там легкие застудил и потом мучился здорово: и воспаления, и бронхиты. Сейчас, правда, уже вроде ничего особенного.

Керчь освободили — там было на площади семь повешенных партизан, а Багеров ров такой недалеко — 7 тысяч расстрелянных. Это впервые пошло известие о массовых расстрелах немцами советских граждан. Евреев, других...

И вот фронт остановился под Феодосией. Так называемые Акмонайские позиции. Всего фронт — 21 километр. Три армии: 44-я, 47-я, 51-я. Я был в 51-й армии, уже уполномоченным стрелкового батальона стрелковой бригады.

Ну, воевать не умели еще, был приказ — «тревожить немца». Что значит «тревожить»? Ходить в атаки каждый день. Ну и что? В атаку пошли, потери понесли, а никакого толка. Мехлис был член Военсовета: он мнил о себе, что он «посланник Сталина». Негодяй натуральный, в военном деле не разбирался, но — поймал командующего. Козлов такой был, умный человек, разбирающийся — так вот, говорит, «посланник Сталина» и командовал все время! Опыта — никакого нету! И вот столько войск по плотности! *[Показывает.]* Крымский фронт был самым

насыщенным из всей линии советско-германского соприкосновения. Вот куда ни бросит снаряд [Немец.], — обязательно кого-нибудь убьет.

Я был уполномоченным. Но надо же! — в атаки ходил все время. С комиссаром поднять в атаку. А что поднять в атаку? Рвутся снаряды, мины, свист пуль, гарь. И надо первым, чтобы показать пример. В газетах писали, что идут в атаку, кричат: «За Родину, за Сталина». Никто не кричал. Не потому что Сталину не верили, а потому что батальон по фронту бежит — 120 метров. Чтобы всем организованно крикнуть — надо кому-то руководить. А как это?! А самое главное — когда бежишь, дыхание не позволяет кричать, дыхание! «Ура» еще, «ура» — это пожалуйста. Но когда если там кто-то один только из окопов выбегает — пока еще не бежит — он одиночно может крикнуть «За Родину», как командир взвода. А так, чтобы организованно — этого не было.

В атаки ходили — непрерывно. Там никаких этих землянок, окопы все — обвалившиеся, грязь — по колено... вшей, бывало: ага, три штуки! — ага! — не глядя, пять штук туда к немцам бросаешь и так далее.

С водой плохо так... набираешь воду, вдруг там — убитого нога. Хлорку давали. Бросишь ее, разболтаешь во фляге, пьешь — никакой заразы.

Старшина как-то в 12 ночи доставил термос с горячей пищей и три-четыре фляги с водкой (днем нельзя — убьют). А там не водка, а сырец какой-то. Везли явно в цистерне, где был керосин: жутко воняет... кружка еще такая громадная, граммов триста. Темно тут, летают ракеты, слышим: «На благо Родины!» — ну все, готово. Руки все — опухшие, глянцем покрытые, не слушаются. Двумя руками берешь, тянешь-тянешь: а что тут? Селедка. Где? Ага, нащупал. Берешь, хрустишь песком. Ну, водка — и ни в одном глазу, но — дезинфекция. Никто же не болел: ни гриппа, ни

насморка — ничего не было. Потому, что еще напряжение такое... тоже оно не позволяло там раскиснуть.

А потом — я же работать должен! Кроме того, что ходить в атаки, у меня же работа оперативная: встречаться... Я вот обычно в 12 часов поем, в окопе в углу прижмусь, палаткой накроюсь, часа три покемарю, потом палатку снимаю, шинель снимаю, в куртке, и — ползать. Ну, там рядом, но все равно ползать.

Немец ночью не бросал ни снаряды, ни мины. Трассирующие пули. А трасса — видно, как идет.

Ползать я по-пластунски не любил: лучше перебежки. Вижу, что очередь — ага... «тюк-тюк!» — побежал дальше. Там вот часа три ползаю, встретился с кем надо, информацию получил... о настроениях, кто там к измене готовится, как и что, потом прихожу к командиру батальона, к комиссару, говорю: то-то то-то, и — записку начальнику контрразведки бригады.

Вот такая работа тяжелая... перед вражескими позициями. Симонов очень хорошо описал. Когда я читаю — сердце болит, ей-богу. Ужасно, ужасное состояние было...

А 8 мая 1942 года, значит, авиационный корпус Рихтгофена пробомбил левый фланг фронта к Феодосии, пустили танки, немец вошел в тыл всего фронта... а у нас были — КШРы. Что такое КШР? Кабельно-шестовая рота. Радиосвязь была — малая, вот — проводная связь: шест и провода. А что? Свалил шест — и всё, связи — нет. Нет связи — нет управления. Вот он порвал все связи: полковые, дивизионные, фронтовые. Никакого управления. И пошла паника. Все — убегать в Керчь, к проливу, чтоб перебраться. А ведь сотни тысяч!

Я — к командиру батальона: «Стоять твердо, батальон — в руках, будем держать бой, отходить организованно». Помню, отходим — а там пушки стоят.

Чистые, смазанные, штабеля снарядов — и никого нету. Все сбежали. И вот я говорю: «Хорошее место, давай займем оборону». Заняли оборону. Идут немцы. Видно: идут — спокойно... что-то пнут ногой так... Но стреляют, а пули уже на исходе: убойной силы не имеют. А справа и слева танки обходят и стреляют болванками. Она — «вуууу!»... Такое впечатление было!

И — да, шла паника. А паника — страшное дело. Два, пять... как побежали! Я — с пистолетом: «Твою растакую, это самое, стоять!» Думаю: «А где же комбат?!» Смотрю — там, значит, какой-то камень... он сидит... я подбежал — а у него глаза бессмысленные, губы пересохли, языком облизывает. Я — левой рукой за воротник, говорю: «Именем советской власти — расстреляю, если не возьмешь себя в руки и не будешь командовать!»

У меня была задача — вывести из шокового состояния. Вывел. А если бы не вывел — пришлось бы расстрелять. А что делать? Расстрелять одного — или весь батальон погибнет?! Если бы расстрелял — сам бы взял на себя командование батальоном. Я уже опыт имел...

И потом батальон отходил организованно с боями до Керчи. А под Керчью — все смешалось. Сотни тысяч — и никакого управления! Ни команды, ничего! Вот как на базаре толпа. И офицеры, и полковники, солдаты — в куче... Такая безысходность, такая морально тяжелая... ну, с ума сойти. Что такое?!

Значит, переправа на кубанский берег. А там она — тяжелая! Он [*Немец.*] — бомбит, потери — страшные! Я оказался в районе за Керчью: маяк... там село — Маяк. Держали бой, ну, без всякой команды, сами просто, стихийно. А потом нас уже к берегу прижали, смотрим — немцы идут. Уже кто стреляется, кто петлицы рвет... некоторые руки подняли, другие упали, ползут и так

далее. Агония. Думаю: что делать?! — ну, стреляться надо.

Я там выбрал какой-то валун, встал за него, мыслей — никаких. Как-то присел на правую ногу, поднес пистолет. Тут что-то... смотрю — моряк с автоматом: «Братцы, отгоним гадов немцев, вперед, за мной, ура!» Никто на меня внимания не обратил... и все. И все пошли: и здоровые, и раненые — ну, и я в том числе. Отогнали немцев аж на три-четыре километра! Отогнали...

В общем я говорю: в жизни каждого человека имеет большое значение случай. Вот остановись я стреляться не около камня, а чуть подальше — все. Или моряк появился бы буквально на три секунды попозже — все, меня бы не было. Все вот так.

А там я встретил случайно начальника своего. Говорит: «Там пирс один, иди, организуй переправу — только раненых!» А как «организовать»? Десятки тысяч стоят! К пирсу — не пробьешься: плотно! Я нашел какую-то тряпку красную, нацепил, вроде «официальное лицо» — да кто внимание обращает?!

И тут — смотрю: самолет немецкий... и наша зенитка первым снарядом — в хвост! Вот так все: огонь, дым — и он падает прямо в эту толпу. Стали разбегаться. Ну, думаю — каюк... А тут вижу — такая кладка, метров сто пятьдесят, цемент такой. Я — туда, за эту кладку! Залег — самолет там упал, взорвался, осколки пролетели, жив. А уже пирс-то почти чистый! Я пробрался к нему, сумел, собрал там майора одного, капитана, говорю: «Вот так, ребята, стоять тут!» И уже снова сразу скопились тысяч пятьдесят! Я: «По указанию высшего командования — сажать только раненых!» Какое «высшее командование» — я и сам понятия не имею. И вот что: ходит там рыбацкая шхуна, значит, через пять-десять-пятнадцать часов. Ну, двадцать человек посадит — и все. Я: «Только

раненых!» А все рвутся! Мы стоим — не пускаем. «Только раненых!» Это же видно, когда раненый. И свои — видят, что я закоперщик главный... я вот стрелял — но не убивал. Я стрелял хорошо: или в плечо, а если в ногу, то чтобы в мякоть. И потом дней пять я там был на пирсе: не спал, не ел, оброс... видимо, страшный... в каске. У меня была фляга — там половина спирта, половина морской воды, и — песок. Вот так разболтаю, два-три глотка сделаю — все что-то такое...

В воду посмотрю — столько трупов! Убитых этих, утонувших. Кто в шинели, кто в куртке... вот так, вертикально... А волна идет, впечатление — что они вроде маршируют. Я вот все у врачей спрашиваю: «Почему вертикально?» Видимо, сапоги: вода тянет. Все — вертикально. Ну, думаю — через минуту я тоже могу там оказаться. Страшная картина, это невозможно передать. Вот несколько дней. Ну, придет через десять часов эта рыбацкая — ну что там... Организации никакой не было. Мне один там капитан: «Слушай, видишь? Все пропадем...» Я говорю: «Ни в коем случае! Стоять до конца. Если еще заикнешься об этом — я расстреляю. До конца стоять. Никаких отходов, не бросать!»

Вдруг смотрю — несут четыре грузина на носилках высоко — командир дивизии: голова — повязана. Тогда еще погон не было — четыре шпалы: это полковник, значит. А никто не пускает их. Ну, я там как-то распорядился — пропустили. На пирс его положили. Смотрю — лицо розовое, смотрит. А я уже знаю: когда человек, раненный в голову — он бледный, глаза закрыты. Я говорю: «Ну-ка, развязать». Смотрю — никакого ранения нет. Все увидели, орут: «Расстрелять полковника!» Ну, думаю: я имею право расстрела все-таки... а вокруг кричат: «Нет — так тебя самого расстреляем!»

Ну, что делать... поставил на край пирса, левой рукой за грудь, пистолет... и он — на моих глазах поседел, стал седой. А тут снаряды летят, мины рвутся, пули, грохот. Я ему: «Слушай, полковник, я выстрелю!» А у меня что-то тут сердце дрогнуло... «Выстрелю — мимо, а ты туда падай в воду, как будто убитый». Я так выстрелил, чуть толкнул его — он упал в воду. Дальнейшей судьбы его не знаю.

А тут через некоторое время — уже опять: все, конец, уже вот снова немцы подошли. Да что ж делать?! Надо опять стреляться! Ну где?! Нужно на пирсе. Сел на него только, а тут — мотор: «пых-пых-пых»... Последняя рыбацкая! А он уже знал меня. Меня ребята с рук бросили, сели, говорю: «Быстро!» И — уже по нам прицельный огонь, обстрел. Значит, человек пять было убито примерно или шесть — не помню... раненые... а там был какой-то ящик с инструментами небольшой — я как-то изловчился, изогнулся так, лег... в общем, остался жив.

Подходим... там такая коска — Чушка называется — идёт в море километров на пятнадцать. Где пятьдесят, где сто метров, песок такой мокрый... ну, подплыли — я бросился на него... спал — не знаю... может, часов двенадцать... или сколько. Открыл глаза — Керчь видно. Горит, дым стоит... Ну, что делать? Надо идти в Краснодар: там же этот фронт... Северокавказский. Пешком. Там еще кордон Ильича. Ага: колодец, ведро. Смотрю — вода! Дно — видно! Ты смотри, какая вода такая чистая! Я как прильнул к этому колодцу! — пил, пил вот так... а потом — пешком: этот... Темрюк, по-моему, Глубинка и — в Краснодар. В Краснодаре мне еще: «Удостоверение!» — «Нате».

И под Темрюком — по-моему, старший лейтенант... или капитан... и два солдата: «По приказу командира дивизии — сдайте пистолет!» Я говорю: «Я не офицер вашей дивизии — и приказ ее командира мне не закон.

Пистолет сдавать — не буду!» — «Тогда мы вас арестуем и силой отберем оружие». Я говорю: «Если вы такие действия предпримете — я, как офицер Особого отдела, применяю оружие». Достая пистолет. Они так переглянулись... а я пошел. Ну, думаю: стрельнут? Нет, не стрельнули. А вообще — это уже было практикой на других фронтах: когда части отходили, командиры там, которые шли, — у них отбирали... и расстрелы были, и убийства. Это неправильно. То есть «вы — бежите, а мы, дескать, остаемся — давай оружие». Вот такая вещь.

Когда я получил направление в 32-ю дивизию, побыл там двадцать дней. Потом — команда мне: в Мечетинскую. Станица под Ростовом. Там — Особый отдел 51-й армии. Старшим уполномоченным. Отделение, которое руководит всеми дивизиями, корпусами, — это важное отделение. Прибыл в Мечетинскую за четыре дня до сдачи Ростова. Если бы позже — я бы не знал, что бы я делал. Еще не был в ней — у меня что-то ноги заболели. Ну вот сидел там под Керчью в окопах — и не могу снять сапоги. Ребята пришли, девчушки — не могу! Одна там, Тоня Хрипливая, ножницами разрезала, а там — вшей! «Ты, Ленька, когда купался?» — «Да я не знаю, я не помню...» И девки меня стали тащить в сарай. Я говорю: «Куда вы, елки-палки?!» — ругаюсь... Затащили в сарай, раздели — и начали купать. Вода холодная, мочалка... И — потом принесли белье. Главное — чтобы вшей не было! Все, что должны были, все заменили. Если хоть одна гнида останется — вши опять пойдут. Вот я так вздохнул... хоть как-никак все-таки искупали... думаю: ну, спасибо! Они уже потом, позже, уже когда наступление, зовут в баню: «Леня, пошли с нами, ты теперь наш, ты у нас свой». Ну так уже, в порядке шуток...

А тут — пошло уже: значит, сдали Ростов... приказ Сталина 227-й... острый приказ такой, тревожный.

Чувствуется — писал сам: его почерк, его рука... значит — создать заградотряды, штрафные роты, батальоны и так далее. Мы стали зондировать реакцию личного состава на приказ — только все положительное!

Но были отдельные замечания... какого порядка? Приказ опоздал, надо было раньше издать, когда сдали Харьков. Перед этим — Харьков был сдан, там 30 тысяч в плен попало. Вот тогда надо было издавать приказ. Это — одно замечание.

Второе: нет четкого определения, за что в штрафные роты и за что в штрафные батальоны. За что? Там просто написано: «За проявление трусости и за сдачу боевых позиций без приказа», вот так. А надо — более конкретно. Ну, такие пожелания высказывали.

В общем, отход. Немец переправил танки на левую сторону Дона, пыль, грязь, управленческий разнобой... Части отходили — кто батальон, кто группа — по всем донским степям, никакого управления!

Командующий армией, «исполняющий» — Коломиец (я его знал по Одессе): «Вот тебе машина грузовая, пять солдат, бочка бензина, с сухим пайком. Езжай по степям: кого встретишь — какую часть там, группу — надо обеспечить Сталинград! Направляй. Вот тебе мандат, мои указания — чтобы они знали, что ты не от себя!»

И я дней семь ездил по степям этим донским: то группу встречу, то кого... говорю: «Ребята, на Сталинград!»

Однажды едем — идет старик. Ну, как «старик»... рубаха разорвана, штаны такие короткие, в лаптях. «Кто такой?» — «Командир дивизии». — «Как докажешь?» Он сел, значит, на землю, снял лапоть, достал удостоверение Героя Советского Союза...

А как?! Дивизия! А что эта дивизия?! Я помню, когда на Дону начальник дивизии пишет сообщение: «В дивизии семьсот человек». — «Всего?!» — «С писарями,

с поварами. И у многих винтовок нету. Ждут, пока убьют солдата, чтобы винтовку отдал». Вот так вот: «Дивизия вся разбита, я остался один». Ну, мы так поговорили... «Давай, иди на Сталинград». Дали карту, покормили. Он заплакал, да и я слезу пустил там. Говорит: «Ребята, я вас в жизни не забуду никогда!» Судьбы дальнейшей — не знаю.

Потом встретили большую группу наших. Макаручк, комбат был такой боевой. Я говорю: «Вот указание». Говорит: «Я понимаю, но тут я заметил группу небольшую немецкую: я их разгромлю — тогда пойду». Я говорю: «Хорошо». Потом действительно прибыл в Сталинград, ему присвоили полковника, командиром дивизии назначили... 32-й. И во время наступления погиб. Похоронили в Зимниках. Хороший был командир...

Вот я так, значит, дней семь... больше! — по калмыцкой степи захватил. Уехал далеко-далеко там... ночь едем — ага, надпись, знак: «Элиста». Вот заехали! Давай обратно.

Потом — под Сталинградом весь период... ну, там бои, все прочее... Жуков приезжал, помню... такой, в кожаном пальто... конечно, никто не знал, старались все держать в тайне: потому что, если немец узнает, что приехал Жуков, значит, что-то такое намечается на дворе. Главнокомандующий, член Совета! И 20 ноября пошли в наступление.

В какой вы части были?

В 51-й армии. Особый отдел. Я как раз, когда наступление — был в дивизии, в 32-й. В наступление пошли — значит, приехал Хрущев, он был членом Совета фронта. Командир дивизии: «Товарищ член Военного совета, восемьсот человек пленных взяли!» Он: «Что так мало?! Отступление, что ли, было?!»

Больше ничего не сказал, уехал. Ну, что это... «член Военсовета»... До сих пор в памяти осталось это так.

А в начале ведь пошел Рокоссовский там, северней... 19-го. 20-го — мы... А почему успех? Как раз южнее Сталинграда чуть-чуть — румынские части, а они — вояки плохие, сразу: раз-раз! Там и итальянские были, самые северные: то же самое. Поэтому это было учтено, и вот так успешно замкнули кольцо. И пошло наступление. Вот Жутово, 2-е, Садовое там, значит — пошли-пошли, освободили Ростов, и — уже под Таганрогом.

Помню там один случай... Политотдельская — такая громадная станица! Там — 51-я армия... корпус кавалерийский Кириченко... Столько войск! Немцы как туда глянули — и как пошли непрерывно самолеты! Полк бомбят с утра до вечера: страшная бомбежка! Я там — с работниками (сам замначотделения был). Стал в угол, думаю: «Сейчас — снаряд. Осколки будут лететь — голову-то не заденет». А тут — свист, грохот, шум, гам! Рядом там подвал — в подвал никогда не заходил: гиблое дело. Значит, крышу снесло, дверь выбило, окна, хата вся трясется. Ну, думаю — все, привет... целый день! — с ума сойти. К вечеру как-то затихло... гарь, дым... Я оглянулся — а я, оказывается, стою под образами! Надо мной — иконы! Вот я — человек неверующий, но — спасибо, боженька, ты меня спас! Вот такой случай со мной был.

А потом пошли оттуда в Николаев, в апреле вошли в Одессу: я — в числе первых. А потом нашей армии — под Тирасполь, и — задача: наступление на Кишинев! Но — готовить и держать — в тайне. Вот как раз там я очень много задерживал всяких... Я вообще задержал за время службы — тридцать агентов... разоблачил, короче.

Там была одна группа — они обычно забрасывались с самолета на парашютах. В начале войны немцы не

очень шли в разведку. Они — «блицкриг!» и так далее. А когда под Сталинградом они уже хватились, и были образованы школы разведывательные, курсы и так далее, обучались они по пять-шесть месяцев, документы прикрытия, легенды... Уже на высоком уровне. И — сбрасывали с самолетов.

Вот — солдатская книжка: подделана здорово, как надо. Серого цвета. Но — какая промашка? У нас в книжке — скрепка железная: поносит — справа и слева следы; а у них — никелированная. Все.

Да-да, в последнее время неоднократно уже звучало, и в кино снято...

Так я же сам таких задерживал! Или — орден Красной Звезды подделывали. У нас — стоит в сапогах, они сделали — в обмотках! Ага. Смотришь — все: бери и работай с ним: значит, агент засланный.

Было в районе Черобазово [*Так у автора. — Прим. ред.*] пять человек — никаких ни фамилий, ничего не знали. И — за восемь дней всех вывели! И был один капитан, у него документы — такие! Вроде из госпиталя дали, в отделе кадров армии был, получил назначение в оперативный отдел штаба корпуса... А там же в этом отделе — все планы наступления! Окажись он там — какой бы ущерб нанес! Мы его, когда он подъезжал к штабу, прямо там и схватили. А двух, которые там диверсию хотели сделать!..

В общем, командующий Берзарин приехал, вручил мне орден Отечественной войны I степени. Потому что, говорит, чтобы разоблачить такую группу, это равносильно выигрышу большой боевой операции. Ну, действительно, так и было.

Потом освободили Кишинев в августе, в конце. Дней там пять побыли — команду получили на Варшаву передислоцировать армию. И вот полустанок Веселый Гай. Стоит состав такой: товарные вагоны — и ничего

там нету! Ни соломы, ни нар, пусто. Я говорю: «Ребята, найти доски». Чтобы нары сделать.

А мы с Кишинева взяли ящики помидор, груш, винограда, яблок набрали: там их полно. Будем ехать, есть и так далее. И вот доски нашли. «Вы, — говорю, — ищите вагон почище, а я постою тут, покараулю, чтобы их не растащили». А мне нездоровилось, дня три не брился, так что-то бледный был... а день — такой теплый, хороший. Смотрю — идут две девчушки, младшие лейтенанты. Одна — такая белокурая, красивые глаза... Подбегает эта белокурая, говорит: «Дяденька, а дяденька, дайте нам доски, нары построить!» — «Товарищ младший лейтенант, как обращаешься?! Устав забыли?!» Она с перепугу: «Ой, какой важный! Подумаешь!» И убежали.

А ехать — дней пять. Останавливаемся где-то в лесу, в поле. Ну вот встретились там еще раз, посмеялись, познакомились. В мае 1946 года в Берлине поженились. Жена... сейчас я вам покажу карточку ее, одну минуточку... вот, Полина Ивановна, красивая девка. Добрая, заботливая, это вот она...

...потом мы в районе Бреста перешли в Польшу, были в районе Минск-Мазовецкий. Там были аковцы: это — Армия крайова. Миколайчик — их бывший руководитель. Премьер-министр Польши в Лондоне. Англичане были заинтересованы в Польше. Денег давали много — и создали армию. Она вооружена была, хоть и в лесах. Обута, одета. С немцами не воевали, но и с нами тоже столкновений не было. Но мы, когда дошли — все-таки же армия... Сталин дал команду: «Разоружить». И вот, значит, я руководил этим разоружением... это долго говорить.

Каждый день в Москву Сталину докладывали: сколько разоружили, количество оружия и так далее. И вот где-то в декабре Берзарин, командующий армией, говорит: «Товарищ Иванов, мы готовимся к наступлению

— надо сделать так, чтобы противник не знал, что готовимся». А были случаи измены. Вот чтобы не допустить ни одного перехода к противнику.

Какая измена?! Уже победа маячит, а измена — была! Почему? Потому что, когда мы освобождали нашу территорию Советского Союза, город, село — там всегда оказывалось много людей молодых призывного возраста. Они часто и в армии уже были, но остались в окружении, присосались там к тетушкам, кумушкам... а полевой военкомат: всех — в армию! И даже бывали случаи: не успеют их переодеть — они прям в армяках идут в наступление. Немцы: «Что за армия наступает?!» Ну, они люди-то военные, но — переодеть не успели. И вот брали таких в армию... там попадали и полицейские, и предатели... А он же видит: уже победа, он понимает, что немцев добьем до конца — и за него возьмутся. Его же арестуют. Поэтому — уйти к немцам. И вот Берзарин и говорит: «Прошу вас сделать так, чтобы ни одного случая не было».

Мы были на Магнушевском плацдарме. Я 15 дней декабря и 15 дней января был на переднем крае, везде ползал, принимал меры. Особо бывало часто: из боевого охранения, из охраны, из дозора уходили. Там между немцами и нами — окопчик. Два солдата: чтобы наблюдать, как себя немец ведет. Вот один другому: «Перейдем?» Нет — он его убивал и уходил. Поэтому мы внимательно отбирали тех лиц, которые пойдут в боевое охранение. В разведку — то же самое. А попытки были перейти. Мы пресекали эти попытки в корне. Ни одного случая измены не было! И когда об этом командующий узнал — он приехал и наградил меня орденом Красного Знамени.

Вообще болтают, что «вот, работники контрразведки, тупые, ограниченные, сидели в тылу там, пьянствовали с бабами...» Какое пьянство тут?! Я за один год четыре ордена получил! Если бы я

пьянствовал — кто бы мне их дал? Это клевета настоящая. Конечно, были какие-то работники, может быть, отдельные, которые вели себя, может, недостойно... и в моральном плане, может быть, и выпивали — может быть и такое. Но в целом оперштаб был преданный, боевой, честный, порядочный! Занимались работой! Если бы не контрразведка, победы в мае в 1945 году не было бы. Она бы была все равно, но — позже и с бо`льшими потерями. И недаром Сталин по окончании войны объявил благодарность всем войскам военной контрразведки. И пятерым начальникам особой контрразведки армий (они по штату — полковники) было присвоено звание генералов. Вот так-то оно.

15 января мы пошли в наступление. Быстро пошли: в день по 50–60 километров. Вышли к границе: «Вот она, проклятая Германия!» И там — никогда не забуду: у них тарантас, на облучке сидит немец убитый. Цилиндр, трубка во рту. Сзади него — еще три немца убитых, голых, тоже в цилиндрах — и надпись: «Вперед, великая Германия!»

Ну конечно, вошли в нее. Чистый город. Но, как входим — горит. Коровы бегают, пищат собаки: только-только, видимо, бежали. Ну, наш народ — злой: у кого семья потеряна, дом и так далее. Короче, насилия — были. Были и убийства, и поджоги... Мы об этом дали информацию в Москву, и вскоре была директива ГлавПУРа — Политуправления Красной армии, — что мы вошли в Германию не как поработители, а как освободители немецкого народа от фашизма. Вести себя достойно, никаких насилий, грабежа и убийств и так далее. Кто это будет делать — будет привлекаться к уголовной ответственности... такой — серьезной. Работа была проведена, разъяснения — все пошло на спад. Но все равно отдельные случаи были, имели место...

Наша армия находилась около Кюстрина, а Кюстрин — родина Геббельса. Там они *[Немцы.]* имели такую опору! Пристреляно все. Они — сверху, а мы — внизу. И когда мы пошли в наступление 16 апреля — конечно, потери были большие... Болтают: «Вот, значит, не жалели солдат». Ничего себе, как это «не жалели»?! Командующий армией перед наступлением собрал всех командиров, говорит: «Товарищи, последний бой. Как можно больше сберечь солдат, чтобы было меньше потерь. Перед боем — обласкать солдат!» «Обласкать» — какое выражение! Да? Но потери, конечно, были. Первый день был не успешный, а на второй — прорвали, и — прямо на Берлин! Вошли в него 22 апреля. А 2 мая — капитуляция. Вот, пожалуйста: десять дней — миллионную группировку разгромили.

Капитуляция. Меня Берзарин пригласил — я принимал участие в приеме капитуляции. Значит, справа, слева — два танка были, взвод автоматчиков. Ну, немцы, черт его знает: всего можно ожидать. Тут — группа генералов. И я: офицер, майор... шли часа полтора, колоннами. В пенсне, так гордо: вроде не в плен, а на параде. Другой — голову понурил, третий — зыркает так зло на нас... в общем, прошли.

А потом мы создали группу оперативную: по розыску Гитлера, Геббельса и так далее, и я этой группой руководил. У меня в руках были кителя Гитлера, штук десять, на обороте — там, где карман, голубыми нитями «АН» — Адольф Гитлер. Золотой значок такой массивный... Башмаки Геббельса — меня поразило — кожа такая сыромятная! У него одна нога — короче: каблук такой большой... палки там, ручки... ну что мне стоило взять тот же китель или этот значок?! Я бы миллионером был, если не больше. И мысли не было! Но — мы взяли три коробки витаминов, которые Гитлер пил: «Ребята, это — берем». И всей моей деревней

месяца три пили. Думаем, Гитлеру-то зря не дадут. Поправим свое здоровье.

Потом была создана группа по обеспечению безопасности подписания капитуляции. Темпельгоф — громадный аэродром на западе Берлина, там было много наших работников, и я там был. Прилетали американцы, англичане, французы — их делегации, и Кейтель. Встречал Соколовский: генералом армии он был, замкомандующего фронтом. Рота почетного караула — и оркестр. Приезжают американцы, рота проходит, и — гимн американский. Английская сторона — то же самое. Кейтель приехал последним. Конечно, никакого гимна.

Нужно охранять: еще же война идет! Весь Берлин раздолбан, снаряды падают, еще стрельба, взрывы, дороги все разбиты. А ехать — километров двадцать, да через Берлин и далее. Но благополучно часа в три прибыли. Там здание инженерного училища, особнячок такой — в нем группу Жукова поместили. Все эти англичане пошли к нему. Народу — много: и генералы, и полковники, и журналисты... идут фотосъемки... Там я видел писателя Симонова. От него немножко коньячком пахивало. Ну, осуждать не надо: победа!

Я осуществлял наружную охрану: по углам расставил работников, дал команду «никого не подпускать: ни военных, никаких, даже если он идет в форме офицера. Команду — «Стоять!» Если не выполняет — стрелять на поражение». Потому что — а может, в этой форме немец идет?! Бросит гранату через окно — и все.

Вы охраняли училище, где должно быть подписание капитуляции?

Да.

Пять часов — никого, шесть часов, десять — никакого подписания. Народ уже собирается: «В чем

дело?!» Одиннадцать часов — нет никакого подписания!

Ну, я так: дай зайду в здание... имел право. Зашел. Народу — полно! Вот Жуков, а там Серов еще был, это нарком внутренних дел. А он знал Жукова хорошо по Киеву. Жуков был командующим Киевским округом, а Серов был наркомом НКВД. И он к нему — раз, подошел, чего-то шепчет...

Заходит Кейтель со своим жезлом. И значит, сразу все переглянулись. А ковер-то — он понял — взят из кабинета Гитлера! И он впился глазами в Жукова. Кто же его победил, что за русский маршал такой?! Так внимательно рассматривает...

Я ушел, потому что у меня своя задача там была.

А примерно в 12 часов состоялось подписание. Наше время, европейское. В чем было дело? Некоторые технические вопросы по акту капитуляции со Сталиным согласовывать надо было. А он отдыхал. И вот, значит, когда он проснулся, позвонили — все и пошло. Какой день объявить Днем Победы? 8-го или 9-го? 9 мая и объявили. И — только подписали... откуда это солдаты тут же прознали?! По всему Берлину стрельба пошла! Из зениток, из пулеметов — как будто война продолжается. Победа!

А на другой день я поехал в район Бранденбурга, там площадь большая. Столько там людей! Полковники, генералы... Ура, кого-то подбрасывают, целуются, и — ни одного пьяного. Народное гуляние — никогда не забуду! Я так с часок побыл, но — нужно заниматься своими делами. Мы обнаружили... не мы — дивизия 32-я, командир Антонов — склад СС с ценностями большими. Я поехал. Командир дивизии говорит: «Посмотрим». Открываем — там такие коридоры, крысы бегают... справа — ящики... тут — все золото: там зубы, там слитки, там какие-то монеты... Я еще помню, подобралась какие-то такие треугольные, легкие. Я

говорю: «Вот это вроде египетские...» Громадные ценности там! Выходить — я командиру дивизии: «Поставь охрану не ниже майора и команду: «Никого не пускать!» Если пускать — только с запиской коменданта». А комендант тогда Берзарин был, он первый.

Выходить — а выйти не можем! Вот такая дверь! *[Показывает.]* Твою мать, что делать, а?!

Дверь в этот склад захлопнулась?

Открыть не можем! Я потом стал смотреть: ага, рядом что-то какое-то пятно. Типа пульт. Нажал кнопку — начинает открываться. Ну, слава богу! Вышли, поставили охрану, уехали. А потом от Серова приходили три полковника туда — их наш наряд не пустил, говорят: «Давайте записку от коменданта!» — «Мы полковники от Серова, от НКВД!» — «Ничего не знаю, не пущу!» Не пускал, да.

А потом меня хотели включить в группу по учету этих ценностей. Говорю: «Я не буду. Я в золоте ничего не понимаю. Потом — это отвлекает меня от работы». Взяли моего зама, он там был.

А потом я был в Потсдаме. Работал начальником большого отделения: пятьдесят три человека. Арестовывали много каких-то шпионов. У нас были книги розыска, в которых неразысканные предатели и так далее. Большая работа. Ну, и занимались ею.

Потом я был назначен начальником корпуса, приехал в Киев. А потом в Москве был начальником отдела по обеспечению безопасности Генерального штаба. А потом начальником контрразведки Прибалтийского округа, Южного округа, Киевского округа — и закончил в Московском округе.

Уволен уже — не хотели отпускать, хоть мне было под семьдесят лет. Три пятилетки продлевали. Говорят — опытный и так далее. У меня и дела были

интересные, и вербовки очень хорошие... даже уже в наше время. Один был завербован — замнач Генштаба дальстран. Информацию давал. Я ее — сразу Циневу (такой был зампред КГБ), он — немедленно к Андропову. Потом тот приказ издал: за инициативу, за творчество при приобретении источника генерал-майору Иванову — благодарность, ценный подарок, приказ довести по всему Союзу, всем работникам! Мне потом — звонки: «Кого ты там, что такое?» Впервые было, что Андропов подписывает такой приказ. *[Смеётся.]*

Расскажите, пожалуйста, сколько это вообще возможно, о контрразведке, о Смерше...

Контрразведка существует 95 лет (*интервью было взято в 2013 г.*). Были «Особые отделы». Где-то в конце 1940 года они были переименованы в «Третьи отделы». Был приказ Тимошенко о переименовании. Они выходили из состава НКВД и входили в состав Наркомата обороны. И «Третьи отделы» подчинялись командованию. Уже они стали как бы «карманными». Завербовать — никого нельзя: каждый боится, что командир будет знать. Теперь — материалы на командира полка я не могу доложить без ведома командира дивизии. Он дает указание, а в работе ничего не сообщает. Вот это была ошибка. И она — дорого стоила, отрицательно повлияла на работу... особенно в начале войны.

Война началась — опять переименовали в «Особые отделы». И подчиняться — уже вышли из Наркомата обороны. Но тут — какая тоже особенность? Я — уполномоченный НКВД, а нахожусь в батальоне. В батальоне сколько человек? Питание, обмундирование — на 800. А я по штату не прохожу! А я же с ними хожу в атаки. Кормить-поить меня — надо. Одевать — надо. Машины — там где-то в бригаде — надо иметь. Бензин

— надо. А — откуда, как?! Тут какие-то пошли на этой почве недоразумения, ну, и другие...

Поэтому утверждена была контрразведка Смерш. Она уже вошла в состав Наркомата обороны, но командованию не подчинялась. Единственное — Абакумов подчинялся только Сталину. И был замнаркома обороны. И соответственно, скажем, вот начальник контрразведки армии — он ее командующему не подчинялся. Но это ничего не значит: взаимодействие было полное! Информацию — давали, и он передавал: как готовится наступление и так далее. Чтобы мы были в курсе и принимали свои меры. Это было абсолютно правильно сделано.

И вот когда состоялся приказ образования Смерш, решили написать положение о правах, обязанностях и так далее. И чтобы это положение не с потолка было взято, а было такое реальное, заместители Абакумова разъехались по фронтам беседовать с работниками, которые уже воевали, узнавать их мнение.

Я был в 51-й армии, это в районе Краснодона. Приехал Сильвановский Николай Николаевич, был первый зам Абакумова, и Ковальчук, начальник управления Южного фронта. Они беседовали с работниками про все: как работа была организована, как вербовать, какие трудности, какие пожелания. Со мной беседа была часа полтора. Я уже прошел войну, воевал... чувствую — они переглядываются, заметки делают подробные... Ну, вижу, что я попал в унисон. А там еще сидит начальник Никифоров, полковник. И в конце Сильвановский говорит: «Товарищ Никифоров, назначьте майора Иванова заместителем начальника отделения». Никифоров говорит: «Товарищ генерал, это не майор, а только капитан». Он так Ковальчуку: «Товарищ Ковальчук, подпишите приказ о присвоении звания майора». Тот говорит: «Товарищ Иванов, цепляйте сегодня погоны майора, а приказ я подпишу,

когда приеду в Управление. Подпишу, зарегистрируем, и — в ваше личное дело». Так я за один день стал замначальника отделения и майором сразу. А отделение — под дивизионным руководством. Вот такая структура...

А структура общая?

Значит, Главное управление контрразведки Смерш. Во главе — Абакумов, и он — замнаркома обороны. 560 примерно человек всего-навсего. Там — отдел по Генштабу, отдел по руководству корпусами, отдел прифронтовой работы и другие отделы.

Фронт — управление фронта. Примерно так, зависит от войск, 120-130 человек — аппарат управления. И у него — батальон охраны. Она там где-то может и окопы порыть, и донесение переслать.

Контрразведка армии — 52 человека, со всеми.

Дивизия имела 21 человека. Сюда входил и комендант, и секретарь, и шифровальщик, и переводчик.

Работников на полку было — три человека. Старший уполномоченный и два уполномоченных. Но фактически их не было, потому что убыль была очень большая.

Вы упомянули, что были отделения по зафронтовой работе...

Да, Третьи отделения. Это в управлении фронта были отделы. А в армиях — отделения человек по пять-шесть. В дивизиях этого уже не было. А те пять-шесть — они подчиняются только начальнику контрразведки армии. Подбирали людей на засылки, посылали, потом те возвращались, их принимали. Наша агентура была и во вражеских разведшколах. Мы про многих знали, кто там учится. Бывало, получали даже фотографии, данные. Скажем, тогда-то в таком-то месте будет

высадка десяти человек. Они высаживаются — мы уже хватаем.

Хватали вы — как? У Управления контрразведки фронта — батальон. Он привлекался — или стрелковые части?

Нет, вот, например, в районе Тирасполя была высадка: пять человек. У нас была рота — мы используем роту. И — заградотряд. Никого больше не надо. Он был у нас в контрразведке, он помогал делать проческу, искать и так далее. Они уже руку набили — и в этом плане были для нас большими помощниками. А во фронте — батальон. Но обычно, когда мы брали такого солидного агента, фронт забирал его сразу к себе. Они его там допрашивали и так далее.

Были ли случаи явки завербованных врагами и диверсантов к вам с повинной?

А как же! С ходу вербовали — изменников Родины. Потому что изменник — понятно: он их уже не предаст. А такие, которые не изменники, — некоторые шли на вербовку и в школу почему? Ага, он будет заброшен через линию фронта, явится с повинной — и будет опять воевать с немцами! Единственный путь, чтобы оказаться у своих. И были многочисленные случаи явки с повинной.

Под Тирасполем звонит начальник дивизии. Пришел лейтенант, с документами, все. «Я, — говорит, — агент разведки. Вот заброшен, и со мной еще два человека было заброшено...» — «Кто такие?» — «Один, значит, там капитан, фамилии не знаю, но вот примерные приметы».

Мы образовали разыскную группу. Я — на машину его: там, где рынки, вокзал... все тут, в районе прифронтовом. «Заметишь — ухо почешу». Подъезжаем там к одному вокзалу — видим, что похож. И этот уши

зачесал. «Поближе подъедем». Подъехали — а он чего-то бежать начал. Мы — за ним. А тогда была такая у офицеров мода — сапоги из брезента. Они легкие у него! А у нас — сапоги такие, обычные. Бег-то — он уходит! Я: «Ребята, стрелять!» Не попадаем. Там какое-то дерево — я прижался спиной, глубоко вздохнул, прицелился — ага: упал. Упал, но стреляет. Я: «Ребята, считай, сколько выстрелов». Подбегаем — а он уже ранен в ногу, у него кровь... Берем — капитан, тот. Вот так, к примеру... ну, это кратко говоря... там гораздо сложнее всегда.

Когда вы освобождали нашу территорию — на контрразведку возлагалась задача поиска коллаборационистов, полицаяев?

В приказе контрразведке об этом ничего не говорится. Но — мы входим в село. Ага, там тюрьма. «Меня выдал такой-то!» — «Фамилия, кто?»

Или приходишь — жители: «Этот — предатель, он расстреливал!» — и так далее. Ну мы же здесь сейчас первые органы госбезопасности! Мы же не можем быть в стороне! Арестовываем его, ведем следствие... Но это нам ни к чему, это обуза. Надо его возить... мы же — все время в движении, на марше. Охранять, кормить надо и так далее. Это очень большая забота была. Но арестовывали всех, кого могли: много было таких. И предателей, и старост, и комендантов всяких, и тех, которые расстреливали... Это была задача для Особого отдела — одна из важных. Мы это делали.

Когда Управление особых отделов НКВД было реформировано в Главное управление контрразведки Смерш — туда приходили офицеры? Вообще, в Управление Особых отделов приходили офицеры из армии — или это были просто чекисты?

Работники говорят: мы же вели не только работу оперативную, но мы же и вели боевые действия. И в атаке, и в обороне. И были большие потери. Вот я помню, когда был уполномоченным батальона — передо мной уже два работника было убито. Потери — были. Тысячи убитых, раненых, пропавших. А возьми сейчас — откуда? Командир роты — берем. Скажем, проверенный. При управлении фронта были курсы месячные. Вот на месячных курсах ему — азы: что такое работа агентурная и так далее. Но этого, конечно, мало. Он приходит в полк, а опыта — никакого. И вот я, поскольку я в армии уже опытный, обстрелянный, с ним езжу по полкам, работаю, обучаю, говорю, как надо делать и как себя вести...

К 1945 году основная масса офицеров контрразведки — это бывшие армейцы?

Многие — да, пришли уже во время боевых действий.

Вели ли вы радиоигры?

Нет, армия — не вела. Только фронт и, самое главное, 3-е управление. Аппарат. Там 3-й отдел — мощный.

Был генерал — забыл его фамилию — очень солидный, много игр вели, дезинформацию давали, согласовывали с Генштабом, чтобы там, где надо, отвлечь внимание. А там, где будет наступление, — наоборот, создать тишину. Мол, оно — совсем в другом месте...

Известно, что в 1937-1938 годах был пик репрессий и досталось в том числе и самим чекистам. Вы можете оценить, насколько сильно эти события подорвали мощь органов госбезопасности?

Вообще — говорят: виноват ли Сталин в этом деле? Обычно вот так спрашивают. Ну, я считаю — конечно, в какой-то мере виноват. Почему? Стоишь во главе государства — значит, ты должен знать, что в нем делается. Если ты не знал, что идут массовые репрессии, — твоя вина! А если знал и мер не принимал, то — двойная вина! Поэтому, как ни крути, какая-то вина есть.

Но, говоря о репрессиях, о вине Сталина, надо быть объективным — и говорить и о том, что он сделал для страны. Страна была неграмотная, лапотная, забитая (у меня вот мать — ни читать, ни писать). Сплошная голытьба... И — стала лидером впервые в мире! *[Так у автора. — Прим. ред.]* Черчилль, враг советской власти, и то говорил: «Гениальная». Это — радость для народа, что был Сталин. Принял с сохой, оставил с атомной бомбой. А сейчас — только хаут.

Вопрос был немного о другом. Вы с высоты вашего опыта, всех ваших знаний — можете ли оценить, насколько силен был ущерб от этих репрессий?

Ущерб, конечно, был! Ну конечно! Потому что были выбиты кадры, которые прошли войну, имели уже опыт, боевые действия вели. Конечно, война назревала — другая, но тот опыт, который у них был, он, конечно, в какой-то мере мог быть востребован. А их арестовали, расстреляли, и пришли молодые люди, совершенно неопытные...

Вот тот же Кирпонос, который был командующим всем Киевским округом, — он был до этого командиром дивизии. Это — одно дело, а тут — командующий округом! Громадный округ! Откуда у него опыт?! Конечно, это все имело значение глубоко отрицательное...

Насколько силен был ущерб для органов госбезопасности?

Мне трудно сказать, потому что я сам тогда в них только пришел. Главный ущерб когда состоялся? После ареста Берии вот хватились, что в органах контрразведки много людей не таких...

После ареста Ежова, наверное?

Нет, Берии. В 1953 году. И что они «прихлебники Берии» и так далее. И пошла чистка.

Кто где-то допрашивал — и там, может быть, нарушал законность — пошли увольнения. И их командования тоже. Тогда стали брать в массовом порядке командиров всех звеньев на руководящую работу. Я помню, одного полковника взяли — сделали начальником Особого отдела флотилии. Он корабля не видел! Появляется, ему говорит работник: «Идешь на корму — флаг приветствуй». Это он сделал. Командир его водил-водил, говорит: «Ну, как наш корабль?» Он говорит: «Да, корабль хороший, но уж больно лестниц много». Все — «ха-ха-ха!» «Лестниц»... Да трапов же! Правда, его через месяц уволили.

И других было полно, которые работу не знают, а командуют людьми, которые прошли войну! Потом из органов брали из партийных. Даже в Главное управление... был такой Миронов, секретарь Кировоградского обкома... стал первым замом. Он армии не знает, органов — не знает! Вот такие... но это — «текучность», куда ж денешься, правда ведь?

Интервью: Н. Аничкин

Лит. обработка: А. Рыков

Толкачев Николай Фомич

Я родился 15 февраля 1914 г. в с. Пришвино Невельского района Калининской области. Родители мои были крестьянами, семья большая, 9 человек, 4 брата, участники ВОВ все, 3 сестры. Отец был середняком, у нас в хозяйстве имелось 3 коровы, 2 лошади, 5 барашков, куры и 2 поросенка. Также на нашу семью каждый год по числу едоков выделялся

земельный участок, у каждого крестьянина было по 0,5 га, земля выделена полосами для обработки, хотя наделы, кому какие, уже были распределены давно, межи стояли. Отец, участник Гражданской войны, служил в Красной армии, вступил в колхоз в 1930 г., стал фуражиром, ведал кормами, мать рядовая работница, все хозяйство сдали в колхоз. Хотя по деревне всякие разговоры ходили, я тогда еще не женат был, но отец будущей жены высказался, он уже на второй женат был, что: «Ничего у них из колхозов не получится!» И его репрессировали, на 5 лет выслали, а так никого в деревне не раскулачивали. Его тоже затем реабилитировали, он назад вернулся. В школу я пошел в 7 лет, она располагалась в 3 км, в соседнем селе Мошенино, там же сельсовет находился, закончил 4 класса. Через дорогу от нас жили старик со старухой, я им понравился, нас же 4 брата, они пришли, стали просить отца и мать, чтобы меня отдали в сдольники к ним, уговорили и забрали меня, отец дал лошадь как сдольщику. Я приехал к старикам, день пожил, на второй день посмотрел, они ушли на огород заниматься, а я лошадь забрал и приехал домой, там забрался на русскую печку, они приходят, просят, чтобы я вернулся, но я отказался. Сказал, что никуда возвращаться не буду, а я с товарищами пойду в город учиться. И действительно, нас трое собралось и пешком пошли за 20 км в г. Невель, где поступили нас двое, я и товарищ Горелов, в семилетнюю школу, которую и закончили, а другой наш товарищ, тоже Горелов, закончил педтехникум, он преподавал потом в нем же. В Невеле мы жили на частных квартирах, в одной еврейской семье, муж с женой, за квартиру ничего не платили, договорились так: каждый день в понедельник рано утром вставали, мешки за плечи с продуктами, и на неделю в Невель, учились и питались у евреев, их за постой кормили. Так закончили по 7 классов, я пошел в

колхоз бухгалтером, хотя никаких курсов не заканчивал, тогда самое главное, чтобы образование было, Горелов устроился секретарем сельсовета в Мошенино. В 1935 г. Горелова, 1913 г. рождения, призвали в армию, и меня тоже, досрочно, так как 1913 г. был по недобору, и пришло указание набрать более грамотных людей, поэтому меня раньше времени призвали. Вызвали на комиссию, проходил, как положено, призыв в армию, но сначала меня забраковали, сказали: «Мы не можем отправить вас в действующую армию для прохождения действительной службы!» Почему? Мне медики отвечают, что у меня врожденный порок сердца, имеют право призвать только по согласию, я сразу дал его, только после этого меня призвали.

Направили в полк связи, дислоцированный в г. Калинин на р. Волга, где я стал начальником радиостанции 6-ПК, в то время это очень модно было. Сразу по прибытии выдали хорошую форму, все ходили в ботинках с обмотками, а мне каптерщик, как будущему радисту, выдал кожаные сапоги, я в них ходил. Кстати, когда я из армии уходил, старшина хотел забрать сапоги, но я не отдал, к комиссару пошел, он мне сказал: «Правильно сделал!» Прошел обучение, в основном мы изучали азбуку Морзе на ключе и работу на микрофоне, но все-таки больше всего было практики, выходили из класса и работали самостоятельно. Личным оружием была винтовка, в укомплектованный груз также входили ранец, радиостанция, шинель-скатка, а вот гранат не было. После обучения сдал теорию и практику рации, знание устава. Нас как радистов в наряды не отправляли, на весь полк связи было всего 2 станции, и нас 2 начальника, уже дивизионная рация на специальной телеге снабжалась технически, мы же свои рации на себе носили за плечами. Радиостанция была тяжелая, я носил саму

рацию, а помощник — питание к ней, но сама машина была надежная, как-то мы спустились к Волге, я с обрыва упал, это зимой было, и никаких повреждений у рации не случилось, и с питанием проблем не было, быстро меняли. Там, где мы размещались, зимние квартиры еще не были готовы, и мы зимой находились у реки в палатках, утепленных, двойных, и умываться к речке каждое утро после подъема ходили. Также после обеда или вечером я как руководитель кружка по изучению русского языка проводил занятия, потому что в то время в армии даже артиллеристы и пулеметчики имели образование по 2-3 класса, мои 7 считались высоким образованием. Затем довелось участвовать в окружных маневрах в Белоруссии под Минском, наш полк непосредственно подчинялся штабу Белорусского округа, давали связь непосредственно командующему учениями генералу Уборевичу. Это был очень вежливый, порядочный человек и относился к солдатам и командирам с уважением. Очень чутко отнесся к нам, рядовым радистам: мы четко дали связь, и микрофонную, и на ключе, поэтому по окончании учений нас специально отправили по личному распоряжению командования пассажирским поездом, а все остальные, артиллеристы и другие, ехали товарняком. Так мы приехали раньше всех на 10 дней и все это время болтались в городе Калинин. Когда срок пришел демобилизации, всех отпустили, а меня нет, я прихожу к комиссару полка и спрашиваю: «Почему вы меня оставили?» Оказывается, меня оформили в Ленинградскую офицерскую школу, я поинтересовался: «Какой род войск?» Он мне отвечает: «Пехота». Отказался я в пехоту идти. Тогда меня должны были демобилизовать туда же, откуда был призван. Комиссар должен был такой приказ отдать, но я снова отказался, не хотел домой ехать, комиссар тоже уперся: «Не имеем права! Куда?» Тогда я ему рассказал, что из Сочи

приехал в нашу часть новый набор радистов, они мне написали ряд писем, адреса родных дали, чтобы я мог пожить у них, и помогли бы устроиться на работу. Вот я и хотел туда, но комиссар снова за свое: «Город Сочи режимный, мы не имеем права направлять туда». Я тоже уперся, сказал, что не знаю, что такое режим, поеду в Сочи, и точка; он мне в конце концов дал направление туда. Настойчивость у меня была.

Выдали мне проездное требование и 24 рубля как командировочные на проезд, пришел на вокзал, сел в поезд и сразу залез на верхнюю полку, и, кстати, со мной в купе, тоже на второй верхней полке, оказался кавалерист с Дальнего Востока. Мы с ним познакомились, он предложил мне сойти в Симферополе, я спрашиваю: «А что там делать?» Он говорит: «Пойдем устраиваться на работу в НКВД». Я даже представления не имел, что такое НКВД, но за компанию решил пойти с ним, в Симферополе сошли, нам сделали отметку об этом в проездном требовании. Пришли в здание НКВД (ныне здание ГУ МВД в Крыму), и вот дежурный в бюро пропусков позвонил куда-то, доложил, что 2 воина пришли устраиваться на работу. Ему ответили: «Пусть напишут заявления и автобиографию». Мы написали, пошли в Симферополь, в гостиницу «Европа» (ныне здание Министерства образования и науки Крыма), рядом было отделение связи, на всякий случай и туда обратились, в связи спросили, кто мы по специальности, рассказали, сразу предложили мне туда устроиться, радисты нужны тогда были. Но я ответил: «Нет, мы идем в НКВД!» У товарища кавалериста было всего 4 класса образования, у меня же 7, за него автобиографию я написал и за себя. На следующий день пришли снова в НКВД, дежурный бюро пропусков позвонил и говорит, что приказ пропустить одного, меня первым, в парадную прохожу, зашел на второй этаж, там был отдел кадров, по-военному

представляюсь, берет меня женщина, капитан, и уводит в отдельную комнату, немного со мной поговорила, в первую очередь спросила: «Вы комсомолец?» Отвечаю утвердительно, дает мне анкету, я заполнил, все, мне говорят, что принимают на работу, и я сразу интересуюсь, где буду жить, у меня же никого и ничего нет, тогда она звонит коменданту, он приходит и определяет меня в общежитие НКВД (ныне жилой дом около стадиона на ул. Дзержинского). Раньше это был частный дом, там жил водяной доктор, врач этот был выселен, и мы занимали этот дом. Меня 15 ноября зачислили дежурным бюро пропусков, но я поработал там всего месяца полтора-два. Моя работа заключалась в следующем: следователи вызывали на допрос, давали повестку, человек приходил с повесткой ко мне в бюро, на ее основании звонишь следователю, рассказываешь, так и так, к вам пришли, он либо дает команду пропустить, либо говорит, что сейчас занят, потом позвонит, а пока ждать, только после такой процедуры пропускал. Из-за высокого образования в начале 1938 г. меня переводят в здание министерства на второй этаж дежурным по правительственной связи ВЧ, такими аппаратами пользовались только нарком, первый секретарь обкома партии и прокурор, у каждого из них стоял аппарат в служебных кабинетах и на квартире. Больше ни у кого, и никто не имел права таким телефоном пользоваться. Я включал связь, она шла с Москвой через Харьков, мне звонят: «Нужна связь с Москвой» — я через Харьков соединяю их, меня строго-настрого предупредили ни в коем случае не подслушивать. Сам кабинет, когда нарком уходит, печатавали, чтобы никто не мог зайти и использовать этот телефон. Связью очень часто пользовались, особенно нарком и прокурор, только они, заместители не пользовались. У меня была специальная карточка, которая не подлежала оглашению, я не имел права ее

нигде показывать, только для служебного пользования в органах. Вообще сотрудниками НКВД тогда были в основном русские, крымских татар не было. Я был дежурным в дневное время, а ночью дежурили оперативные работники, следователи, юристы. А я вечером был свободный, потом следователи меня заметили, они ведь тоже имели по 7-10 классов образования, предложили стать следователем, один говорит: «Николай Фомич, приходи вечером ко мне, посмотри, как мы работаем, тебе понадобится». Тогда в основном вызывали тех, кто готовил террор против Сталина, распространено тогда это было. Берия очень любил дела о покушении на Сталина, пошла уйма таких дел, тогда же была дана установка каждому работнику, что он должен в таком-то месяце арестовать и разоблачить столько-то народа, «террористов», причем обязательно так, чтобы вскрыть сеть, т. е. этот «террорист» завербовал еще кого-то. Я согласился, вечером прихожу к нему, смотрю, следователь допрашивает арестованного. Лето, окна открыты, крик, стук, арестованный стоит лицом к стенке, руки скручены. Я посмотрел-посмотрел и сказал следователю: «Знаешь что, мне такая работа не подходит!» Он давай меня уговаривать, что офицерское звание сразу присвоят, зарплата увеличится, но я отказался: «Мне не надо ни зарплаты, ни звания, мне эта работа не по нутру! Не буду!» И ушел, ведь следователь, когда с арестованным запирался, начинал его бить, применять физическую силу, зачем? Я не могу такого делать. Таким образом я себя и спас в 1938 г., тем, что не пошел на такую работу, ведь в 1938 г. при мне был арестован командующий дивизией Черноморского флота Тальковский, а также его комиссар, в Симферополе Тальковский сидел в тюрьме, в следственном изоляторе, и там же во дворе был расстрелян.

Следователи препятствий мне чинить не начали, я ведь был связист хороший, но потом меня перевели в район бухгалтером и секретарем Куйбышевского райотдела НКВД. Я выдавал зарплату всем сотрудникам НКВД и занимался секретной частью, выдавал дела. И одновременно вел делопроизводство по допуску к секретной документации на всех организациях, которые имели допуск. Проверял тех, кто вел секретную часть в учреждениях и на предприятиях: в облизполкоме, ДОСААФ, областной прокуратуре, адвокатуре, учреждениях, подчиненных Совету министров, даже в райкоме партии, хотя там особых прав не имел. Как-то пришел к начальнику военного отдела райкома партии, который вел личные дела сотрудников, говорю ему (он татарин был, в райкоме вообще все сотрудники исключительно татары были, но мы все его Николаем звали): «Слушай, мне третий секретарь райкома партии подозрителен. Не дашь мне его личное дело?» Я выписал все его данные, и в частности, где родные живут, отец и так далее, туда написал запрос, который подписал начальник райотдела НКВД. И получаю ответ, что его отец в 1937 г. был осужден за попытку перехода государственной границы, дали 10 лет. Я докладываю начальнику, тот — что делать?! Доложили в обком партии, туда третьего секретаря вызвали, он же скрыл факт, его за это уволили из райкома и исключили из партии. Я раскрыл такое дело, после чего наш наркомат дал задание по всем районам проверить всех, допущенных к секретной части, без исключения. Я тогда пошел к начальнику фельдсвязи, она в то время нам подчинялась, говорю: «Давай, какие материалы проходили в райисполком». Закрытая информация, он не имел права открывать такие письма, но номера же на конвертах есть, я переписал их и прихожу в райисполком, там своя спецчасть, у начальника

спрашиваю: «Давай мне документ за таким-то номером, потом следующий». Он дает, дает, вдруг говорит, что такого нет. Где, кто взял? — Председатель райисполкома. Подождали его, приходит председатель, татарин, попросили его выдать этот документ, его нет, получается, секретный документ пропал, я даже запросил подлинник из Симферополя, чтобы представление иметь, что же за документ. В облисполкоме председателя на заседании стращали сильно, потом председателю ДОСААФ, секретарю райкома комсомола выговор, т. к. документ по их части проходил. Так я научил работников с секретными документами обращаться. Потом наш райотдел ликвидировали, передали в Бахчисарайский, где меня сразу в начале 1941 г. оформили в Ленинградскую высшую школу НКВД.

Не успел я туда поехать, в это время уже шла речь о войне, все сомневались, конечно, но ждали, что какая-то война будет, с кем — не знаю, но войны ждали. И вот 22 июня 1941 г. я находился в Бахчисарае, который относился к Севастопольской зоне по тревогам, у меня жена была как раз в бахчисарайском роддоме, в 2.00 ночи получили сирену, тревога, война в Севастополе, город бомбят немцы. Сразу я пошел к аппарату, всех нас мобилизовали, выдали винтовки, организовали патрулирование города, военные тоже проводили мероприятия, ведь сначала в городе была паника из-за бомбежек. Война началась. Что уж скрывать, тогда разные разговоры ходили, судить трудно, старались, чтобы охранять, везде с винтовками ходили, чтобы в любое время защитить Отечество. Но знаете, среди нас разговоров о том, что быстро разобьем врага, не было, тогда же мир с Германией был, Сталин настаивал, что пакт о ненападении заключен, но мы же в органах знали, что немец может напасть, а Сталин не верил, как же так, договор ведь есть. Но мы догадывались, что

немец враг серьезный. После начала войны меня сразу сделали оперативным работником и тут же присвоили офицерское звание, как будто закончил высшее заведение, и зарплата повысилась, как оперу стали платить. Быстро были организованы истребительные батальоны, и ввели везде охрану нас. пунктов и важных объектов. После начала войны у нас довольно быстро, в последних числах июня, была организована эвакуация семей и родственников работников НКВД. Я лично всех вывез, погрузил в Керчи на баржу, их отправили в Куйбышев.

Затем меня направили оперуполномоченным в Кировский район, где я проводил мероприятия по сохранению порядка, как раз тогда по распоряжению ЦК партии и соответствующим указаниям обкома райисполкомом была создана комиссия, отвечавшая за создание партизанских отрядов и подпольных организаций, складов для них, я в этом не участвовал, этим занимались партийные кадры. Когда в начале октября 1941 г. немец приближался к Крыму, была дана команда эвакуировать все партийные и советские органы власти, важные районные объекты уничтожить. Работники КГБ должны были прибыть в партизанский отряд, в старокрымский лес. Но я задержался, т. к. получил задание уничтожить объекты райкома, райисполкома, пункты связи. И начальник мой майор Муратов Николай, татарин, с еще одним оперуполномоченным, Изетом, уехали на своей машине в лес, а я остался. Звоню в Симферополь: «Как быть?» Мне говорят: «Уезжай вместе с партийными органами». Объекты все уничтожены, когда уничтожал пункт районной связи, я же бензином все обливал, бросил спичку, надо было в последнюю комнату бросать и уходить, а я додумался бросить во вторую, пока до последней комнаты перед выходом добрался, еле выскочил, чуть не сгорел. Работники райкома, а также

райисполкома, уезжали на своих машинах, и я с ними. Пришел в райком, сели в машины, я вместе с начальниками военкомата, райкома и райисполкома, поехали на Керчь, проезжали через Феодосию, нефтебаза горит, уже наши ее тоже подожгли. Немцы тогда не бомбили нас, Севастополь только, наш район не бомбили. Многие отступали, бежали, но мы тогда видели только гражданских, 51-я и 44-я позже отступали на Керчь, из них часть войск не прорвались и ушли в партизаны. Мы собрались переправляться из Керчи на Чушку в Краснодар. Приехали, в первую ночь катер не подошел к берегу — шторм, только на второй смог приблизиться к берегу, мы прыгали в воду и садились в катер, так отправлялись. Прибыли, и потом меня сразу назначили в ст. Стебливскую Темрюкского района руководителем оперативной группы из 3 человек: я, капитан милиции и оперуполномоченный Ялтинского отдела КГБ, он раньше работал виноделом, потом закончил школу НКВД. В станице был винзавод, он ходил туда, приносил выпить, капитан в колхозе договорился с председателем по поводу питания. Я спросил председателя: «Сколько стоит?» Но он мне ответил: «Ничего не надо, не займут немцы станицу, тогда будем разговаривать. А так кушайте то, что нужно». Дал команду кладовщику отпускать нам все, за чем придем. Когда немцы полностью оккупировали Керченский полуостров, мы ждали, что высадится десант, и мы специально работали, чтобы не прозевать высадку. Также следили за обстановкой, чтобы по активности немецкой разведки как можно раньше определить, не готовится ли десант. И потом, там же размещался армейский истребительный полк, приходит ко мне его командир, полковник, говорит: «Николай Фомич, мы получили задание сняться и перелететь в Куйбышев, потому что нам здесь не разрешают, немцы нас могут захватить». Я сразу дал разрешение. У меня

была одна хорошая женщина, жена заведующего отделом пропаганды и агитации райкома партии, я попросил полковника ее с собой взять, он ее в свой самолет посадил. А нам была дана в начале ноября команда отправляться. Ну что, мы взяли в колхозе телегу, двух лошадей. Поехали отступать, направились в сторону Сочи, на Кавказ нужно. Военские части отступают, у нас телега поломалась, мы эту телегу отдаем кузнецу, я расписку беру, садимся на военную машину и едем в Сочи. Прибыли, там собирались крымские работники, также и одесские, нас поместили в клубе на сцене, потом в один прекрасный день пришли 2 представителя мобилизовывать добровольцев, т. к. появилась информация, что на Красную Поляну за Сочи высадился фашистский десант. Пригласили сначала в клуб работников КГБ и задавали вопрос, мол, кто желает добровольно поехать для ликвидации десанта, все молчат. Я встаю и говорю: «Я согласен!» Мне отвечают, что я уже записан! Потом эти 2 представителя, без звания, но, видимо, высокие чины, распорядились: «Встать! Кругом шагом марш!» И пригласили работников милиции, тоже с ними так говорили. Собрали нас, человек 28, и председатель Совета министров с нами, отправили нас в Грузию, в Министерство госбезопасности. Там посадили на самолет «Дуглас», на верху которого установили пулемет, мы прилетели опять в Сочи, нас поместили в парке, 2 ночи мы переночевали, и отбой. Оказывается, там подошла наша Олимпийская дивизия НКВД и разгромила этот десант, поэтому нам и отменили.

После довелось участвовать в десантной операции на Керченском полуострове, которая была проведена в ночь с 31 декабря 1941 г. на 1 января 1942 г. через Керченский пролив на катерах, баржах и других плавсредствах с Таманского полуострова. Мы, как работники НКВД, высаживались все той же опергруппой

в составе 3 человек на барже второго эшелона, в районе южнее Керчи. Ночью во время переправы баржа замерзла во льдах, утром, что делать, могут самолеты налететь, выгрузились и пошли пешком, один у нас провалился под лед, но все-таки мы спасли его. Вышли на берег и присоединились к войскам, там и военные с нами были, в районе нашей высадки причал находился, организовались, и войска пошли в наступление, мы — с ними. Наступление начало быстро развиваться, и мы продвигались до Феодосии, с боями шли, когда подходили к городу, довелось и мне участвовать в бою во время соединения с феодосийским десантом. Бой был сильный, с участием танков, артиллерии и морских пехотинцев, хорошо очень, что нас авиация прикрывала. Далее мы следовали во втором эшелоне, перед нами поставили задачу: прежде всего как только достигнем Кировского района и райцентра Ислам-Терек, где мы до войны дислоцировались, я должен был организовать райотдел КГБ. Войска стороной остались, мы пошли дальше за Ислам-Терек и дошли до Чатыр-Даг, высокой горы перед Феодосией. Там наши войска застопорились и задержались, дальше продвижения не было, хотя бои постоянно шли, выбрасывали подкрепления, и так до начала мая ничего наши войска не могли сделать. А 8 мая немцы прорвали нашу оборону, в это время уже были на территории нашего десанта 3 армии: 47-я и 51-я занимали оборону по Азовскому морю, а 44-я национальная занимала по побережью Черного моря. И вот 8 мая немцы бросили авиацию на 47-ю и 51-ю армии, бомбили, но не смогли прорвать оборону. Тогда фашисты переключились на 44-ю армию, которую сзади прикрывали 2 полка погранвойск НКВД, где и я находился. В период немецкого прорыва перед нами поставили задачу остановить отступление, т. к. после бомбежки 44-я армия поднялась и стала отступать, вся тяжесть боев

легла на 2 полка НКВД, причем им пришлось воевать не только с немцами, но и со своими солдатами из 44-й армии. Все бежали, и пришлось вести борьбу против них, чтобы остановить, даже применять оружие необходимо было, я лично такое видел, хотя сам не принимал участия в том бою. После боя пограничники выходили оборванные, ноги грязные, вышли от 2 полков единицы, ведь многие от своих же погибли. И таким образом, немцы прорвали оборону, стали угрожать флангам 47-й и 51-й армий, которые могли быть окружены. Поэтому и эти войска снялись и бросились в порт. В Керчи создалась невозможно огромная пробка, я там был, видел собственными глазами. В городе паника, немецкая авиация страшно бомбила и порт, и все вокруг, очень много жертв было. Командовал Крымским фронтом Козлов, а его замом был Кулик, еще от Ставки был Мехлис, начальник политуправления. Что делать? Мехлис был не в курсе дела о ведении боевых действий, получился разнобой в командовании, все бегут, тогда 47-я и 51-я собрали-таки часть войск в порту и бросились в атаку против немцев. И первая атака была отбита, после чего сразу начали переправу организовывать. Стали подходить баржи и катера, гражданские и военные бросаются, перегрузка, катера тонут, люди идут ко дну, паника еще больше. Кто на бочках, кто на бревнах, кто на досках, кто на камерах давай переправляться через пролив, а его ширина 7 км. Разве можно на камере или на крыше переправиться? Все идет ко дну. Такая создалась обстановка, но кое-как снова отбили немца от порта и больше ничего уже не смогли. Таким образом, десантная операция провалилась, потеряли столько техники, самолетов, танков, все там осталось, а сколько забрали в плен! И партиями гнали через Симферополь в совхоз «Красный», где был организован фашистский концлагерь, туда всех наших солдат, уже как

военнопленных, гнали, на обслуживание в картофельный городок. Считаю, что катастрофа случилась благодаря наличию в командовании такого человека, как Мехлис. Сталин после этого, вместо того чтобы судить, разжаловал его на 2 ромба, Мехлис раньше 4 ромба носил. Как мне удалось эвакуироваться? Остался один, из работников никого нет, что делать? Вижу, в порту ничего не светит, чтобы переправиться на Чушку в Темрюкский район. Тогда я бросил все, пошел по берегу и смотрю, подходит катер к берегу, где-то в полукилометре от порта. Оказывается, подошел катер специально подобрать летчиков, их собрали под скалой, где был небольшой, удобный подход для катера. И договоренность была у летчиков туда подойти, ведь это очень ценные специалисты. Я туда подбежал, на катер летчики заходят, на приступке катера стоит старшина и пропускает только своих летчиков. Я туда, старшина кричит: «Товарищ комиссар (это был ст. лейтенант), чужак залез!» Но я прошел все-таки, у меня шинель без погон и знаков различия. Подошел к комиссару: «Товарищ старший лейтенант, я работник особого отдела, следую с пакетом в Краснодар, в органы государственной безопасности». Комиссар кричит старшине: «Это наш!» И не спрашивает у меня никаких документов. Таким образом, я переправился с летчиками на косу Чушка в Краснодаре.

После неудачного десанта я снова попал в Сочи, где меня направили как особо уполномоченного на черноморское побережье ловить тех самых дезертиров, я проверял по квартирам. Разыскивали тех, кто из армии убежал, со мной постоянно был список, несколько человек, всего с десятков в списке числился. За все время я поймал человека 4 или 5, я ходил только с пистолетом «ТТ», чтобы подозрений не вызвать, с автоматом на меня все обращали бы внимание. Я

приходил по адресу родителей, проверял, не появлялись ли они там, я сам приходил, говорил, что вместе служили, пришел повидать его, они бочку достают с вином, в земле закопанную, ведь воевал вместе с их сыном, угощают. И я все у них узнаю, где, что, появлялся ли «сослуживец». Когда вылавливали, их немедленно отправляли в полевой военкомат, а оттуда в штрафные роты. Тогда не расстреливали, люди нужны на фронте были, они в штрафных ротах и так на верную смерть шли. Затем, летом 1942 г., погода стояла еще теплая, меня пригласили в штаб Северо-Кавказского (далее С.-К.) фронта, там было так: два фронта: С.-К. и Закавказский, который находился в резерве. Меня пригласил командующий С.-К. фронтом, также присутствовали представитель ЦК и начальник 4-го Главного управления НКВД СССР генерал-майор Иванов. Они приказали мне создать специальную охрану по закрытию границы фронтов от перебежчиков из С.-К. фронта в Закавказский, т. к. много было желающих, и военных, и гражданских. Нам была придана часть военных солдат, 30 солдат со ст. лейтенантом, который числился моим заместителем, транспорт, всех задержанных грузили на машины, сопровождали солдаты на призывной пункт, где их оформляли и отправляли в военкомат, оттуда в штрафные роты. Вторым замом со мной был все тот же капитан милиции, у меня к тому времени было звание ст. лейтенант госбезопасности. Я был обеспечен удостоверением, подписанным командующим фронтом, членом военного совета и начальником 4-го ГУ НКВД, где говорилось, что, невзирая на звание и должность, задержанный без пропуска передается в мое подчинение, даже такие слова были: «ваше слово — закон». Если кто-то пытается перейти границу, полковник он или генерал, я обязан задерживать его, и никаких. И вот посты стояли, ими руководили мои заместители, мы дислоцировались

по дороге Сочи — Сухуми, ближе к Сухуми. Когда тяжело сложилось на фронте, в конце лета и начале осени, прибавилось дезертиров, причем местные знали по горам тропы везде, и часть все-таки проходила мимо наших постов, не могли же мы все горы закрыть. Словили тогда человек 25, отправили в полевой военкомат всех. Изымали оружие, на транспорте обратно возвращали, они и не сопротивлялись, все сдавали. Что интересно, хотя дезертиров и прибавилось, паники тогда в городах не было, были созданы специальные истребительные батальоны, они быстро подавляли волнения.

В ноябре месяц, 7-го числа праздник же, вот и через наш пост в Сухуми ехал на «эмке» заместитель командира дивизии по снабжению, полковник-грузин, с ним шофер. Меня не было, я жил в комнатке в доме на окраине Сухуми, отдыхал, это было ночное время, вдруг приходит часовой: «Товарищ старший лейтенант, там вас просят на КПП». Прихожу, смотрю, стоит полковник, поинтересовался, в чем дело. Он так и так, товарищ начальник, праздник, хочу поехать к себе в Сухуми, взять закуски, выпить. Я спрашиваю: «Ваш пропуск?» А пропуск выдавал только командующий С.-К. фронтом, только по его распоряжению можно было проезжать. Естественно, пропуска не оказалось. Он заюлил, я не могу ничего сделать, он просит, потом я говорю: «Знаешь что, благодари, что у меня душа добрая, я пойду вам навстречу, хотя и нарушаю военный закон. Только возьми моего заместителя, капитана милиции, довезешь до Сухуми». Он сразу согласился, сел и поехал, через 10 км приказал остановить машину и говорит капитану: «Кацо, выходи из машины». Капитан возмутился: «Товарищ полковник, вы же договорились с моим начальником!» Тот в ответ: «Кацо, твой начальник там, а здесь я начальник. Выходи из машины». Что делать, капитан вышел. Тогда часто

ходили машины снабжения Сухуми — Сочи, все с пропусками, на одной такой добрался до меня капитан и докладывает о ситуации. Ах так, я тут же останавливаю первую машину, сажаю в нее двоих автоматчиков, у нас же зафиксирован номер «эмки», приказал, где бы ни было, в Сухуми или нет, на квартире, немедленно разыскать и доставить. Они догнали полковника еще в пути, возвращают его, я спрашиваю: «Что, где начальник?!» Тык-мык, я показал ему свое удостоверение, он на колени рухнул, я говорю: «Ты теперь знаешь, кто такой чекист! Шутить так не будешь! Сейчас я твою машину ставлю на прикол, тебя и шофера на грузовую погружаем, напишу отношение: «отправить в штрафную роту», потому что полевой военкомат подчиняется мне в таких вопросах, там вся твоя гордость закончится». Он опять, туда-сюда, махнул я рукой, пусть едет. Потом меня снова вызывают на КПП, прихожу, полковник стоит, назад в Сочи возвращается, вытаскивает бочонок вина, жареного поросенка, я говорю ст. лейтенанту: «Сменятся твои люди, покормишь, напоишь и пусть отдыхают!» А мне не надо ни бочонка, ни поросенка, есть еда и питье. В конце говорю полковнику: «Запомни навсегда, что с чекистом надо разговаривать как положено и не думать, что чекист глупее тебя!» Понял все он.

В первых числах февраля 1943 г. я принял участие в высадке десанта на Малой Земле под Новороссийском. В первом эшелоне высадились морская пехота под командованием майора, он погиб при высадке десанта. Высаживались на баржах и катерах около скалы, под причал ничего не было оборудовано, так в воду прыгали и выходили прямо в бой. Отбили контратаку немцев, на этом месте позже был организован причал для катеров и, главное, баржи. На одной из них и я высадился на второй день десантной операции, сразу пошли в наступление, а потом в подкрепление была выброшена

бригада, комиссаром которой был Брежнев, я встретился с ним на совещании. Недалеко от берега было село, от которого осталась одна хатенка, располагавшаяся на самой окраине. И там Брежнев размещался, он собрал политработников на совещание, также был приглашен командный состав, командиры частей, а я — как руководитель группы чекистов. Брежнев давал установку, как помогать и сохранять бойцов, как правильно ставить задачу о нападении, проведении боев, чтобы меньше было жертв. Главное — относиться к воинам очень добросовестно, внимательно, особенно со стороны командного состава, потому что некоторые любили так командовать: пошел, и все. А надо, чтобы правильно ставилась задача ведения боя. Сам Брежнев был небольшого роста, очень умный, спокойный, четко и членораздельно ставил задачи и очень просил командный состав: «Берегите людей! Это зависит от вас, комсостава, как вы организуете бой». Так что очень внимательный и чуткий командир, я о нем отзываюсь только с хорошей стороны. В целом на Малой Земле передо мной ставилась задача помочь в эвакуации населения с ранее оккупированной территории, чтобы собирать и помогать, выводить к причалу и отправлять на Большую землю, т. е. в Краснодар. Такова была первая задача, чтобы не было лишних жертв. Так и делали, после назначили коменданта в г. Новороссийск, майора, с которым мы держали связь. Также организовывали своевременный подход и выгрузку барж, с боеприпасами и живой силой. В июне 1943 г., когда я там находился, уже после высадки основного десанта оказалось, что на островах, Таманских плавнях, находились три партизанских отряда г. Новороссийска. И когда мы создали плацдарм, они вышли из плавней, там особо уполномоченным в отрядах был ст. лейтенант Новороссийского отдела КГБ, он прибыл ко мне в

группу. Потом в Геленджике была создана оперативная группа ЧК г. Новороссийска во главе с заместителем начальника Новороссийского горотдела НКВД, и я получил телеграмму от начальника этой группы, чтобы прибыл к ним в Геленджик. Что делать мне, я ведь как раз принял 3 партизанских отряда. Пришлось ехать, когда уезжал, ст. лейтенант оставил за себя и сказал: «Я сегодня ночью отправляюсь в Геленджик, а ты завтра соберешь все три отряда и тоже придешь к вечеру к причалу и погрузишь на баржу и следом за мной приедешь». Пришел в порт вечером, встречаю того майора, коменданта Новороссийска, хотя город еще был занят немцами, а он уже числился как комендант, мы друг друга знали. Поздоровались, я объяснил, что получил приказ прибыть в Геленджик, он мне заявляет: «Ты сегодня не поедешь». Как это так? Раз вызывают, я поеду, он: «А я говорю, что не поедешь». Тогда и я уперся: «А кто ты такой, что решаешь, поеду я или нет. Я тебе не подчиняюсь». Он начал угрожать, что я партбилета лишусь, но кто он такой, что, он мне партбилет выдавал?! Сел и уехал, приезжаю, докладываю начальнику, он тогда стал называться «ст. лейтенант госбезопасности», две шпалы носил, начальник вызывает секретаря: «Приготовьте Николаю Фомичу стакан водки и закусить. А ты Коля, иди прими душ». Пошел я, после отдохнул. Утром поднимаюсь — ЧП, передают по радио: с Малой Земли в Геленджик шла баржа, там в бухте было противолодочное заграждение, но немецкая подлодка все-таки зашла и ночью торпедировала баржу. Всех, кто был на палубе и мог плавать, тех катера подобрала, а кто был в трюме, все погибли, в том числе все партизаны и тот ст. лейтенант, которого я за себя оставил.

В связи с тем, что на С.-К. фронте положение улучшилось, меня в октябре отозвали в Краснодар, как

оказалось, для заброски в крымский партизанский лес, тогда я не знал, куда меня собираются направить. Там было руководство КГБ, в том числе министр госбезопасности Фокин. Вызвали нас троих на беседу к министру. Все началось часов в 10.00 вечера и закончилось только в 2.00 ночи, Фокин рассказывал обстановку в Крыму, что готовится десант к высадке на Крым, поэтому крайне важно иметь разведанные о положении немецких войск на Керченском полуострове и в общем в Крыму. Для этого необходимо организовать разведывательную и контрразведывательную деятельность в партизанских отрядах. Тогда у крымских партизан как раз было создано три соединения: Южное, Восточное и Северное, в каждом по 2-3 бригады. Меня министр назначил в Восточное соединение, остальные были направлены в Северное и Южное, ведь я раньше вел оперативную работу до оккупации в Кировском районе, поэтому мне будет легче там работать. Он, министр госбезопасности, развез нас на своей машине после совещания. И сразу готовимся к выброске, подготовки не было, уже сами все знали. Только выдали перед забросом автоматы «ППШ» с двумя дисками (один в автомате, другой запасной, дополнительных патронов с собой не брали), были 4 гранаты, «лимонки», противогаз, лопатка саперная. Но одежды новой не дали, в чем были, в том и отправили. 20 октября 1941 г. мы приехали на аэродром, где ожидал нас транспортный самолет «Р-5», дали ящик американских консервов и мешок соли, на троих разбили еще один ящик консервов, раздали нам эти банки, мы разложили их по вещмешкам. Погрузились и улетели, когда через Керченский пролив пролетали, как нас зенитки накрыли, летчик нам сказал: «Все, пропали мы, будем кормить рыбу в море». Но летчик был опытный, не один раз пролетал там, все-таки проскочил эту массовую волну обстрела, и в 2.00

ночи мы благополучно сели на Зуйском лесном аэродроме, там заранее развели костры партизаны, чтобы мы приземлиться могли. В ту же ночь нас повели в штаб, с нами были проводники из партизан, с немцами не столкнулись, мы шли налегке, т. к. партизаны все забрали у нас и сами несли консервы. К рассвету привели в Центральный штаб, размещавшийся в Южном соединении, в заповеднике. Принял нас Мокроусов, возглавлявший партизанское движение в Крыму, беседовал с нами, рассказал о положении, как что готовится в преддверии освобождения Крыма. И в то же время очень внимательно слушал нас, о том, как командование фронта готовится к высадке на Керченский полуостров, в первую очередь о том, какая будет оказана партизанам помощь. Тут в это время присутствовали командиры бригад из всех соединений, они нас сразу забрали, командиром 3-й бригады Восточного соединения был капитан Кузнецов Владимир Степанович, он меня с собой забрал. Мы пришли в старокрымский лес, где располагался штаб Восточного соединения, шли ночью, темно, впереди — проводник, за ним шли партизаны, друг друга держали за вещмешки, привязывались, чтобы не потеряться. Но все же мы в это время потеряли майора Смерша Отдельной Приморской армии, он где-то отстал, так его и не нашли, его уже позже освободили из немецкой тюрьмы. Но вообще немцы ночью боялись в лес ходить, днем идут в бой, а как только ночь наступает, уходили или в крайнем случае на опушке располагались, ждали утра.

Все работники штаба жили в простых шалашах, да и тех было мало, ведь все базы и землянки разгромили еще в первое время. Тогда тяжело было, партизаны с голоду умирали зимой 1941/42 гг. Меня Кузнецов назначил заместителем командира и особо уполномоченным в 8-й партизанский отряд, недавно

получивший пополнение преимущественно из молодежи, которые были старокрымскими подпольщиками, а потом пришли в лес. Впоследствии отряд был переименован в 5-й молодежно-комсомольский, командир Вахтин, с ним служили еще три брата Стояновы. Сам Кузнецов возглавил быстро все соединение, вместо него командиром бригады стал Куликовский Александр Александрович, мы его «дядя Саша» звали. Затем, когда была сформирована бригада, я стал замом по разведке у Куликовского и одновременно уполномоченным КГБ Крыма в восточной части. Сразу по прибытии передо мной ставилась задача прежде всего занять агентурный аппарат как внутри партизанской бригады, так и в фашистских разведывательных и контрразведывательных органах. Надо было очень быстро создать сеть, часть вербовал, часть привлекал, имел кое-кого в бригаде, в целом довольно быстро была создана хорошая агентурная сеть. Дальше началась моя партизанская работа.

Была такая деревня Бакаташ в лесу Старокрымского района. Там жили местные жители, татары, и фашистские каратели из Старого Крыма выселили все население из села и организовали наподобие санаторной зоны для фашистских асов, летчиков и танкистов, которые прибывали с кавказского направления. Подступы к населенному пункту были заминированы, на дорогах везде дзоты и доты. Мой разведчик Леня Конюхов, он же местный, знал хорошо лес, разузнал, где можно обойти минное поле и заставы. Решили провести операцию, я план составил на основе данных разведчика. Пошли ночью, Юры Стоянова, правда, с нами не было, он где-то в другом месте был. Как раз приехали в село около 200 немцев, разместились на отдых, вот их мы и решили уничтожить, Леня очень тщательно разведал все, Вахтин, я, весь 5-й партизанский отряд, всего 70

человек, пошли на операцию. Тихо зашли и сразу сняли охрану в дзотах, углубились в село и внезапно начали по окнам бить, бросать гранаты. Застигнутые врасплох фашисты выпрыгивали в кальсонах, белых нательных рубашках и давай бежать в горячке, не поняли куда, мы здесь все заняли, они бросились на собственное минное поле. Ни один не вышел, все погибли.

20 января 1944 г. мы, 5-й партизанский отряд, дислоцировались на горе Бурус, высотой 950 м над уровнем моря, между Судаком и Старым Крымом. Я послал в разведку трех человек, на окраину леса, понаблюдать, обычно из Судака или прилегающих поселков выходили каратели на прочес леса, искать партизан. Разведчики вышли и близко заметили стадо барашков, решили забрать эту отару. Оказывается, овец охраняли 3 румына, как увидели партизан, бросили все и убежали, наши же забрали овец и пригнали в отряд. Командир отряда Вахтин дал команду поделить на каждые двух человек по барашку. И дал команду разделать и наесться, хоть это днем было. Я Вахтину говорю: «Так и знай, что из-за этих овец завтра утром надо ждать карательный отряд, эту местность немцы прочесывать будут». Мы овец порезали, разделали мясо, сразу на горе Бурус выставили оборону, мы были в основном вооружены автоматами и пулеметами. Расположились по гребню горы, она же высокая, подниматься на нее очень тяжело и трудно. И потом в стороне выставили заставу, куда назначили командиром группы заслона Юру Стоянова, он в отряде разведкой командовал. И действительно, немцы утром начали прочес и первыми наткнулись на заставу, Стоянов погиб, их немцы выбили быстро. После этого немцы стали подниматься на высоту, крутая же, а мы уже готовы, первую атаку отбили. Через некоторое время снова полезли, опять мы им врезали, но в это время был тяжело ранен Вахтин, он назначает меня, я

был у него замом по разведке, командиром отряда. Приказ понял, принял командование, за день всего мы отбили 11 фашистских атак. Сколько они применяли огневых средств, подтянули артиллерию, вызывали самолетную поддержку, но ничего не могли сделать. Дотемна мы все-таки выдержали, но когда закончилась 11-я атака, у нас тоже потери, убитые, раненые спущены в балку, мы уже не можем закрыть всю высоту по гребню горы, у нас сил уже нет. Тогда я решил пойти в северную часть горы, посмотреть, не пытаются ли немцы зайти в тыл к нам, забраться на гребень и смять нашу оборону, ведь если бы они нас смяли, то спустились бы в балку, и все наши раненые и больные были бы уничтожены. Пошел туда, ничего нигде нет, прислушиваюсь, может, шум где, вроде ничего. Уже возвращаюсь, вдруг слышу в одном кусте шорох, смотрю: на гребень горы забрался пулеметчик и устанавливает пулемет на нашу оборону, и я сразу не растерялся, выхватил из кармана «лимонку» и шуранул туда. Так этот пулеметчик вместе с пулеметом в обрыв и полетел. После думал, что промедли хоть чуть-чуть, ведь не больше минуты ему нужно было, он открыл бы огонь по нашей обороне и всех снял бы. Не растерялся, к счастью. Ночью мы ушли, немцы охрану с северной части не выставили, мы туда и ушли, наутро послали разведку, видно было, что немцы нас искали, но ночью пошел снег, и следы нашего отступления никак не могли определить немцы. Походили-походили, ничего не нашли. Вообще у немцев однобоко войска располагались, в основном были сосредоточены в южной части Судакского района, против нас, а на севере не оставляли никого, думали, никого нет, нас нет, вроде как не надо. В отряде за время боя были потери: тяжело ранен Вахтин, 2 наших пулеметчика убиты, из бойцов 3 человека погибло: Семен Сагайдак, Алексей Наумов, Юрий Стоянов, также были раненые,

но, к счастью, тяжелых, кроме Вахтина, не было. Немцы же были из регулярной части, они шли напрямую, потому что в обход некуда идти, в этой операции за 11 атак было уничтожено до 400 немецких солдат и офицеров. Гора была залита кровью, не снег, а сплошная кровь. За этот бой я получил медаль «За отвагу», она тогда высоко ценилась.

Теперь по поводу моей агентурной сети. В частности, один пример: когда началась война, я в Кировском районе имел по оперативной линии некоторые отношения с туберкулезным санаторием Старого Крыма, там работал главным врачом Иван Иванович Давыдов, который остался в оккупации и после по моему заданию был внедрен в качестве врача в немецкую ВИК, т. е. комендатуру. Имел пропуск на право хождения в любое время, днем и ночью, как на гражданские, так и на воинские объекты, что для меня было очень ценно, можно получить все необходимые данные, что там происходит. Я с ним работал, однажды даже я имел с ним персональную встречу, хотя перед отправкой в лес генерал Фокин запретил нам самим встречаться, а только через своего проводника, т. е. обмен посредством пароля, который я давал поверенному связному. Чаще всего для связи мы использовали систему фамилий, т. е. связной Леня Конюхов приходил и говорил: «Я к вам от такого-то», в ответ должен был услышать: «А я такой-то». Только после этого происходил обмен информацией. Один раз я пошел на встречу сам, лично, вместе с Леной, т. к. Иван Иванович должен был сообщить какую-то важную информацию. И в самом деле, он сообщил нам, что в настоящее время в старокрымской тюрьме содержится около 50 советских граждан, которые приговорены к высшей мере наказания, со дня на день они должны быть казнены. По возвращении в бригаду я доложил об этом Кузнецову как командиру соединения. Тот

спрашивает у меня: «А что будем делать?» Я ответил: «Надо освободить!» Тогда он попросил сделать набросок, план мероприятий, что и как, ведь я знал входы и выходы в город, а Кузнецов должен был пригласить двух командиров наших бригад, Куликовского и Котельникова. Я сделал набросок, зная, где засады немецкие, подходы. Ведь к тому времени я даже знал, где, в какой квартире, у какого окна на кровати спит фашистский офицер, ведь вся детвора, местные, хорошо знают город, сами мне все рассказали. Мне вообще и в партизанских отрядах оставалось только напомнить, сразу слышал: «А, мы знаем, где это». Собрались командиры бригад, я по указанию Кузнецова коротко проинформировал о своем плане, все согласились, поддержали полностью. В плане было предусмотрено, что 2 партизанских отряда будут направлены на г. Старый Крым. А один перекроет дорогу между Старым Крымом и деревней Изюмовкой. Наш 5-й отряд, как хорошо знавший город, сразу нападает на тюрьму, перебивает охрану и освобождает заключенных, 4-й отряд 2-й бригады громит штабы карателей и забирает документацию, 3-й отряд, также из 2-й бригады, уничтожает воздушную связь, чтобы немцы из Старого Крыма не могли связаться с Феодосией и быстро получить оттуда подкрепление. В Старом Крыму размещалось только карательных органов целых 4 объекта: и полиция, и жандармерия, и полевая полиция. В целом это был очень укрепленный район, у немцев даже было предусмотрено при отступлении сжечь город, ведь солили сильно фашистам старокрымские партизаны. Собрали отряды, в ночь с 26 на 27 марта 1944 г. они вошли на центральную улицу города без единого выстрела. Так был распisan план, что отряды прошли все посты и пункты наблюдения незамеченными. Командир 5-го партизанского отряда Вахтин Алексей Алексеевич дал

красную ракету, т. е. объявил наступление, и тут же 3-й отряд сразу уничтожил связь и блокировал дорогу, и вот все там перебили, всю охрану, освободили всех советских людей и всего уничтожили немцев и карателей около 150 человек. Партизаны вернулись в лес без единой потери, никто даже царапины не имел. Считаю, что во многом сыграла роль хорошая разработка операции.

Я имел в Феодосии, в карательном органе Абвер-317, самый опасный был орган, сравним только с СД, своего внедренного человека. Представляете, как это можно внедрить и сохранить от начала до конца, ведь это были самые прожженные фашисты, сколько крови мирного населения пролили. Фамилию я не имею права сказать, это был местный житель, из села. Как раз вскоре после его внедрения в Абвере-317 разработали целую операцию: завербовали в селе полицейского, специально его посадили в тюрьму, сделали личный побег, чтобы внедрить его к нам в 5-й отряд, он должен был собрать данные для того, чтобы ликвидировать отряд. Специально для этого из Севастополя прибыла карательная экспедиция по уничтожению партизан Восточного соединения, т. к. мы были мозолью для фашистов, ведь действовали на важной трассе Симферополь — Керчь, откуда грузы шли, в том числе к войскам, сражавшимся против наших десантников, закрепившихся на плацдарме около Керчи. Перебрасывались и подкрепления, и техника, мы громили их. И вот я встретился со своим агентом, он рассказал, что не сегодня завтра будет организован ложный побег из тюрьмы фашистскому агенту для внедрения в партизанский отряд, для сбора информации, особенно по местам дислокации, вооружения, настроения. Этот агент должен был за день собрать данные и тут же ночью возвратиться в Феодосию и предоставить материалы, на их основании

будет проведен прочес. Когда я получил такие данные, сразу доложил Кузнецову. Мы с ним договорились, что я проинформирую весь командный состав восточной части Крыма: в случае прибытия кого-либо из Феодосии в любой партизанский отряд, немедленно поставить меня в известность, а потом я поговорил с Кузнецовым и сказал: «Знаешь, самое вероятное, что он появится в 7-м партизанском отряде». Он удивился: «Почему?» Я объяснил: «Там командир бригады Куликовский — гражданский человек, никогда военным не был, с ним легче всего, он особо не обратит внимания. А особо уполномоченным в отряде мой бывший начальник, татарин, и отряд ближе всего к Феодосии. Так что наиболее вероятно он появится в этом отряде». И точно, мне наутро сообщают, что появился мужчина из Феодосии в 7-м отряде, мне сразу понятно стало, в чем дело. Я беру двух автоматчиков и приезжаю на грузовике в отряд, прихожу к особисту, майору Муратову. Я тогда был замкомандира бригады, но все-таки его бывший подчиненный, говорю ему: «Слушай, Николай, так и так». Он все подтвердил: «Действительно, прибыл из Феодосии, просит убежища, чтобы ему дали возможность рассчитаться с немцами за то, что издевались над ним». Знаем мы эту песню, попросил привести его к нам. Приводят этого парня, русского, я говорю: «Слушай, Николай, давай-ка я его к себе заберу, есть у меня о чем расспросить сбежавшего». Тот согласился отдать, забрал я агента, Муратов потом смеялся, как Николай Фомич у него из-под носа фашистского агента забрал. Я пришел к себе, приказал хлопцам провести личный обыск. Сам тем временем стал допрашивать, он запирается, описывает все четко, хорошую ему разработали линию поведения, разговора, тут ничего не скажешь. Все крутит шарманку эту, а я думаю: «пой, пой». Провели личный обыск, но ничего не обнаружили, тогда я говорю: «Ну

что, хлопцы, а ну-ка сейчас же все швы на одежде распороть!» Начали распарывать в брюках — оттуда как начали выпадать пароли на право прохождения обратно к немцам, аусвайс фашистский, в нем говорилось, чтобы предъявителя не задерживали ни на одном посту охраны. Я спрашиваю: «Ну что?» Пык-мык. Потом узнаю, что среди наших есть его односельчанин, решил очную ставку сделать, партизан его сразу узнал: «Это же наш полицейский!» Ему уже деваться некуда, я же данными располагал, тут уж он все рассказал, как его готовили, посылали, как разрабатывали легенду, какие нужно было ему собрать материалы: дислокация отрядов, количество партизан, вооружение. Уже куда его? Некоторые говорят, почему я его не перевербовал и назад немцам не отправил, но я так не делаю, нет доверия таким людям. У нас был военный трибунал, его осудили и тут же расстреляли. Таким образом, немцы не смогли получить необходимую им информацию, решились втемную идти на отряды, и эта карательная экспедиция не применила никаких мер по уничтожению партизан. А если бы я прошляпил, то все, они могли бы нас уничтожить. Вот в этом и заключалась работа чекиста. Естественно, немцы могли догадаться, что их провалившегося агента мог кто-то сдать, но у моего человека была так четко разработана легенда, что никак они к нему не могли придраться. Я его сохранил, после освобождения Крыма он остался в живых, и когда пришли наши войска, особый отдел его арестовал, уже должны были следственные органы расстрелять его как предателя, тогда мой человек рассказал, что был связан с Николаем Фомичом. Нашли меня по телефону, звонят, я сразу говорю: «Да, все так, немедленно освободить и прекратить дело!» Что и было сделано.

12 апреля 1944 г. немцы отступали из Керченского полуострова через Старый Крым, от разведчиков я получил данные о том, что немцы отступают, из Керчи

движется какая-то воинская часть по шоссе Изюмовка — Старый Крым, Вахтин предложил ночью блокировать Изюмовку. Мы всем 5-м отрядом вышли к дороге и засели в селе, через которое, как оказалось, отступала румынская часть, блокировали дорогу, у нас в отряде служил румын по фамилии Браток, он сидел в Румынии за контрреволюцию в тюрьме, но в связи с нехваткой личного состава в регулярных частях его освободили и забрали на фронт, так он со своими бойцами пришел к нам в лес и сдался. Мы его использовали как румына, и в это время мы видим: в село въезжает грузовик, к которому сзади пушка прицеплена, тогда Вахтин говорит румыну: «Дай им команду: развернуть и открыть огонь по колонне!» И представляете, они сделали это, мы тем временем подкралась к машине, она крытая, немецкая, все за ней спрятались, наколотили румын, они быстро разбежались в разные стороны, и мы спокойно к себе утром приехали. И опять мой разведчик Павлик Косенко докладывает, что большая воинская часть из Керчи следует в сторону Феодосии. Но идут они, конечно, на Симферополь. Докладываю я Кузнецову, он предложил: «Николай Фомич, давай человек 25 собери, только с автоматами, и на немецкую машину садимся, мы встретим их». Я подготовил, все только с автоматами и пулеметами, сели в крытый грузовик и выехали из леса через речку, по пути Кузнецов говорит мне: «Ты, Николай Фомич, у нас как разведчик, вот тебе задача: первая машина — это законно идет разведка, а вторая — уже командный состав этой части. Поэтому ты должен с Павлом Косенко и начальником штаба отряда подбить командирскую машину и создать пробку, а я тем временем с 22 автоматчиками и пулеметчиками открываю ураганный огонь по колонне». Так и сделали. Видим впереди легковую машину, там было 4 немецких офицера, и тут же подъезжает наш крытый грузовик,

немцы приняли за своих, никто же не знает, кто там, я выскочил и сразу в упор по водителю, ведь рядом с ним всегда кто-то из командования сидит. И расстреляли 4 офицеров, также в легковушке в кабине был установлен двухствольный противовоздушный пулемет, Косенко в упор расстрелял немца за ним, уже приготовившегося по нам бить. Таким образом я, оказалось, убил генерала, командира дивизии, и когда уже к концу бой подходил, смотрю, на руке у генерала часы швейцарские, тогда самые модные часы, я хотел снять их, а они оказались пулей пробиты. Мы машину подожгли, а Кузнецов со своими подбил 10 грузовых машин, полных немцев. Сначала немцы, видимо, посчитали, что русский десант высадился, но когда поняли, что это партизаны, не стали близко подъезжать к нам, а вышли из машин, пошли вокруг леса, чтобы отрезать нам пути отхода. Кузнецов, видя такое дело, сразу отдал команду: «На машину!» Мы сели, через речку в лес и смылись. Таким образом, было уничтожено около 250 фашистов, в том числе 4 офицера и 1 генерал, а также 10 грузовиков и 2 легковых автомобиля.

Когда освободили Симферополь, мы уже находились в Старом Крыму, встретились там с танкистами, целовались, обнимались, затем они пошли на Симферополь. Тем временем из Керчи в столицу Крыма проезжали представитель Ставки маршал Советского Союза Ворошилов и командир Отдельной Приморской армии генерал Еременко. Когда они подъехали в Старый Крым, Еременко нас так благодарил за помощь, я же дал Кузнецову данные в штаб Приморской армии о расположении вражеских сил, что сильно использовалось во время десанта. Как он благодарил! Постояли, пообнимались с нами и уехали, а мы остались в городе.

Еще в лесу я был назначен заместителем начальника Джанкойского отделения МГБ, где я начал

заниматься специальной работой — выявлял немецкую агентуру. Когда освобождали Крым, особый отдел арестовал одного полицейского, вынес следователь заключение: «Расстрелять!» Мне дали разобраться с этим делом. В течение ночи давали дело, не больше, утром я должен доложить о результатах и своем решении. Я прихожу и докладываю: «Вышеизложенные материалы не подтверждаются, и за ним преступной деятельности не усматривается. Считаю, надо немедленно освободить из-под стражи!» И комиссия тут же освободила его. Спас его жизнь. Я всегда считал так: надо разобраться до мелочей, не так, как некоторые раньше, просто написать «расстрелять!» — и все. И не интересовался никто в комиссии, а надо ли. В 1945 г., после окончания войны, меня перебросили в Крымское управление МГБ в Симферополь за то, что я в мирное время раскрыл и разоблачил фашистскую резидентуру. Немцы, когда отступали, оставили свою агентуру, т. к. считали, что снова вернутся на полуостров. Резидентом оказался главный инженер одного из заводов, и у него было 2 агента на связи. Он должен был ждать немецкого возвращения и тем временем готовить информацию по размещению войск. Я установил хорошую связь с одним из рабочих совхоза, расположил его к себе, он по-честному рассказал, как его завербовали, кому передали и так далее. Все написал, я вызвал резидента, стал допрашивать, тот отпирается, тогда я говорю: «Сейчас я тебе очную ставку сделаю с твоим агентом». Как привел рабочего, инженер сразу смялся и рассказал все, в том числе сдал второго агента, о котором я и не знал ничего. Тут главное четко разговор вести.

В 1954 г. я перешел на работу в МВД, где работал до самой пенсии. Уволился в должности заместителя начальника оперативного отдела ГУ МВД в Крыму. За войну я был награжден медалью «За отвагу», орденом

Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги» и «Партизану Отечественной войны», также рядом других наград.

Ставили ли в колхозе уже отслуживших в армии ребят на какие-то должности, отдавая им предпочтение?

Знаете, в этом никакой надобности не было, кто там служил, работали, как все, помощи им не требовалось. Разве что бригадиром могли поставить, но здесь большую роль, как в моем случае, играло образование.

Как кормили в армии до войны?

Очень хорошо, были первое, второе блюда, на третье чай или компот, мясное было, хотя и по-разному, каша была в основном перловая, заправленная сливочным маслом.

Какое отношение было к работникам НКВД до войны?

Тогда исключительным уважением пользовались работники НКВД. Приходишь, если тебе нужно к руководителю, так секретарю была дана команда независимо, кто бы ни был в кабинете, немедленно пропускать, ни минуты не задерживать. В прокуратуре, к примеру, я имел дело только с зампрокурора по спецделам. И с военными общались хорошо, но все-таки только летчики, конечно, большими специалистами считались, к ним все с уважением относились.

Показывали ли вам какие-либо специальные фильмы в НКВД?

Было дело, показывали про коллективизацию, как проводилась, кого раскулачивали, как высылали. Это же работники НКВД арестовывали и репрессировали кулаков. Показывали как учебу.

Представители каких национальностей находились в партизанах?

Всяких, в нашем отряде было 4 крымских татарина, румыны, украинцы, грузины, даже позже был создан специальный грузинский отряд из перебежчиков-«власовцев», командиром отряда был капитан, его даже в Германию посылали учиться, после войны его все-таки осудили на 10 лет. В немецкой форме и с немецким оружием грузин враг вначале за своих принимал, только потом начали понимать, что к чему. И ни с кем у меня не было противоречий, все со мной спокойно работали. К грузинам отношение было нормальное, мы верили им, они слово давали. На задание с ними отправляли других партизан, проверенных, если что, вести наблюдение за их действиями. После боя с ними беседовали, как они себя вели, и давали им в основном хорошие характеристики. Крымско-татарских карателей в Старом Крыму не было, сейчас говорят, что в городе при немецком отступлении татары поголовно убивали и резали мирное население, но у меня таких данных нет. Даже такой случай рассказать могу: у нас в отряде был парень 12 лет, крымский татарин, пошел к своему дедушке в Коктебель, но тот не только его не принял, а заявил: «Отдам сейчас в полицию!» Парень вернулся, ничего не понявший. Такая у них сильная рознь была, у крымских татар.

Как часто использовались в практическом плане собранные вами разведданные?

Очень часто по моим материалам, переданным Кузнецову, другие партизанские отряды громили немецкие склады в населенных пунктах по всей восточной части Крыма.

Как бы вы оценили роль разведчика в партизанском отряде?

Я задавал себе этот вопрос. И вот что хотел бы отметить: от разведчика жизнь часто требует напряжения всех духовных и физических сил, быстрой ориентации, ловкости и умения выделить в сложной обстановке самое важное и нужное. Разведчики длительное время обучаются своему искусству. Но для юных разведчиков из 5-го молодежно-комсомольского партизанского отряда не было особой школы. Школой для них была сама жизнь, то суровое время, которое лишило их юношеских радостей и сделало не по летам взрослыми. По-взрослому они работали в подполье юных борцов, собирая ценные сведения об оккупантах и передавая их партизанам. А уйдя в лес, они воевали без всяких скидок на возраст, неизменно проявляя высокое мужество, отвагу и стойкость. Вот что я хотел бы подчеркнуть.

Какие задачи перед вами ставились по внутренней работе в партизанских отрядах?

Во-первых, чтобы не было изменников и дезертиров, а также ликвидация панических настроений. Но такого в отрядах не было, дисциплина что надо. Причем партизанская — если что, командиры без всякого суда расстреливали. И такие случаи были, я знаю, особоуполномоченный одного из отрядов нашел изменника, по отряду распространявшего панику, расстрелял его без суда и следствия. Также был расстрелян один из командиров отряда.

Сталкивались ли вы со старыми партизанами, которые находились в лесу с первых дней оккупации Крыма?

Были такие, но мало. Правда, в 5-м отряде в основном была молодежь, пришедшая в лес в 1943 г.

Наш отряд был создан на основе очень потрепанного 8-го феодосийского отряда, преимущественно из старокрымских жителей. Вообще, Кузнецов и Вахтин были очень отважными и решительными командирами, с ними можно было на любое дело идти.

Каково было ваше личное отношение к немцам?

Вы знаете, я все отдал на борьбу с врагом, особенно зная, какой урон немцы нанесли моей семье, ведь погубили отца, он был в 1943 г. фашистами расстрелян за связь с партизанами, две сестры насильно вывезены в Германию и находились в концлагерях, братья погибли на фронте. Я шел с таким отчаянием, не считался ни с чем. Хотел доказать, что мы победим, что не смогут они нас разбить. С такими командирами, как Вахтин и Кузнецов, и вели себя таким отчаянным образом, как никто другой в Крыму.

Как немцы относились к партизанам?

Во время одного из прочесов немецкие каратели захватили наш госпиталь и всех раненых сразу расстреляли, в том числе медсестру нашу. А врачу все-таки удалось скрыться, она местная была, из Феодосии. Вот так.

Был ли при 5-м отряде мирный лагерь?

Да, они в каждом отряде были, местные жители уходили в партизаны, немцы их села сжигали. Но когда был массовый прочес из Севастополя, они всех забрали. Потому что партизаны сами спасались и принимали бой, а куда возьмешь детей и стариков?

Как мылись, стирались?

Я за все время в партизанах ни разу не мылся, ночью, когда где можно костер развести на ночевку,

чтобы из Старого Крыма его не видно было, снимаешь нижнее белье, над костром потрясешь, как очередь пулеметная, так вши стреляют: «тра-та-та-та-та». И мне Иван Иванович Давыдов, когда передавал данные, также пару нательного белья прислал, на замену. А так спали где придется, перед костром бревно положишь, приляжешь друг на дружку, утром встаешь: у кого сапоги прогорели, у кого у шинели пола отгорела. Но и то это редко, в основном на земле спали. Но организм так мобилизован был, что никаких простудных болезней не наблюдалось.

Хватало ли в отряде перевязочного материала?

У нас в отряде был врач, он до войны закончил военную медицинскую академию, когда часть отступала, он в лес пришел. У него всегда материалы были, еще из армейских запасов.

Трофеи собирали?

Нет, просто не до того было. Вот хотел взять часы у генерала, а они разбиты, а больше ничего не имел. И оружием трофейным не пользовались, нам, к счастью, забрасывали оружие и патроны четко, через Зуйский аэродром в Северное соединение даже «Катюши» как-то переправили. В конце 1943 г. — начале 1944 г. даже один раз сбросили бочку спирта. А Куликовский, командир 3-й бригады, был большой любитель выпить, я же ни грамма не пил, даже когда в армии «сталинские» 100 граммов давали. А Куликовский так напился, что разделся догола и ходил по бригаде туда-сюда. Кузнецов пришел ко мне: «Слушай, Николай, пошли к Куликовскому, ты мне как чекист нужен будешь, он там такие номера откалывает, надо разговаривать». Приходим, вызывает Куликовского, и как начинает его раскатывать: «Вот в присутствии Николая Фомича говорю, если еще раз повторишь что-

нибудь подобное или еще такое, при всех партизанах публично расстреляем тебя!» — он дал слово ни грамма больше в рот не брать. И сдержал слово, до выхода из леса не пил больше. Правда, потом опять начал пить.

Как кормили?

На подножном корму, кто где захватит, где отобьет, только то и кушали.

Какое у вас было отношение к партии, Сталину?

Партия являлась руководящей силой. И по существу, Сталин выиграл войну, а не как некоторые говорят. Правда, первое время он немного заблуждался и неправильно понял работников НКВД, которые его информировали, что готовят наступление немцы, будет нападение. Он слишком поверил договору о ненападении. Но когда осознал все, он начал решительно бороться, и он является победителем в этой войне. Он, и никто другой.

В период депортации крымских татар не ставили ли перед вами какие-либо задачи?

Мы лично не участвовали, это были чекисты из Москвы и под руководством Генштаба СССР. Но позже приезжала московская комиссия из ЦК в Крымский обком, разбирали, почему всех выселили: крымских татар, греков, болгар и других. Со мной беседовал председатель этой комиссии, как я оцениваю эти события. Я ответил: «Конечно, всех нельзя было под одну гребенку, не все же виноваты, не все пошли служить. Но такая была установка, указание от Сталина. И по существу он был прав, т. к. СССР в это время продолжал войну, а рядом с Крымом Турция, Болгария, Румыния свободно могли высадить в Крым десант. Надо снова войну вести за полуостров с этими оставшимися подонками? Снова армию в Крым

посылать? Так что правильно Сталин выселение сделал».

Интервью и лит. обработка: Ю. Трифонов

Мосягин Федор Петрович

Я родился 17 февраля 1916 года в дер. Ишимово Осинского уезда Пермской губернии. Затем наша деревня вошла в состав новообразованного Бардымского района Свердловской области. Там я жил до 1936 года. Родители мои были простыми крестьянами, отец умер в 1920 году, так что мать осталась одна с пятью детьми. Пришлось тяжело, но тут

начали организовывать колхозы, мы туда сразу же вступили, хотя многие крестьяне сначала входили в колхозы, потом зачем-то выходили.

До войны я окончил 6 классов. Затем мы переехали в пос. Калиново, расположенный в 65 км к северу-западу от г. Свердловска (ныне — Екатеринбург). В сентябре 1937 года меня призвали в армию, в военкомате определили во внутренние войска НКВД СССР. Я был направлен в Тулу, попал в часть, которая занималась охраной важных промышленных объектов, в основном это были военные заводы. Потом меня направили на обучение в Школу служебного собаководства, расположенную на ст. Клязьма под Москвой. После ее окончания получил направление в г. Загорск (ныне — Сергиев Посад) Московской области. Там в одном из рабочих поселков находился очень важный военный завод. Здесь я находился до декабря 1940 года. Охранял территорию складов с собакой. Никаких ЧП за все время моей службы не произошло.

В конце 1940 года демобилизовался, после чего приехал обратно в поселок Калиново. Здесь поступил в милицию. Немного поработал, как тут началась война, и меня направили в Свердловский военный округ.

Затем меня снова отправляют в Москву. Работал в особом отделе 420-го маршевого стрелкового батальона. Где он дислоцировался? В 1939 году в Москве проходила Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, и рядом с ее павильонами был построен милицейский городок. Как раз там мы и формировали маршевый батальон, затем часть переехала в г. Кунцево, здесь продолжили готовить пополнение на фронт. И весной 1942 года я сопровождал сформированный батальон на фронт под Ржев. Оттуда вернулся обратно в Кунцево, где мы продолжили формировать маршевые части.

Весной 1943 года меня перевели на работу в контрразведку Смерш, которая была образована весной того же года. Присвоили звание «младший лейтенант государственной безопасности» и направили в отдельный танковый полк, который формировался в г. Горький (ныне — Нижний Новгород). На вооружение к нам поступили ленд-лизские американские танки. С этим полком после сколачивания части прибыл в Краснодарский край, здесь мы проходили недавно освобожденную станицу Крымскую. С боями дошли до Темрюка, к тому времени большинство наших танков было выбито в боях. Вообще же американские танки были все-таки не такими надежными, как наши «Т-34». Помню даже такой случай — танк вылетел на нейтральную зону и не смог никуда повернуть, у него отказала трансмиссия. Кстати, экипаж мы потом из нейтралки выручили.

В Темрюке мне поручили служить в качестве особиста в трех отдельных кабельно-шестовых ротах Северо-Кавказского фронта. Затем нас переподчинили 56-й армии, и я принял участие в Керченско-Эльтигенской десантной операции, в ходе которой в ночь на 3 ноября северо-восточнее г. Керчи был высажен десант, который к 12 ноября захватил плацдарм, протянувшийся от Азовского моря до предместий Керчи. Затем и наши роты на катерах были переправлены на освобожденный участок. Немецкая авиация нас бомбила при форсировании Керченского пролива, и когда мы двигались на катере, то я видел, как был сбит наш самолет, его летчик выбросился с парашютом и плавал в Азовском море. Нам с катеров был очень хорошо виден плавающий на волнах купол парашюта. Так до сих пор и не знаю, подобрали летчика или нет. На плацдарме я находился в землянке, вырытой в районе пос. Маяк. И сидели мы там вплоть до 11 апреля, когда Отдельная Приморская армия,

сформированная в ноябре 1943 года на базе полевого управления Северо-Кавказского фронта и войск 56-й армии, перешла в наступление.

С этой частью мне довелось освобождать Крым, мы шли по Южному берегу. Довелось мне проходить Судак, Алушту и Ялту. Здесь по дороге от Судака до Алушты я видел, как взятые передовыми частями пленные румыны вместе с нашими автоматчиками гнали колонну военнопленных немцев в тыл. Надо сказать, нас предупреждали, что фрицы с румынами очень недружно жили, и здесь это подтвердилось.

Дошли мы до Севастополя, где после ожесточенных боев в итоге 12 мая остатки немецких войск на мысе Херсонес сложили оружие. После того как враги окончательно сдались, я видел большую колонну пленников, многие из которых все еще были в шинелях, которую вели по дороге Севастополь — Симферополь.

В Крыму меня перевели в 370-й радиодивизион особого назначения, он тогда переформировывался в Симферополе. В штат дивизиона входили: центр обработки информации, приемный центр и 4 радиопеленгаторных пункта. После формирования мы отправились на фронт, где приняли участие в Яско-Кишиневской наступательной операции. Затем освобождали Румынию, Венгрию, Австрию и Чехословакию. В этой части прослужил до конца войны. Дивизион занимался радиоперехватом, а также проводил радиоразведку. 9 мая 1945 года мы расположились в Братиславе, столице Словакии. Когда узнали о том, что немцы капитулировали, была, конечно же, большая радость, все обнимались и говорили, что война наконец-то закончилась. Кстати, в Будапеште я прослужил месяц в оперативной группе Смерш, также наша группа работала и в Братиславе. Мы ходили по домам, выявляли тех, кто помогал немцам, а также искали вражескую агентуру, которую немцы всегда

оставляли в освобожденных городах. Кстати, во время этой работы я встретил русских людей. Один из них жил в Будапеште, сам был уроженцем Вятской губернии. Он попал в плен во время Первой мировой войны, остался в Венгрии, работал на хлебозаводе, женился на сербке. Другой, уже немолодой дядька, украинец по фамилии Сидоренко, попал в Братиславу при аналогичных обстоятельствах. Они стали у нас толмачами, т. е. переводчиками. Мы находили много подозрительных людей и отводили их к следователям. Надо сказать, что они не сильно-то и сопротивлялись, ведь в конце войны стало очевидно, что мы все равно победим немцев. Были ли случаи побега? За все время моей службы в оперативной группе произошел только один случай. Мы в Будапеште привели одного задержанного, он немного побыл у нас в комендатуре, а следователь задержался и мог приехать только утром на следующий день. Что делать, мы заперли задержанного в туалете, а он ночью убежал через окошко. Больше никаких неприятностей не случалось, правда, один раз пришлось разбирать ЧП. В центре Будапешта стоял большой дом, на первом этаже которого стояли токарные станки, при немцах здесь размещался какой-то военный завод. А в подвале дома наши солдаты обнаружили винный завод. Естественно, братья-славяне расстреляли бочки, вино расплылось, и один солдат напился и утонул в подвале. Так что мы выясняли, кто был зачинщиком этого безобразия. Нашли их и примерно наказали, но без излишней жестокости.

Как мылись на фронте?

Обычно ходил в передвижные душевые, вот на плацдарме тяжело пришлось. Тогда что-то там старшина организовывал изредка, и все. А вот в Будапеште я в первый раз за всю войну пошел в баню, мы здесь довольно долго стояли. Здесь окончательно и

от вшей избавился. А до этого со вшами боролся следующим образом — прожаривал одежду над специальными бочками, наполненными горячей водой.

Как кормили?

Нормально, мне хватало. Выдавали американскую колбасу в банках. Даже когда и по 100 грамм водки наливали, особенно перед наступлением. Только на плацдарме с едой были проблемы, ведь далеко не всегда удавалось перевезти грузы через пролив, так что здесь, бывало, сидели на голодном пайке. А вообще самое сильное впечатление по поводу продуктов на войне — когда мы освобождали Румынию, то я лично увидел, что местные жители кукурузой печки топили.

Чем вы были вооружены на войне?

Пистолетом «ТТ».

Мирное население как вас встречало?

Хорошо. Многие пели русскую песню «Катюша». Причем пели по-венгерски, по-румынски и по-словацки. Я тогда сильно удивился, откуда нашу песню так хорошо знают.

Трофеи собирали?

Нет, я ничего не брал. К нам даже как-то пришла информация, что один полковник нагрузил полный «Студебекер» разного барахла и отправил его в Советский Союз. Единственное, что я взял на фронте — это бумажник и часы. Была у меня еще и фляга немецкая, очень удобная, мне ее подарил товарищ. А больше я домой из армии ничего не привез — единственное, из моей советской плащ-палатки жена нам хорошую перину сделала, ею мы и сейчас пользуемся. Вообще же у нас в Смерше нельзя было трофеи собирать, это строго запрещалось.

Какие настроения были в войсках?

В основном все были настроены по-боевому. Единственный раз, когда мне довелось столкнуться с дезертирством, произошел во время сопровождения маршевого батальона подо Ржев, из нашего состава сбежал один командир и трое солдат. И все, больше за всю мою службу случаев дезертирства не было.

Какое в войсках было отношение к партии, Сталину?

В Сталина все верили. Кстати, именно в армии меня принимали в партию. Но что-либо говорить о Сталине в моем присутствии банально опасались.

Под бомбежки попадали?

Да, и довольно часто. Когда служил в отдельном танковом полку, мы как-то расположились в лесу, и вдруг налетели «Юнкерсы» и «Мессершмитты», и началась бомбежка. Причем она была довольно сильная, с деревьев все ветки посбивало. Я же под танк спрятался и тем от пуль и осколков спасся.

После войны я продолжил служить в разведке пограничных войск НКВД (с 1946 года наши пограничные войска стали относиться к МВД, а с 1949-го — к МГБ) СССР. Затем перевели в Одессу, оттуда — в г. Бендеры Молдавской ССР. В итоге 5 ноября 1951 года я с семьей прибыл в Алушту, здесь и демобилизовался в 1953 году.

Интервью и лит. обработка: Ю. Трифонов

Авербух Борис (Бер) Яковлевич

Родился в 1922 году в Кишиневе, в семье фармацевтов.

Мой отец в царское время работал в аптеке у хозяина в Чемышлие, а потом открыл свою собственную аптеку в нижней, рабочей части города. Папа умер от

гриппа «испанка» в 1925 году, и через несколько лет мама снова вышла замуж, мой отчим также был владельцем аптеки.

Еще до прихода Советов в Бессарабию я закончил гимназию.

Приход советской власти не был для нас чем-то неожиданным, за день до того как начался «освободительный поход», мы с приятелем Мозесом Розенцвайгом слышали, как по «Радио Бухарест» объявили: «Завтра Красная армия оккупирует Бессарабию».

В 1940 году, после установления советской власти, наш дом и аптеку национализировали, а нас просто выставили на улицу, но потом, видимо, сжалились и разрешили занять в нашем же доме квартиру из двух свободных комнат.

Почти всех кишиневских фармацевтов Советы вскоре арестовали как «угнетателей рабочего класса», но это было дикой чушью, никто из них не был эксплуататором, так как не имел наемной рабочей силы. Я поступил учиться в сельскохозяйственный институт, и спустя несколько месяцев после начала учебы на меня кто-то донес, что я «буржуйского происхождения», но тем не менее меня не исключили из института, а только лишили стипендии. Через две недели после начала войны мы покинули Кишинев и вместе с тысячами других беженцев двинулись на восток. Добрались до Одессы, откуда поездом после долгого пути мы добрались до Сталинграда, но город был переполнен беженцами, и мы, в числе других, на пароходе были отправлены по Волге в Астрахань, но и здесь нас не оставили. Вскоре мы оказались в Махачкале, откуда опять переплыли через Каспий и попали в Среднюю Азию. Мы продолжали скитаться, кочевали с места на место: Сталинабад, Орджоникидзеабад, не имея никаких средств к существованию.

А тех евреев, кто не успел бежать с Буковины и из Бессарабии от немцев и румын, ждала смерть. Например, мои дядя и тетя, Роза и Лев Ганкины, не смогли далеко уйти, попали под румынскую оккупацию и умерли от голода в концентрационном лагере Богдановка, куда их пригнали румыны. Там же от голода и расстрелов погибли многие наши друзья и бывшие соседи.

В армию меня не призывали, так как я считался «западником» — «бессарабцем», с нами в 1941 году в военкоматах даже разговаривать не хотели, мы были заклеены как «ненадежные».

Только весной 1942 года меня мобилизовали в трудовую армию и направили в Уральск, куда прибыл эвакуированный оборонный завод по производству морских мин.

Сначала мы строили заводские цеха, а потом сами в них и работали на производстве. Инженерный состав завода был еще старый, ленинградский, а в цехах работали только «западники»-трудармейцы, евреи Бессарабии, Польши, Западной Белоруссии и Прибалтики, которым советская власть отказала в доверии только из-за того, что мы родились не в том месте...

Каким было отношение к трудармейцам из вашего рабочего батальона?

Нас более-менее сносно кормили, а жили мы в здании школы, где прямо в классах были сооружены нары. Работа была тяжелой, но тогда никто не жаловался на усталость, время было для всех трудное, голодное, военное, и мы знали, что всем сейчас нелегко.

На работу мы ходили без конвоя, и, кстати, заводские ИТР и местные жители относились к нам без какой-либо враждебности. Но многих находило в глубоком тылу в тот момент, когда идет битва с нашим

кровным и заклятым врагом, угнетало, и в один день все евреи из Польши и Прибалтики решились на смелую авантюру, построились в колонну и пошли строем к зданию горисполкома, где стали требовать отправки в Польскую армию или сразу на фронт...

Такой демарш власть не прощала, сразу появилась милиция, энкавэдэшники, и эту колонну вывели за город. Назад на завод никто из них не вернулся, и мы так толком ничего не узнали о судьбе этой группы «польских евреев»...

Куда их отправили: в лагерь за колючую проволоку? или на другой оборонный объект? Не знаю, но даже за своими вещами никому из них вернуться не дали.

Я тоже не хотел оставаться в тылу и любой ценой решил уйти на фронт.

Из нашего рабочего батальона попасть в армию было просто невозможно. Рядом со мной на нарах спал бывший секретарь комсомола Румынии по фамилии Лейбович, но даже ему отказали в призыве. Мой родной брат, 1919 г. р., учившийся до прихода советской власти в Бухарестском университете, тоже несколько раз пытался уйти на фронт добровольцем, но его в армию не взяли, хотя позже его перевели из трудовой армии служить переводчиком в лагере для румынских военнопленных в городе Асбесте.

В начале осени сорок второго года я узнал, что есть постановление, обязывающее отправлять студентов из трудармии на продолжение учебы в вузах, имевших статус «оборонного значения». Я стал действовать, пришел в Уральский горвоенкомат, чтобы получить документы об освобождении из рядов «трудармейцев». Военком сразу понял, что я замыслил, и сказал: «У тебя на заводе железная броня от призыва, а как с завода уйдешь, ты броня потеряешь...», но я к этому и стремился. Получив документы, я сел на поезд и поехал в Алма-Ату, уже как свободный человек, «студент», но

вскоре после приезда в казахстанскую столицу я заболел брюшным тифом, месяц пролежал в больнице, и когда меня выписали, то я от слабости и голода еле ноги передвигал. Встал на учет в военкомате, попросил ускорить мой призыв, написал заявление как доброволец и через месяц, уже как студент, не имеющий брони, был призван в армию в январе 1943 года. Из Алма-Атинского военкомата нас привели на пересылку, где переодели в армейское обмундирование, и сразу, без направления в Алма-Атинский окружной запасной полк, нас посадили в эшелон, составленный из товарных вагонов, и повезли на запад.

Тот факт, что нас, не умеющих стрелять и окапываться, сразу повезли на фронт, меня не так поразил, как удивил личный состав моего призыва. Почти все новобранцы в нашем эшелоне (за редким исключением) были бандитами, мелкими уголовниками, шпаной и «бытовиками», только что выпущенными из мест заключения «в связи с призывом в Красную армию».

В моем вагоне ехали на фронт два еврея «из студентов» и пятьдесят амнистированных зэков.

Чего только от них я не наслышался по дороге, и про «жидов, засевших в глухой обороне на базаре в Ташкенте», и про «жидов-комиссаров». Самое обидное, что советская власть сама сознательно способствовала таким антисемитским настроениям, ведь так называемые «жиды, окопавшиеся в Ташкенте», мужчины-евреи призывного возраста, поголовно были беженцами — «западниками», которых власть не хотела призывать в Красную армию, и эта власть всех поляков и бессарабцев одним росчерком пера зачислила в категорию СОЭ — ненадежный социально опасный элемент. В сорок втором году все же начался призыв прибалтов в национальные стрелковые дивизии. Только

в конце 1943 года военкоматы стали потихоньку призывать в армию польских евреев, в основном уроженцев Западной Белоруссии и Западной Украины, и направляли их служить не только в Красную армию, но и в части Войска польского и в чехословацкую бригаду, а для румынских евреев-бессарабцев до самого конца войны существовал запрет на армейский призыв. Причем этот запрет не был секретным, и несколько моих товарищей по гимназии так и провели всю войну, вкалывая ежедневно до седьмого пота на оборонных предприятиях, в шахтах или на лесоповале в составе трудовой армии...

Ехали через Актюбинск на Москву, а потом нас повернули на Харьков, на Юго-Западный фронт. Когда мы туда прибыли, то оказалось, что нас не ждали, наш эшелон с пополнением вообще в списках не значился, а потом еще выяснилось, что никто из нас не прошел даже минимального первоначального красноармейского курса обучения. На месте нас стали распределять по фронтовым запасным частям, я сначала попал в ЗАПе в роту минометчиков, потом меня отправили в учбат стрелковой дивизии, готовивший сержантский состав для пехоты. Командовал нашим учебным батальоном майор Адамов, замполитом был капитан Зильберг. Когда медицинская комиссия отбирала солдат в учбат, то врач учбата спросил меня, не являюсь ли я бывшим студентом, и когда узнал, что я учился на 2-м курсе, а до войны неплохо знал все, что связано с фармацевтикой, так сразу назначил меня батальонным санинструктором.

В бой наш учбат вступил только в середине лета 1943 года, а до этого шла обычная подготовка сержантского состава, каждые 3 месяца выпускались в части очередные 300-400 новых сержантов, но жернова войны быстро перемалывали людские резервы, и бойцов

непосредственно на самой передовой линии всегда катастрофически не хватало.

Насколько тяжелой была служба в учебном батальоне?

Не все ребята выдерживали нагрузки и особенно моральное напряжение, ведь все знали, что из этого учбата есть только одна дорога: в пехоту, в первую траншею, где смерть или тяжелое ранение неизбежны. Еще до того как нас вывели на передовую, застрелились двое бойцов, помню их фамилии: Власов и Давыдов. Один из них смог покончить с собой выстрелом из автомата. Комсорг батальона также погиб, так и не успев принять участие в боях: во время чистки оружия случайным выстрелом ранил себя в живот и скончался затем в санбате.

Гоняли нас в этом учебном батальоне очень сильно, у одного красноармейца, еврея по национальности, стали опухать ноги, так врач батальона обвинил его в предумышленном членовредительстве, мол, специально глотает мыло, чтобы заболеть, и парня отправили в трибунал, а оттуда уже в штрафную роту, но это ведь был нелепый и дикий поклеп, все знали, что у «мыльников» совсем другие симптомы, при чем тут ноги, но вот и он попал под раздачу ни за что, ни про что... Люди прибывали в учбат из тыловых запасных полков, измученные голодом и муштрой, находясь на пределе физических возможностей, а у нас хоть кормили нормально, но боевая подготовка выматывала бойцов.

Помню, как в июне 1943 года прибыло пополнение из Уфы, семнадцатилетние ребята, изголодавшиеся в запасном полку и внешне выглядевшие, как «синие скелеты»...

Когда учебный батальон стали использовать как обычную стрелковую часть?

Учбат стрелковой дивизии не был отдельным, всегда считался обычной линейной стрелковой частью, и это была повсеместная практика — во время наступления учебный батальон вел бои, как и все, а в обороне был резервом комдива.

В июле 1943 года нас подняли по тревоге, мы совершили 70-километровый марш-бросок, шли в дикую жару, без отдыха и долгих перекуров, добрались до какой-то станции, нас посадили в эшелон и привезли на станцию Валуйки, которую беспрерывно бомбили. Мы выгружались под бомбежкой, нам приказали рассредоточиться.

Помню, как в деревне Старая Еремовка заскочил в хату, а там тысячи коробок от португальских сардин. Мы обрадовались, думали, вот сейчас поедим, а коробки оказались пустыми, немцы просто из пустых консервных жестянок выложили стену...

Немцы, видно, заметили дым от нашей полевой кухни, и уже скоро прилетели десять пикировщиков и стали бомбить деревню. В этот момент вплотную к хате разорвалась крупная авиационная бомба, и хата стала рушиться прямо на наши головы...

Мне повезло, я отделался только сильной контузией, но в этой бомбежке учбат потерял убитыми и ранеными почти половину своего состава.

Мы потом собрали трупы товарищей и похоронили их в общей братской могиле.

Потом пошла череда боев, мы наступали, несли тяжелые потери, а потом уперлись в Днепр.

Нам приказали форсировать реку, мы сами вязали самодельные плоты и ночью стали переправляться. Немцы закидывали нас минами, расстреливали на воде из пулеметов, а многие бойцы не умели плавать и камнем шли на дно, после того как немцы разбивали

своим огнем хилые плоты. Те, кому повезло живыми добраться до правого берега Днепра, были встречены огнем в упор. Там до нас уже пытались высадиться наши штрафники, и весь берег был завален их трупами. Немцы нас ждали...Тяжелые воспоминания...

Но самые тяжелые бои были уже на Никопольском плацдарме, в районе села Китай-городка, где мы захватили траншеи в неудачном месте, в низине, там немцы держали позиции над нами и сверху закидывали нас минами, били по нам, как в тире... Было на плацдарме холодно, голодно, довольно тоскливо... Пришлось еще испытать на своей шкуре, что такое танковая атака, когда на нас пустили «Тигры»... До сих пор не могу забыть ночной бой в районе этой Китай-городки.

Это было нечто страшное, все перемешалось, все стреляли в темноте наугад, не разбирая, где свои, где чужие, и точно не видя, куда летят наши пули. Огонь с четырех сторон...

Как из пехоты попали в Смерш?

В батальоне знали, что я свободно владею немецким языком, и в конце 1943 года прямо в первой траншее появился старший лейтенант-особист и стал у меня допытываться, кто я, где призывался, за что награжден медалью и откуда знаю немецкий язык.

Через несколько недель на рассвете меня зовет к себе взводный и, показывая на стоящего рядом с ним автоматчика, приказывает: «Следуй за ним». И только мы с автоматчиком вылезли из окопов, как немцы нас заметили и стали бить по нам из минометов.

Зачем меня вызвали и куда ведут, я понятия не имел, но, пройдя километров семь, мы добрались до штаба дивизии, где автоматчик «передал» меня какому-то лейтенанту. Рядом с лейтенантом стоял старшина, который задал офицеру вопрос: «А как этого

оформлять? Как его кормить? Как задержанного или как своего?» И только тут я понял, что меня привели в Смерш.

Завели в блиндаж, в котором находился майор, начальник отдела контрразведки Смерш нашей дивизии. Майор, задав «дежурные вопросы», кто такой и так далее, вдруг спросил в суровом тоне: «Если мы тебя завтра в румынский тыл на парашюте сбросим, ты готов к выполнению такого задания?!» — и я ответил: «Так точно! Готов!» — плохо представляя, как я буду прыгать в тыл врага без парашютной подготовки. После этого мне дали сопровождающего, который повел меня дальше в тыл. Пришли в село Марьевка, где разместился штаб нашей 8-й гвардейской армии. Здесь, уже в армейском отделе КР Смерш, со мной разговаривал пожилой подполковник по фамилии Цвигун: «Вы Авербух? Знаете немецкий язык? Вот вам документы, переведите, о чем здесь говорится?» Я взял в руки несколько листов немецких документов, на которых стоял гриф «Совершенно секретно», и на первом листке был текст с пометкой «Для всех офицеров вермахта», в котором немецкие офицеры оповещались, что «на стороне вермахта воюют калмыцкие подразделения, которые прекрасно зарекомендовали себя в боях, являются верными соратниками и командует калмыками капитан такой-то, и следует относиться к калмыцким подразделениям, как к самым преданным и верным союзникам»... Я перевел этот текст.

Мне приказали явиться к начальнику «немецкого отдела» контрразведки Смерш 8-й гв. армии. Я был зачислен в отдел на должность переводчика, но никаких особых документов, подтверждающих мою службу в отделе контрразведки, кроме отпечатанной на машинке справки, я не имел. Текст справки гласил следующее: «Сержант Б. Я. Авербух является

переводчиком отдела Смерш 8-й гв. армии и имеет право на проверку любого военнослужащего Красной армии»...

Что такое «немецкий отдел» армейской контрразведки?

Отдел КР Смерш армии Чуйкова делился на два подразделения: «немецкий» и «русский» отделы. Наш отдел — «немецкий» — занимался только пленными немцами, а «русский отдел» — военнослужащими Красной армии, обвиненными в трусости, измене, шпионаже, антисоветской пропаганде и предательстве, а также бывшими гражданами СССР, находившимися на службе у противника. И хоть оба этих отдела, как говорится, находились «на одной улице», никто из нас, рядовых работников, не рисковал проявлять любопытство и в какой-то мере интересоваться, а что там, в соседнем отделе, творится, кого «взяли», что за дела ведут, это была своя полная автономия, куда нос совать было чревато. Руководил контрразведкой армии генерал-майор Витков.

Начальником «немецкого отдела» Смерша был майор Андруков, порядочный, симпатичный русский человек, ушедший из жизни в апреле 1945 года. Его смерть была до обидного нелепой. Андруков лично готовил группу, задачей которой ставился захват руководства рейха в Берлине, но внезапно слег с перитонитом и скончался от этой напасти. Перед смертью он позвал нас проститься с ним. Мы похоронили майора Андрукова в немецком городе Зоненберг...

Его заместителем был капитан Мордвинов, кубанский казак, который ненавидел евреев всей душой, и мое присутствие в отделе периодически вызывало у него приступы неприкрытой злости. Кроме того, моим непосредственным начальником являлся

старший лейтенант Трайдук, украинец, бывший комсомольский секретарь из Ворошиловграда, попавший в «особисты» из шифровальщиков. Трайдук на меня все время косился с подозрением, а потом, когда увидел, как я случайно встретил на какой-то станции своих товарищей по стрелковому батальону, и как они кинулись меня обнимать, то произнес: «А ты свой, настоящий парень... На других евреев не похож...» Судьба Трайдука сложилась трагически, хотя войну он прошел без единой царапины.

В августе 1945 года он сошел с ума, его увезли в госпиталь. Причина помешательства Трайдука была довольно странной: когда сообщили, что американцы сбросили на Японию атомную бомбу, то он впал в прострацию, лежал в кровати и все время повторял: «Не может быть. Теперь они нас смогут победить. Не может быть...» Пару дней все думали, что это просто блажь с перепоя, но когда Трайдук стал окончательно заговариваться и вести себя неадекватно, то прибыли медики из армейского госпиталя и сказали, что старший лейтенант «съехал с катушек», и забрали его.

Кроме меня в «немецком отделе» был еще один штатный переводчик, из «кадровых чекистов». Армейский отдел контрразведки имел свою следственную часть, которой командовал майор Остромобильский и в подчинении которого находилось человек 5–7 следователей.

Были свои оперативные работники и своя рота охраны, писари, машинистки, делопроизводители, и если попытаться подсчитать личный состав всего отдела КР нашей 8-й армии, то получится меньше ста человек...

С чего начиналась ваша служба в качестве переводчика отдела контрразведки?

Мои служебные функции были простыми — переводить на допросах пленных, переводить захваченные штабные и прочие документы. Интенсивность допросов была разная, например, когда мы стояли в селе Ново-Покровское, то приходилось в день переводить на 10-12 допросах, и там среди немцев попадались «факельщики» и каратели.

Также меня могли привлечь к переводу на суде военного трибунала, так, например, в Гарволине я переводил в трибунале, когда судили немецкого унтер-офицера, обвиненного в участии в массовых расстрелах советских людей, он участвовал в акциях по уничтожению еврейского населения и лично убивал. Его вина была полностью доказана, и унтера приговорили к повешению...

Как вели себя на допросах немцы в 1944-1945 годах? Как держались?

Возможно, вы сейчас удивитесь, но я скажу следующее. Мне пришлось переводить на сотнях допросов, и почти до самой капитуляции все немцы свято верили, что Германия победит, они постоянно упоминали о новом секретном сверхоружии, которое пообещал Гитлер, и пленные были уверены, что это «оружие» поможет им взять верх над нами...

Весной 1945 года переводил на допросе немца, ученого-ракетчика, который сказал буквально следующее: «Мы тут с вами сидим, разговариваем, а в это время над нами в воздухе летят три реактивных «Мессершмитта». Вам нас не победить»...

А мы тогда и не знали, что у немцев появились реактивные истребители.

Допрашиваем немецкого летчика-аса, кавалера Золотого Рыцарского креста. В плен он попал не в бою, а случайно, два немецких самолета столкнулись в воздухе, и ему пришлось спастись на парашюте.

Летчик держался на допросе очень спокойно и гордо и нас «заверил»: «Будьте спокойны. Мы все равно вас победим!»

При этом все немцы, даже самые отпетые фанатики, на допросах давали исчерпывающие ответы на вопросы следователей, и отношение к немцам было корректным. Кормили арестованных немцев так же, как и простых красноармейцев, с одной полевой кухни.

Мордобой на допросах использовался крайне редко, и только в том случае, если слишком наглый немец попадался...

Скажем, пленного немца допросили, получили нужную информацию. Какова была дальнейшая судьба пленного? В трибунал, на сборный пункт военнопленных или «к стенке»?

Любой из этих вариантов, перечисленных вами, мог иметь место. Не было никакой отчетности, сколько немцев привели в отдел Смерша и сколько потом передано на пункт сбора военнопленных или в трибунал. Судьбу немцев после окончания допросов решал капитан Мордвинов, он определял, кто «уже лишний», а кому жить дальше...

Помню, как решали: как поступить с гестаповцем Крамером, это был пожилой немец, руководивший в свое время депортацией евреев Праги в лагеря уничтожения. Этот Крамер был уже выжившим из ума, в трибунале возиться с сумасшедшим тоже никто не хотел, и тогда Мордвинов приказал: «Гестаповца в расход». Обычно «лишних» пристреливали бойцы-автоматчики из роты охраны армейского Смерша. Среди них был один бывший партизан, двадцатилетний парень Адам Кричмарек, вся семья которого погибла в Варшавском гетто, так он был у нас главным «исполнителем», другими словами — сам вызывался «сопроводить лишнего немца в ближайший лес»...В

принципе, тогда все происходящее было справедливым, «невинные ангелочки» среди немцев, без крови на руках, в Смерш не попадались... Каждый понес свою кару...

Власовцы или диверсанты из перешедших на немецкую сторону бывших бойцов РККА также попадали на следствие в ваш отдел?

Чтобы к нам приводили власовцев, я такого не помню. Это вообще в войну было маловероятно, чтобы власовца живым довели до штаба армии.

Как правило, их пристреливали сразу после пленения или во время конвоирования.

А диверсантами и прочими изменниками из бывших сограждан занимался соседний «русский отдел», имевший своих следователей и оперативников. Там служили весьма свирепые ребята, не знавшие жалости и снисхождения, но еще раз повторюсь, даже просто интересоваться работой этого отдела было чревато, каждый отдел жил своей жизнью и занимался только своей работой в ограниченных инструкциями рамках. Никто никому не задавал лишних вопросов...

Это Смерш, здесь всегда свои «правила хорошего тона»...

В свое время мне попалась для перевода секретная брошюра, выпущенная для подготовки офицеров абвера, и там в тексте была одна фраза: «... офицер немецкой контрразведки должен знать только то, что он должен знать...» Мой начальник Трайдук так и не смог понять смысл этого предложения.

Насколько в армии был силен страх перед Смершем?

Насколько работники контрразведки были «независимы» от армейского начальства?

Редко кто мог себе позволить плевать на особистов с высокой колокольни.

Права у Смерша были почти не ограничены, но и сами «особисты» не могли быть все время над законом. Сразу после войны был арестован начальник отдела контрразведки 8-й гв. армии генерал Витков и комендант штаба капитан Орлик, боевой и бесшабашный офицер, родом из Харькова. Причины ареста и дальнейшую судьбу этих людей нам никто не сообщил, ходили потом слухи, что они «погорели на трофеях»...

И в контрразведке иногда «исчезали» люди, потом выяснялось, что такой-то арестован и отдан под трибунал. Но к своим у «особистов» были и «скидки», в 1946 году одного майора-смершевца просто вышибли из Германии за роман с немкой-аристократкой, а будь на его месте простой пехотный офицер, дело могло бы закончиться и трибуналом, так как по приказу командующего ОГСВГ были запрещены «неслужебные контакты» и «сожитительство с немками», это приравнивалось ни много ни мало к «измене Родине».

У нас один еврей, штабной парикмахер, стал встречаться с немкой, и она от него забеременела. Парикмахер обратился в Смерш с просьбой разрешить ему жениться на немке, а на следующий день он просто исчез... Арестовали по-тихому, а что с ним стало дальше?..

Да и в самом отделе КР иногда плелись хитрые интриги, один «подставлял» другого, проводились всякие подлые проверки «бдительности и надежности» личного состава отдела.

Я, простой сержант-переводчик, старался держаться как можно дальше от офицеров отдела и ни во что не вникать, чтобы не попасть в «разработку», так как понимал, что если узнают, что я скрыл свое социальное происхождение, это хорошим не кончится.

Но была у нас в штабе армии одна женщина, старший лейтенант, военфельдшер, она ходила с орденом Ленина на гимнастике, который получила, якобы за то, что вынесла с поля боя сотню раненых с оружием. Над этим орденом все потешались, эта военфельдшер поле боя за всю войну ни разу не видела, ее «боевые действия» происходили только в штабе, в генеральских кроватях, но она несколькими людям судьбу покалечила, видимо, по указке начальника Смерша.

Один раз, уже после войны, когда мы стояли в Веймаре, эта военфельдшер решила и меня «подвести под трибунал». Была арестована группа немецких девушек 16-18 лет, предположительно завербованных в «Вервольф», всех их посадили в глубокую яму и стали допрашивать. Так выполнялся приказ Берии о массовой проверке немецкой молодежи, членов гитлерюгенда, оказавшихся на территории, занятой нашими войсками.

Трое из них сразу согласились на сотрудничество со Смершем, и как-то одна из этих девушек заходит в комнату, где я находился, и начинает мне рассказывать, что вот ее изнасиловали наши танкисты, а я не такой, я порядочный, и фактически в открытую начинает предлагать себя.

Сразу понял, что здесь что-то не так, и когда внезапно открылась дверь и в комнату зашла эта военфельдшер-провокактор, то все стало на свои места. Это была подстава, за дверью только и ждали, когда я наброшусь на эту молодую немку.

Не все старшие командиры боялись Смерша, например, наш командарм Чуйков имел огромный авторитет и не боялся никого. Это был легендарный человек. Иногда мы по утрам наблюдали, как Чуйков ездит на лошади рядом со штабом армии, и в этих конных выездах его всегда сопровождал капитан-адъютант, родной брат Чуйкова.

Общаться с командармом не доводилось?

Нет. У Чуйкова в штабе были свои переводчики. Но один раз довелось увидеть Чуйкова близко. Второго мая 1945 года всему штабу армии приказали собраться в большом зале здания. Пришло в этот зал примерно человек восемьсот. Появился Чуйков со всеми своими заместителями, и тут я впервые увидел командарма, а также генерала Вайнруба.

Чуйков молча постоял минуту, а потом вместе со свитой развернулся и покинул зал.

Никто не произносил никаких слов, не было речей. Мы поняли, что так командарм вместе с нами помянул минутой молчания всех бойцов и офицеров 8-й гв. армии, погибших в берлинских боях.

Из большого начальства мне пришлось «пообщаться» только с начальником контрразведки фронта генералом Вадисом и его заместителем генералом Зелениным. После войны, когда эти два генерала смотрели трофейные немецкие кинокартины, меня привлекали к синхронному переводу во время просмотра фильмов.

Немцы после войны легко шли на вербовку и на сотрудничество с нашими армейскими спецслужбами?

Я был далек от оперативной работы, так что мало что могу сказать на ваш вопрос.

Методы склонения немцев к сотрудничеству были разными, например, как-то в Веймар привезли под охраной рыжеволосую немку. Потом стало известно, что это дочь Паулюса, и через нее «хотели повлиять» на фельдмаршала, заставить Паулюса выступить на Нюрнбергском процессе и заклеить вермахт как «преступную организацию»...Что добавить...

Немцы соревновались в доносах друг на друга, только если раньше обыватели «стучали» в гестапо, то теперь доносили в Смерш и в городские комендатуры...

«Немецкий отдел» Смерша 8-й армии привлекался для проведения специальных операций во время штурма Берлина?

Безусловно... Покойный Андруков, например, по указанию командования готовил спецгруппу, мечтал лично «поймать Гитлера», но не сложилось.

Вся деятельность отдела на территории Германии изобиловала интересными случаями и нестандартными ситуациями. В районе Вильгельдан был случайно обнаружен настоящий подземный город, все выглядело как обычная станция метро, и наше командование подумало, что именно здесь спрятан золотой запас рейха. Наша группа получила приказ пройти по коридору, ведущему от «города» в направлении на запад. Мы долго шли по узкому коридору, пока тропинка не оборвалась и мы не уперлись в яму. Спустили вниз на веревке бойца, но в яме ничего не оказалось, нам пришлось вернуться назад. Обнаруженные подземные секретные тоннели вели к Берлину на протяжении 60 километров.

В Берлине отделом КР армии был захвачен штаб Гимmlера. Утром колонна «Виллисов» (в каждой машине кроме водителя еще два человека) двинулась по улицам города в сторону рейхсканцелярии, справа от нас горел аэродром Темпельгоф. Водители вели машины так, будто родились в Берлине. Мы кинулись в здание, я с Мордвиновым сразу на 2-й этаж, где немец, унтер, стоявший на посту, даже не стал сопротивляться.

Мордвинов забрал у него пистолет «вальтер» и передал его мне.

Нами был захвачен один из подручных Геббельса, главный после него пропагандист рейха Ханс Фриче, и генерал Витков стал допрашивать его на месте, я переводил.

На вопрос: «Когда вы последний раз видели Гитлера?» — Фриче ответил: «Скорее всего фюрера уже нет в живых. Сорок восемь часов тому назад я видел, как солдаты СС несли канистры с бензином, и нетрудно догадаться... для чего...» Я повел Фриче вниз, к нашим машинам, он шел спокойно, подбрасывая в руках серебряную монету, а потом спросил: «Что будет со мной?» — и я ответил ему прямо: «Вашу судьбу решит командование».

30 мая было получено очередное задание — захватить документы на даче Геббельса в Ванзее.

Уже было известно, что Геббельс мертв. Мы точно знали, куда ехать, но когда прибыли на место, то удивились: ожидали увидеть роскошную виллу, а попали в скромный маленький дачный домик, заставленный бедной мебелью. Никаких документов или трофеев на даче Геббельса мы не обнаружили, я забрал фотографии его дочек, которые передал командованию. Запомнился белый ботинок-протез, который «остался без хозяина». В тот же день мне довелось побывать в еще горящем Рейхстаге, добрались до четвертого этажа, но там все было в дыму.

Расписываться на стенах Рейхстага я почему-то не стал...

Многие фронтовики в своих интервью говорят, что полковые и дивизионные оперуполномоченные отдела Смерш только «шили дела» по поводу и без и увешивали себя орденами, не совершая на фронте ничего героического.

Ваше отношение к подобным высказываниям?

Насчет орденов — я с ними соглашусь. В Смерше для офицеров на ордена не скупилась, и никто не мог понять, как «работает наградная кухня» в отделе контрразведки. Старший лейтенант Трайдук за полтора года получил четыре боевых ордена, при этом ни разу не был на передовой. Он, ни разу не ходивший за линию фронта и не принимавший участия в ликвидации какой-либо диверсионной группы, имел боевых наград на кителе больше, чем любой стрелковый комбат.

Рядовых красноармейцев и сержантов, служивших в Смерше, почти не награждали, только в самом конце войны отметили несколько человек орденами и медалями.

Я пришел в контрразведку с боевой медалью, и в мае 1945 года за участие в спецоперации во время штурма Берлина меня наградили орденом Красной Звезды.

А вот насчет огульной негативной оценки деятельности Особых отделов — это откровенный перебор. Количество обезвреженных органами контрразведки предателей, диверсантов, шпионов, карателей и прочей сволочи говорит само за себя.

Конечно, деятельность смершевцев непосредственно в передовых частях была неоднозначной, там действительно было много произвола, как тогда говорили — «Лес рубят, щепки летят», под трибунал на войне отдавали и подводили за любую мелочь.

В Смерше служили разные люди, были и такие сволочи, кто «шил дела», но были и порядочные и справедливые, те, кто рисковал жизнью и честно выполнял свой офицерский долг. Я всяких повидал. На эту тему можно говорить долго, но каждый останется при своем мнении...

Как вы можете охарактеризовать отношение армии к гражданскому населению?

Всякое случилось на первых порах после вторжения в Германию.

Я помню, что творилось первые три дня после захвата Штеттина, все дороги были покрыты перьями от перин, на подходах к городу были поставлены плакаты «Кровь за кровь!», а трупы гражданских тут и там не вызывали ни у кого удивления. Как будто монгольская орда прошла.

А когда командованию стало ясно, что пришла пора срочно обуздать мстительный порыв передовых частей, тогда и появился приказ маршала Жукова — «За насилие и мародерство отдавать под трибунал и расстреливать»...

Затем появилась статья Александрова «Товарищ Эренбург упрощает», и командиры вместе с политработниками и трибунальцами смогли вернуть дисциплину в армейских частях.

Сам факт, что из пехоты вы попали служить переводчиком в подразделение Смерш, как вами воспринимался? Насколько опасной была ваша служба в ОКР?

Я туда сам служить не напрашивался. Мне отдали приказ, я его выполнил. Конечно, на передовой, в пехоте, меня бы непременно убили, а так волею случая я уцелел на войне...

До Берлина оставалось километров шестьдесят, и тут я случайно столкнулся в штабе армии с лейтенантом-смершевцем из моего полка, который первым проверял меня на Никопольском плацдарме. Я спросил его: «Как там мой батальон?» — а он в ответ махнул рукой и произнес: «Никого не осталось»... В Смерше у меня было всего несколько случаев, когда я

мог погибнуть, а в пехоте у рядового бойца каждый день был как последний.

Погибнуть можно было везде: и на передовой, и в армейском тылу, смерть не всегда разбирала — кто, где, когда и кого первым к себе прибрать...

Кстати, один раз Трайдук фактически спас мне жизнь: мы шли по лесу, и я увидел на земле приоткрытую полированную деревянную коробку и только потянулся к ней, как Трайдук закричал: «Не закрывай! Это мина!» — так и оказалось...

В самом конце войны я чуть не погиб по-глупому. Во Франфуркте-на-Одере на территории конюшни был устроен временный лагерь для военнопленных, там собрали примерно тысячу немцев. Мы весной 1945 года все немного «расслабились», так как привыкли наблюдать, как тысячные колонны пленных спокойно идут в наш тыл под конвоем из семи-десяти бойцов, и мы вообще перестали чего-либо бояться. Я зашел на территорию лагеря один и сам не заметил, как немцы окружили меня «стеной» со всех сторон, да так грамотно это сделали, что охране лагеря я не был виден. И тут один верзила двухметрового роста валит меня на землю и начинает душить... Уже через несколько секунд раздался выстрел, пуля попала немцу прямо в лоб, и мертвый детина завалился на землю рядом со мной, а остальные отхлынули по сторонам.

Спас меня офицер из нашего отдела, лейтенант Гусев, молодой, смекалистый парнишка. Оказывается, он негласно меня страховал, и когда немцы «закрыли» меня, сразу почувствовал неладное, поднялся на вышку и с расстояния ста метров первым же выстрелом попал в этого «героя рейха». Посмотрели документы у убитого, думали эсэсовец, а оказался военфельдшером...

После войны вам не предлагали офицерскую карьеру в контрразведке?

Как вообще складывалась ваша жизнь в послевоенное время?

Предлагали, даже хотели послать на офицерские курсы, но я как мог откручивался от таких предложений, так как не хотел служить в Смерше по многим причинам, но в первую очередь опасался, что когда станут дотошно изучать мое личное дело уже «в мирных условиях», то факт сокрытия «непролетарского социального происхождения» мне дорого обойдется.

В 1946 году в Группе оккупационных войск в Германии стали довольно интенсивно арестовывать евреев, обычно из бывших «западников», им вменяли в вину измену Родине, якобы за намерение сбежать в Палестину через американскую оккупационную зону, и когда одного такого, старшего сержанта, провели под конвоем мимо меня, я понял, что и меня в любой момент могут вот так арестовать и обвинить в чем угодно...

Я попадал под указ о демобилизации из армии как бывший студент, но уйти на гражданку получилось только в 1946 году. Незадолго до этого брат написал мне письмо — «... если надумаешь демобилизоваться, поезжай в Москву, к родителям моей жены, они тебя примут...» Так я и сделал. В Смерше мне выдали справку, что я служил переводчиком в отделе контрразведки, и на прощание капитан Мордвинов вдруг произнес: «Если тебе на гражданке не понравится, то в течение месяца ты можешь вернуться к нам»...

Поехал в Москву, решил поступить на учебу в Институт иностранных языков.

Ректор при приеме посмотрел на меня: «А вы вообще советский гражданин?»... Я был одет в приличный заграничный костюм, привезенный из Германии, и это его озадачило, так как подавляющее

большинство демобилизованных еще долго донашивали кителя и гимнастерки. Приняли меня в иняз без долгой волокиты: демобилизованный фронтовик, орденосец, знает несколько языков, бывший студент, раз в Смерше служил, значит, проверен и благонадежен, так что тут не к чему было докопаться, по закону обязаны были зачислить.

Я стал студентом 1-го курса немецкого отделения Института иностранных языков.

В группе 15 человек — почти все студенты были из семей профессуры или посольской номенклатуры, но были и дети крупных руководителей страны, со мной в одной группе училась, например, дочь министра тяжелой промышленности Малышева. Из нашей группы готовили референтов. На всю группу — только двое «без роду и племени», не имеющих отношения к элите: я и еще один парень — еврей, из бывших диверсантов, мой одноклассник, кавалер нескольких орденов. Это был молчаливый, совсем седой парень, и как-то в откровенном разговоре он мне сказал, что три года провоевал в немецком тылу.

Но через год я решил оставить учебу и вернулся в Кишинев. Восстановился на учебе в своем сельскохозяйственном институте, на факультете виноделия и виноградарства. В 1951 году стал работать в Кишиневском филиале Всесоюзного института виноделия (сам институт находился в Ялте), в 1955 году стал заведующим лабораторией республиканского ВинТреста, а потом работал в НИИ виноделия, и за организацию первого в СССР поточного производства хереса был удостоен Госпремии. В 1972 году родной брат уехал в Израиль, а в 1979 году я решил уехать из СССР и подал прошение на выезд в ОВИРе. Меня вызвали в республиканский КГБ, и там один полковник начал меня «уламывать»: «Ваш брат уехал, а сейчас и вы за ним... Что вам не хватает? Мы всем вас обеспечим,

только попросите. Мы предлагаем вам написать статью с осуждением эмиграции. Это в ваших интересах. Откажетесь — пожалеете».

Я сказал ему, что мне всего хватает, от советской власти мне ничего не нужно, но ничего никуда писать не буду, и полковник мне клятвенно пообещал, что меня никогда из СССР не выпустят.

Я смотрел на этого «лопающегося» от своей важности полковника и усмехался про себя, ну куда ему до наших офицеров Смерша из 8-й гвардейской армии, те были орлы хоть куда, а этот... измельчал нынче народ... Уже тридцать лет как я живу со своей семьей на исторической Родине.

Интервью и лит. обработка: Г. Койфман

Горожанин Константин Иванович

В восемнадцать лет по комсомольскому призыву я ушел из дома в только что созданную отдельную бригаду особого назначения, как ее потом назвали, спецназ образца 41-го года. (ОМСБОН — *Отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД.* —

Прим. С.С.) В июле месяце ЦК комсомола было принято решение о призыве в бригаду добровольцев. Это касалось 14 областей европейской части СССР: от тех областей, что еще не были оккупированы, и до самого Урала. Из остальных регионов страны не тронули никого. Всего было призвано около 200 человек моего возраста: из Рязани, из Ярославля, из Казани, из Иваново... Нормальные ребята подобрались. Никакой особой характеристики из школы от нас не требовали. Тогда все решала комсомолия и местные районные, а потом они делегировали свои решения дальше в область, в Пензу. Кстати, я с Пензы. Нас оттуда пришло человек 20. В бригаде сформировали два полка. Первый полк — интернациональный. Он просуществовал недолго, потому что набирался из детей интернационалистов из разных стран: немцев, поляков, французов — почти всех национальностей Европы. *(Около сотни болгар, а также немцы, австрийцы, испанцы, американцы, поляки, чехи, румыны, китайцы и даже шестеро вьетнамцев! — Прим. С.С.)* Знаете, у нас с ними случалось некоторое недопонимание. Все-таки сказывалось различное воспитание и иной менталитет. Приведу пример. В столовой садимся за стол, и вдруг кто-то из них громко пукает... Мы в шоке, а они ха-ха, для них это нормально. На первый раз им это сошло с рук, но когда это повторилось еще раз, кто-то из наших ребят им популярно объяснил, что так себя за столом не ведут.

Одно время мы были вместе, но потом, в 42-м году, разделились. Их всех рассредоточили по разным местам. В Подмосковье были такие точки, где органами безопасности готовилась определенная агентура. Требовалось уйти в темноту от всего света, чтоб никто не мешал. Их там подготовили и к концу 42-го года разными путями направили в свои страны для организации сопротивления немцам. А наш второй полк

полностью состоял из соотечественников. В основном это были национальные кадры наших союзных республик: пограничники, чекисты, спортсмены-динамовцы из Москвы, студенты старших курсов, чемпионы Москвы по разным видам спорта... Много интересных ребят было в этом полку! А командовал им, от начала до конца, Сергей Вячеславович Иванов, полковник-пограничник. Помню его сестру. Она у нас работала библиотекарем в октябре 41-го года, когда мы съехались из пригородов. Москве в тот период всерьез угрожало взятие. Хорошо, что фон Бок остановился для формирования подкреплений, если бы он наступал в то время...

Вы помните эту московскую панику? Грабежи магазинов и прочее...

Даже не знаю. Я что-то такого не припомню! Может быть, где-то на окраинах и было. Но на Малой Бронной, где находились мы, такого не наблюдалось. Мы там патрулировали. Там были две дивизии НКВД.

Вы кого-нибудь задерживали? Опишите случаи, пожалуйста.

Очень много задерживали. Ведь немцы так быстро наступали, что отрезали большие колонны беженцев. Среди них отбирали кого-то по внешним признакам, по каким-то определенным человеческим показателям. Сто-двести человек отберут и сразу предлагают работать на них. Это называлось в то время в чекистских органах — тотальная вербовка. Этаким конвейер. Да, это делалось очень-очень просто. Они прекрасно знали, что большая часть работать не будет. Но если кто-то публично вставал в позу, его просто расстреливали! Что было делать остальным? Приходилось давать подписку. И здесь уже чистая

математика: они знали, что из тысячи человек хотя бы сотня да проникнет в Москву.

Мы приехали в первых числах октября и сразу были переданы в распоряжение инженерных войск Западного фронта. А командовать им, то есть обороной Москвы, уже прибыл Жуков, которого отозвали из Ленинграда.

Каким был состав патруля?

Солдаты с сержантом или с офицером.

Кого вы задерживали? Молодые люди, в возрасте?..

В основном в возрасте. Вероятно, это те люди, которые имели какую-то обиду на советскую власть. Они использовали предложение немцев, чтобы хоть как-то напакостить...

Кто-нибудь оказывал сопротивление?

Конечно. Среди них зачастую встречались вооруженные диверсанты. Но это уже отдельная категория людей, из тех, кого забрасывали в Москву. С ними происходили быстротекущие столкновения. В Москве же было как. Комендантский час в 19 часов — все, на улицах ты уже никого не встретишь. Если кого-то видишь, то у этого человека должна иметься какая-то «ксива», разрешающая ему передвигаться во время комендантского часа. Там вопросов-то нет! Вся Москва ночью погружалась в темноту — строжайше соблюдалась светомаскировка. Ну, а когда налет самолетов, вот тогда начинается «веселье»... Вы знаете, Москву очень много бомбили, и, к сожалению, надо признать, что им сигналили во многих местах. Таких приходилось отлавливать.

А днем наши группы выезжали по Волоколамскому, Можайскому и Клинскому направлениям фронта, где мы

создавали минно-танковые заграждения. В дневное время мы выполняли задания командующего инженерными войсками Западного фронта. Нам давали определенный участок-направление, и мы этот участок минировали. Использовались мины М-5. Деревянная мина с брикетами тола по 400 и 200 граммов. 400 граммов удобно укладывались, как раз под размер ящика в пять килограммов. Хорошие, неизвлекаемые мины. Упрощенный взрыватель — нажимай и «поехали»! Так жахнет, что танк переворачивался!

Тот период, с октября по ноябрь, дни и ночи — все слилось в одно целое. А вот 7 ноября не забыть никогда. Мне выпала честь участвовать в военном параде. Это было интересно! Кстати, разных корреспондентов, вашего брата, там не было вообще. Потому как обычно все парады начинались в 10 часов, а этот парад, для сохранения секретности, было принято решение провести в 8 часов утра! И корреспонденты, когда проснулись, узнали, что парад уже идет. Тогда Иосифа Виссарионовича Сталина попросили, и он не смог отказать им, повторить свою речь, которую он произнес с мавзолея Ленина на Маяковке...

А вы на параде в каком ряду шли?

Я стоял в охране. Наш пулеметный батальон уже там создавал узлы сопротивления. Общеизвестно, что фон Бок и другие немецкие командующие дали слово Гитлеру в кратчайшие сроки захватить Москву и отпраздновать это в Кремле! Поэтому в Москве все радиальные улицы, которые вели к Кремлю, готовили к уличным боям. Буквально из каждого окна торчал ствол. От Малой Бронной по дворам были проделаны проходы. На Пушкинской площади стоял такой овальный угловой дом, по-моему, трехэтажный, старинной еще постройки. Там на балконе одной из квартир второго этажа стоял мой пулемет.

Великолепная огневая точка: и туда, и сюда, и улицу и площадь можно обстреливать. Хозяев квартир уже не было. Нам дали ключи. Хорошие такие квартиры, видимо, не бедные жили люди. Однако чувствовалось, что они очень спешили уехать. Может быть, их торопили на производстве или еще где... В раковине было полно грязной посуды. Мы ничего не тронули, все осталось в целостности и сохранности. Мало того, еще им и посуду помыли (*смеется*), чтоб она не пахла.

Каковы тогда были настроения?

Нормальные! И знаете, что особенно нам поднимало дух? В октябре мы услышали песню «Вставай, страна огромная!». Это просто нет слов!!! Нет слов! Совершенно меняло настроение у всех! Удивительно, это как надо было подобрать такие слова, чтоб произвести столь мощное воздействие на человека. Я услышал эту песню в исполнении самого хора Александрова в ДК Красной армии, иногда нас отпускали. Это был единственный театр, который работал в тот тяжелый период.

Чему вас успели научить?

Когда мы в сентябре приехали, то расположились в Зеленограде. Там пробыли до октября месяца. Ездили в Мытищи на стрельбище. Потом в Зеленограде учились рыть окопы, изучали оружие, штыковой бой, совершали длительные переходы, бегали на длинные дистанции... Вы знаете, нас изматывали до предела!

В ноябре 42-го мы дислоцировались в 3-й школе связи НКВД имени Менжинского, это на Бабушкина. Потом постепенно всех начали выводить из Москвы. Одна за другой убыли за линию фронта группы Озмителя, Прокопюка, Ваупшасова, Прудникова, Медведева...

(Озмитель Ф. Ф. — командир отряда особого назначения «Гром», ГСС посмертно от 5 ноября 1944 года.

Ваупшасов С. А. — легендарный советский разведчик, с марта 1942 года командир отряда особого назначения «Местные», ГСС от 1944 года.

Прокопюк Н. А. — командир партизанского соединения «Охотники», ГСС от 5 ноября 1944 года.

Прудников М. С. — командир партизанской бригады «Неуловимые», ГСС от 20 сентября 1943 года.

Медведев Д. Н. — командир отряда особого назначения «Победители», ГСС от 5 ноября 1944 года, автор широко известной книги «Это было под Ровно». — Прим. С.С.)

Какое впечатление на вас произвел Ваупшасов?

Некрупный, среднего роста. Нормальный такой мужичок (улыбается). Что еще тут добавить?..

На каждые проводы групп обязательно приезжал начальник 4-го управления, сам «хозяин». Это были интересные встречи...

(Речь идет о начальнике 4-го управления НКВД СССР П. А. Судоплатове. — Прим. С.С.)

Он всегда приходил провожать отбывающие на задание группы. Это стало традицией. Потом и нас провожал. Отлично его помню. По-мужски привлекательный внешне, обладал мощным интеллектом и обаянием. Как эффектно он внедрился в националистическое подполье. А эта хладнокровная, мастерски исполненная ликвидация Коновальца!

Великий человек! Я лично бывал у него на даче. Его домик на Можайском шоссе в 41-м году занесло снегом. А он тогда жил там. Ну и попросили послать туда ребят почистить снег. Мы вдвоем ездили. Видел его жену, дачу видел... такая одноэтажная хибарка, ее из-за снега даже не видно было (*смеется*). Все завалило снегом! Мы расчистили тропы, дорожки, двор.

Еще зимой отдельные небольшие группы-подразделения начали забрасывать в тыл к немцам. Первым героем у нас стал секретарь комсомольской организации Бломберг (?). Их группу в количестве 25 человек во главе с капитаном Лазняком направили в прифронтовую разведку. Требовалось пройти определенным маршрутом по ближним прифронтовым тылам немцев. Шли на лыжах. Все спортсмены, молодые, здоровые ребята. Они понаделали немало шороху по деревням. Потом уже, когда немцы очухались, их придержали в деревне Хлуднево. Оттуда они уйти не смогли. Группу зажали и всех перебили. Парни отбивались до последнего. После ранения Лазняка командование группой принял Бломберг (путает фамилии, на самом деле — Лазарь Паперник. — *Прим. С.С.*). Как сейчас помню, под 2 метра ростом, здоровый парняга. Ему посмертно присвоили Героя, а остальным ребятам — ордена Ленина. Лазняка, который был ранен в начале боя, смог вытащить через линию фронта его ординарец Коля Сафронов (?). Николая наградили орденом Красного Знамени.

(На рассвете 23 января группа лыжников ОМСБОНа под командованием К. З. Лазняка в составе 23 человек нанесла отвлекающий удар по деревне Хлуднево с целью обеспечения наступления 1103-го полка 328-й дивизии полковника П. А. Еремина. Однако 1103-й полк в заранее обговоренную атаку не пошел. Группа

вынужденно втянулась в затяжной бой. Одним из первых был ранен командир отряда К. З. Лазнюк. Командование принял Лазарь Хаимович Паперник — ГСС посмертно от 21 июня 1942 года. В бою погибли: комиссар М. Т. Егорцев, младший лейтенант П. Н. Слауцкий, старшина И. Е. Бойченко, военфельдшер А. П. Молчанов, сержант Г. В. Серяков, красноармейцы В. П. Аверкин, М. А. Аулов, П. И. Бочаров, А. А. Бриман, М. В. Головаха, Е. В. Дешин, В. Я. Захаров, А. И. Кишкель, И. Г. Копытов, П. Ф. Лебедев, И. И. Лягушев, В. Ф. Москаленко, А. Н. Олесик, М. В. Соловьев, А. П. Храпин, М. М. Ястребов — все награждены орденом Ленина.

Вынесшие из боя раненого командира бойцы А. Кругляков и Е. А. Ануфриев награждены орденом Красного Знамени.

В январских боях был ранен участник отряда Семен Гудзенко, автор знаменитых строк:

Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины.
Разрыв —
и лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо.
Но мы уже
не в силах ждать.
И нас ведет через траншеи
окоченевшая вражда,
штыком дырявящая шеи.
Бой был коротким.
А потом
глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из-под ногтей

я кровь чужую.

(С. Гудзенко был ранен в середине января. — *Прим. С.С.*)

В начале июля нас сняли с подготовки и целым батальоном вывезли в Тульский район, где остановилась линия фронта. Мы там готовили дороги к взрывам. Было знойное лето — земля, как камень! В подушке дорог мы делали шурфы, где-то сантиметров на 80, но заряды в них до поры не закладывали...

Ну а потом снова подготовка. Отряды непрерывно отправляли, отправляли... Из нас начали сколачивать отряд для выполнения специальных заданий в Карелии. Особый упор делался на физическую подготовку, и особенно — на лыжи. Изучая карту Карелии, мы смотрели и удивлялись, сколько там болот. А потом нам пришлось пройти по этим болотам с Заонежского района почти до Кандалакши.

В Карелию ехали поездом. Кировская железная дорога Ленинград — Мурманск уже была перерезана немцами. Мы ехали временкой через Вологодскую область, по болотам и гатям. Поезд шел медленно. Остановились в Шижне, пригороде Беломорска. Там мы увидели поселения строителей Беломорско-Балтийского канала. Всё говорили, что они там в грязи копались да в землянках жили... Хрен там! Вот сколько лет уже прошло после сдачи Беломорканала — а шел 43-й год, январь месяц, — дома эти были как новые! Из здорового сосняка, отличные рубленые дома! Жилые помещения на пятнадцать человек, разделенные на комнаты. Хорошая столовая, она же клуб...

Так это наверняка для охраны или для вольнонаемных...

Зачем?! Для заключенных! Какие вольнонаемные?! Там у них и медицинский пункт, мастерские, ремонт обуви, пошив... Это все стояло на берегу канала! Им на работу далеко и ездить не надо было! А какая баня хорошая! Всё было!

Где-то в первых числах марта мы прибыли. Пока адаптировались, осматривались...

Адаптация проходила почти два месяца. Мы усиленно тренировались на лыжах, пробовали себя на разных расстояниях. И последней нашей пробой стал находящийся от нас в 35 километрах небольшой городок Сосновец. Нас снарядили грузом по 10 кг, и мы в темноте, где-то часов в 9 вышли на лыжах в направлении этого соснового городка. На следующий день до темноты вернулись обратно. 70 километров! И это тебе не подмосковный снег, который установился и будет неделями стоять без изменения, и лыжная мазь к нему одна и та же. А там с тундры подул ветер — наст! Уже идешь по корке изо льда. Подуло с Белого моря — оттаяло, липнет. И вот так во время того перехода погода менялась несколько раз. Лыжи не снимешь, не смажешь другой мазью. Ведь с собой же все не возьмешь! Да, было-было... Никто не захотел бы повторить это!

Кстати, тренировки под Москвой нам проводил Коля Кепанов, мастер спорта. Идет там впереди, костюмчик у него, ботиночки... А мы полы шинели завернем, чтобы не мешали, за ремень — и пошел! 30-50 километров ежедневно, кроме воскресенья. Уже потеть было нечем!

Опишите вашу экипировку перед выходом в рейд.

Одежда — самая примитивная, полувоенная: ватники, телогрейки. Вооружение нормальное, автоматы, ножи... Пулеметы не брали, потому что это слишком тяжело. Исключительно оружие ближнего боя.

Нам категорически запрещалось инициировать любые бои. Только уходить! Главное — это выполнить задание, а немцев поубивают другие. Но правда, один эшелон живой силы мы все-таки свалили. И никаких маскхалатов! Там уже весна начиналась. Южная Карелия... если вы не были, то побывайте! Это самые красивые места в российских весях. Дальше туда от Беломорска идут большие озера, да и собственно в самой Карелии, в Заонежском районе, есть разные озера и отроги, до самого Онежского озера, но немного севернее, там уже болота. И знаешь, пока мы были в Беломорске, мне довелось видеть Андропова. Он тогда работал секретарем ЦК комсомола и был членом штаба партизанского движения...

Сколько вас было в группе?

Двадцать два человека. Командира назначили из местных, не из бригады! Он был сотрудником НКВД Карело-Финской ССР.

Как вы прошли через линию фронта?

Есть на Онежском озере такая красивая река Водла, а в ее устье находится местечко Шала (поселок Шальский). Там размещалась пограничная застава. Вот мы прибыли туда в поселок леспромхоза, побыли какое-то время. Потом реквизировали у леспромхоза пару байд, такие огромные лодки. Просверлили дыры в днищах, закрыли их системой кляпов. Прицепили лодки к катерам военных пограничников. Они нас морем (озером) перевезли и высадили почти в километре от базы катеров немцев, в районе какой-то губы, в Заонежском районе. (*Южнее Медвежьегорска. — Прим. С.С.*) Часть нас шла на катерах, а остальные ехали с грузом в байдах, на каждого было примерно по 30 килограммов. Остановились в полукилометре от берега. Мы пересели в эти байды, подошли потихонечку к

берегу, выгрузились. Потом набросали в лодки камней, убрали кляпы и оттолкнули их от берега. А там сразу глубина — лодки тихо ушли под воду. Вроде бы и никаких следов нет.

Двинулись. Километра через три нам нужно было переходить железную дорогу, что идет на Петрозаводск. В районе Масельгской она была перерезана. От Масельгской можно было уехать в Мурманск. А на юг дорога шла вдоль Онежского озера. Вот эту линию нам надо было перекрыть. Восемь неизвлекаемых мин мы поставили примерно на километровом участке. Спокойно так, словно на учениях. Будка обходчика там... Разведка проверила — никого нет. Я потом все сравнивал с Белоруссией...

Отправили радиограмму: «Операция по высадке прошла нормально. Заложили мины. Идем в намеченный пункт».

Мы тогда еще недалеко ушли, потому что у нас получился такой зигзаг. Нам дали задание обследовать прифронтовую полосу и выяснить, какие силы немцев и финнов стоят перед нашими войсками. Дальше Масельгской сплошной линии фронта уже не было. Это там, далеко, шла битва на линии Мурманск — Кандалакша. А здесь из-за такой болотистой местности окоп не выроешь, ничего не построишь. Поэтому немцы стояли на сушняке, островками... Мы потом насканивали на их гарнизоны в лесах. Они на островках, мы — на островках, а разведка — туда-сюда лазила друг к другу.

А первая мина взорвалась, когда пошел эшелон с Масельгской, который вез немцев на отдых в Петрозаводск. Насыпь там метра на три, наверное, была поднята. Так он весь туда «комнулся». И тут мы почувствовали, что «обозначились», — нас уже ждали в определенных местах. Хоть и 20 человек, но, несмотря на все предосторожности, следы все-таки остаются...

Как проходит ночь? Костер можно разжечь, закурить?

Костер старались жечь без дыма. Закрывали плащ-палатками. Вот он освещает чуть-чуть — погрелся, портянки посушил... На болоте не спали, останавливались на сухих местах. Лапника, где можно порубишь.

Есть там такой городок Паданы (*50 км северо-западнее Медвежьегорска. Прим. — С.С.*). Мы там должны были встретиться с агентурой. Немного не дойдя до Падан, мы почувствовали, что нас преследуют уже с собаками. Они плотно шли по следу. Нас спасло то, что мы вышли на многокилометровое болото, с таким вот слоем (*показывает*)... Мы рискнули пройти через него. А немцы, или финны, или полицаи, жандармерия ли, которая за нами гналась, — они не пошли.

У нас у каждого были длинные палки по три метра. Мы не знали, сколько надо обходить, но нам нужно было идти! И мы рисковали, и шли. Выработалось такое чувство невесомости. Вот ты идешь, и как будто тебя земля не чувствует. Шагнуть грубо — провалишься! Шагнуть надо как-то по-особому, по-особому нежно, аккуратненько, и тут же быстро оторвать ногу. Ну, проваливались, конечно! Выручали эти длинные палки: кто-то подходил, осторожно вытаскивал. Всё было!

Значит, прошли мы это болото. А потом после него второе. Удачно встретились с агентурой: там мельники жили, карелы, из местных. Послали к ним несколько человек. С нами же шел оперативный работник, он себе сопровождающих выбирал сам. И еще один местный был, парень из Беломорска. Видимо, уже давно с ними работал. Он тоже ходил на встречу. Николай, кажется, рыжий такой парень. Оперативника фамилию мы не знали. Да он мог и не сказать из соображений

секретности. Мельники нас, помню, снабдили продуктами...

И так вот мы шли. В одной из стычек потеряли двух человек. На лесной тропе просто-напросто уткнулись в противника. Ведущий немножко прозевал. Вот... Они там впереди как-то рассыпались немножко, и мы их потом так и не нашли. Живы они или нет, не знаю. Эрта Фин — учитель, карел. И еще один из местных.

А через недели две случилась еще одна неприятность: у нас вышла из строя рация. Мы предварительно договаривались, чтоб нам на определенных участках сбросили питание, одежду, боеприпасы, но...

Таким образом, больше сообщений от нас не поступало. Вероятно, в центре посчитали, что группа погибла.

Потом закончились продукты. Дальше мы шли полуголодные. В октябре месяце добрались в конечную точку маршрута. Нужно было выходить к своим, и не было сил. Утром встаешь — ледок. А вместо сапог уже одни обрывки. Из еды только клюква, брусника или мороженые грибы. Все! Больше ничего нет. Мы были уже почти трупы и фактически буквально заставляли себя двигаться. Истощенные, измотанные...

Мне кажется, что мы вышли к Сегозеру. Так вот я называю его сегодня, но могу быть не совсем точен. Перешеек! Мы вышли к перешейку. Стоял такой шикарный солнечный день. Прилегли мы там, осматриваемся. Тупик, скала спускается в воду метров на 20. Солнышко взошло, пригрело нас! Слева смотрим — амбразуры дотов. И весь перешеек длиной метров 150, начиная от уреза воды... в общем, весь опутан проволокой и подвешены мины натяжного действия. Это финны ставили. Примитивные штуки: «сотка»-труба заливается толком, и на растяжку. Всё! Они не мучились придумками. Но зато как шарахнет! Посмотрели-

посмотрели, все как-то грустно. Потом обратили внимание, что по краю перешейка проволока протянута не дальше в воду, а как-то примята между водою и небольшой тропочкой. И вроде кто-то там по ней ходит. Мы настолько близко подошли, что было слышно, как кто-то ехал на телеге. Лежим и смотрим на амбразуры дотов. Пустые или с пулеметами? Откуда мы знаем?! И что делать нам? Сил нет вернуться, обойти... И тогда кто-то предлагает: «Командир! Все равно нам хана. Дальше этого места, наверное, не уйдем. Может, рискнем?!» По карте, когда сверились, поняли, что с этого места просека идет прямо в расположение наших войск. И там большая нейтральная полоса. «Ну, а что?! Давайте сейчас! Пойдем внаглую! Спокойно, уверенно. Будем идти, не оглядываться назад! Друг за другом, с небольшим разрывом. Спускаемся и идем!» Так и сделали! Мы исходили из чего? Ну, если это и отряд? На виду у амбразур не пойдет же?! Не хватит ума идти на виду амбразур? Значит, идут свои! Значит, они не первых нас пропускали по этой дорожке. И вот это нас спасло.

Было 12 часов дня. Кожей чувствуешь — смотрят. Волосы на загривке дыбом! Мы эти 150 метров, наверное, свинцовыми ногами шли и все ждали — вот-вот, вот-вот, вот-вот. А там высота скал, наверное, метров с 15. И с того гребня мы, как цыплята, — бей на выбор! Никуда не убежишь. Слева — проволока, справа — вода. И когда перевалили уже, тут так смеялись от облегчения. Такой пережили психологический стресс, такое было состояние.

Отдышались немного и пошли дальше. И вот мы эти 12 километров по той просеке до тригонометрической вышки, что на карте была отмечена, два дня шли. Каких-то жалких 12 километров! Пока шли, слышали в лесу и на болоте русские голоса. Но не побежим же мы туда?! Ноги у всех распухли. Люди были на последнем

дыхании. На третий день просека вывела нас прямо к штабу бригады НКВД полковника Макарова. Когда у штаба бригады появилась ватага мертвецов, вооруженных автоматами, у всех глаза были по пять рублей: «Вы где прошли?! Как?!» Нас, конечно, встретили очень хорошо. Предоставили нам теплую землянку. Как попали в тепло — ё-моё! Еду варят, кашу. Тут мы глупость большую сделали! Раз-раз, каждый получил полный котелок каши. Могли там же все замертво лечь от заворота кишок. Но слава богу, природа не позволила нам убить себя. Ложки четыре съел — всё, не лезет. Они опомнились, говорят: «Давайте сюда. Мы вам потом принесем»... — «Не-не-неее! Пусть рядом полежит!» Проходит час-два, опять позыв кушать. И какой страшный! Еще пару ложек съешь. До чего же ребята хорошую кашу сварили, да с консервами. Вот так мы там в себя приходили. Все наше барахло горелое, дырявое сняли с нас, дали другое, нашли нам сапоги и телогрейки. Сообщили о группе в Беломорск. Потом повезли на лошадях к поезду, показали нам вагон. Заходим, а там сидят местные жители. Мы в старых латаных телогрейках, с оружием, шумные. Все эти местные, гражданские — шшшух прочь! И вагон опустел. Пришлось нам одним ехать. Ну, потом в Шижне и врачи, и отчет по результатам. Рассказали, что да как, сдали материалы. А когда мы нашу рацию принесли в мастерскую, то оказалось, что там просто-напросто один проводочек отскочил, и всё. Всего лишь! Хорошо, мы ее еще не выбросили. Вот такая техника была примитивная.

Знаете, с Шижней связан один момент. В Карелии партизанское движение существовало с начала 41-го года. Там сражалась одна партизанская бригада. Но к 43-му году все сопротивление было практически немцами уничтожено. И там действовали только оперативные группы по линии органов безопасности.

Когда мы находились в этом городке Шижня и готовились к рейду, нам показали склад личных вещей. Это были вещи тех, кто входил в состав оперативных групп. Не партизан, а именно работников оперативных групп, ушедших на спецзадания в Карелию в 41-42-м годах. Огромный склад: чемоданы, вещмешки, баульчики... Всё как лежало, так и лежит. Ни один не вернулся за своими вещами!!! Гнетущее впечатление. Мне пришлось участвовать в проходах одного бывшего милиционера. Их вместе с радистом забрасывали в район, где он раньше работал участковым. На самолете «Р-5», по-моему. Такой зеленый одномоторный самолет. Мы из Сегежа их провожали. А перед этим паковали их вещи в мешок: продукты, снаряжение, одежду — всё, что им было нужно. Килограммов на сто, наверное, мешок. Упаковывал лично я. Нас тренировали, чтобы был навык. Как парашют правильно сложить, и прочее...

А по судьбе этого милиционера что-то?..

Не знаю. Улетел, и всё. Личные вещи на складе остались...

После Карелии вас направили в Белоруссию?

Да. Мы из Карелии вернулись в конце ноября, декабрь пробыли в Москве. Отъелись, подлечились. Группу расформировали. Нашего командира Борисова я больше никогда не видел. Не знаю, как у него сложилась судьба. В новой группе с Карельского отряда были только мы с Гришей Скрипкиным. Формировались опять в Подмосковье. Одна группа сменяла другую. Люди приходят, месяц отдыхают, формируются, и снова туда. Количественный состав был тот же — 22 человека. Командир — Распопов Дмитрий Павлович. Медсестра — Татьяна Александровна Александрова, бывшая студентка Московского института физкультуры.

Она закончила курсы медсестер и попала к нам. Группа именовалась «борцы».

Вас десантировали с самолета?

Нет. Мы заходили через линию фронта, которая к 43-му году отодвинулась уже далеко в Белоруссию. Сначала нас подвезли на поезде, а потом мы должны были встретиться с партизанской бригадой, которая после отдыха и перевооружения уходила в тыл к немцам из Овруча. Их человек двести-триста было. Но мы опоздали, они уже прошли. Поэтому нас машинами, до предельно близкого расстояния подвезли к линии фронта. Я знаю только, что линию фронта мы переходили вот в этом месте (показывает на карте). Прошли на участке Давид-городок.

10 января приключилась страшная оттепель. Припять так разлилась, да там еще низкая местность, пойма. Причем похоже, что в довоенные времена Припять в тех местах обваловывалась. Ну а сейчас война, и кто там будет этим заниматься? Километра на три от Припяти всё было залито водой. Выбирать не приходилось, если дали задание в этом месте перейти линию фронта, переходи!

Вот мы идем, и говорю я Татьяне Александровне... а мне было поручено ее охранять и беречь рацию. И кроме своего снаряжения, я еще нес динамо-машину для рации. А она весила двенадцать килограммов. Кроме того, нас снабдили аккумуляторными батареями. Это тяжелые такие, килограмма по три, не меньше, батареи. И вот идем мы по разливу, и если нам вода по грудь, то Татьяне уже под горло. Тогда ребята берут ее за подмышки и волокут. Вот плывет она, значит, и подвизгивает: «Йопт твою! Йопт твою! Как же мне холодно! Как же мне холодно!» (смеется).

Потом нашли там долблёнку. А у нас с собой имелись парашютные тросы. Натянули их через реку,

хотели уже было закрепить окончательно, вдруг слышим — тух-тух-тух-тух! Мы тут же вдоль обвалованной земли рассредоточились. Оказывается, это дефилирует немецкий катер. Ему там позволяет глубина! Проходит мимо нас, здоровый такой, с пушкой и пулеметами. Мы тогда приостановили форсирование, решили узнать, в какие же периоды он проходит. А на берегу кто-то уже жил, стояли какие-то шалаши. Мы немножко там обсушились, привели себя в порядок. Определили время прохода катера и по одному в этой долблёнке начали переправляться. Вот опять же риск! Примерно 150 килограммов выдерживает эта стропа. А хрен его знает, какого она качества! И вот так несколько часов подряд: мешок — человек, мешок — человек. Так перебрались. Прошли через лесной массив, зашли в деревню — немцев нет. Привели себя в порядок и пошли в свою зону. Наша зона — это Оленец, между Борисовичами и Барановичами, дорога Минск — Варшава, так называемые Машуковские леса. Мощные, красивые леса, с болотами...

Да, забыл сказать, перед форсированием Припяти произошла небольшая стычка с полицейскими. Они где-то награбили имущества и продовольствия. Мы их попросту разогнали, даже не стали убивать.

Маршрут нам корректировали по радио. У них в Москве, в центре в руководстве 4-го управления был штаб, с которым все партизанские отряды имели радиосвязь. Путь получился сложный: приходилось даже проходить через узловые железнодорожные станции! (Смеется.) Паровозы туда-сюда мотаются — как обходить? А если патруль? Это тоже риск!

Какова была основная цель вашего отряда?

Если в Карелии преобладал разведывательный интерес, то в Белоруссии ставились задачи разведывательно-диверсионные. Дали нам новые мины.

Был один инженер в Москве, который возглавлял подразделение по изготовлению специальных мин. Вот это его творчество. Использовали мы и английские магнитные мины. Но вы знаете, они очень неудобные. На каждой мине стоял элемент «Эл». Это на растяжке металла: шток, провод, пружина. Там примерно 300 граммов очень мощного взрывчатого вещества. И к ней набор взрывателей, рассчитанных на время от нескольких часов до одних суток. Можно ее прикрепить к бакам, к цистернам. Такой черный эбонит, а внизу магнитные прицепки. Она хорошо держится и незаметна. Но в основном мы применяли наши мины. Закопал, замаскировал ее и предварительно провода наружные соединил. Через 20 минут она уже становится неизвлекаемой. Начинают действовать замыкатели, инерционные и вибрационные. Это, к примеру, маятник, как у часов, а в середине замыкатель в виде грузика. Если будешь трясти, он достанет до контакта и будет взрыв. Поэтому их часто применяли на железной дороге. Электрохимические взрыватели использовались: кислота за определенный период времени разъедала стенку и замыкала контакты.

В феврале организовали базу. И в конце месяца две наши группы уже вышли на точки. Мы остановились в селе Голынка. Хозяином хутора был Адам Бобко. Мы его не трогали и особо на него не рассчитывали, сами ходили на заготовки. На хуторе стояло домов пять. Все жители — его дети и внуки. Адаму было лет 65. Он жил с бабушкой и с дочерью, вел образцовое хозяйство: корова и прочая живность. Правда, лошади уже не было — партизаны отобрали. Но телега у бани стояла хорошая. Когда мы уезжали, все-таки ее у него реквизировали. Нас накануне июльского наступления отозвали в Москву. Из польского рейда на Пинщину тогда как раз вернулась бригада Вершигоры. А у него вся разведка бригады состояла из наших ребят. Так что

в гостях у нас бывали, самогонки много выпили. Довелось мне пообщаться и с самим Вершигорой.

Опишите, пожалуйста, вашу деятельность в тот период, когда вы жили на хуторе.

Во-первых, разведка. Ведь хутор стоял в трех километрах от немецких гарнизонов. Это достаточно близко. И от железной дороги Минск — Варшава недалеко. Опять же Беловежская Пуща неподалеку. У Адама был сарай с выходом прямо в ольшаник. Мы оборудовали для себя этот сарай, сделали подземную кладку, на случай неожиданного отхода. Жили в этом сарае, собирали информацию, работали с агентурой, выходили на связь с Москвой...

Вы не боялись, что вас запеленгуют?

Может быть, они и пеленговали. Помню, что для радиопередач уходили в лес с радистом. Там было одно кладбище. Оттуда работали постоянно, место не меняли. Хотите спросить, не боялись ли мы облавы? Так я вам скажу, что к 44-му году там под ружьем стояло 40 тысяч партизан. Не проехать! Вполне возможно, эти радиопередачи перекрывали себя во всех направлениях.

Каковы были отношения с тамошними партизанами?

Вы знаете, когда крестьяне узнали о нас, начали жаловаться: «Корову увели, это забрали, то отобрали». Они считали нас официальной Красной армией. Мы, конечно, сообщали командирам отрядов, но не знаю, чем это заканчивалось.

Сложная была обстановка. Немцы ведь что придумали? Они дали возможность местным поселянам забирать столько земель, сколько те могут обработать, разводить столько скота, сколько у них сил хватит. Но

они это все делали для себя. В определенный момент они все сразу конфисковывали и увозили в Германию. Не нужно было затрачиваться на выращивание урожая, животных и все такое прочее.

Вообще нас там была целая сеть. Мы встречались с группой Распопова, с отрядом Шихова. Обменивались мнениями, информацией.

Как я понял, вы в Белоруссии производили подрывы железных дорог? Вы не можете это описать?

Железная дорога в оккупированной Белоруссии — это мощное инженерное сооружение. Там от дота до дота примерно километр. И обязательно в каждом 2-3 человека сидят с пулеметом. В лесном массиве вдоль полотна метров на двадцать вырубается лес, валится все, что мешает наблюдению. Здесь уже на каждые полкилометра в зоне видимости должен быть дот. Плюс передвигается пеший патруль. Непосредственно перед поездом проходит патруль на дрезине. Подходы к дороге минированы, на завалах навешано банок-склянок, и чего только можно. Зачастую в лесном массиве стараются заминировать тропки и подходы. Вот так у нас в группе подорвался Ермолюк. Он не заметил установленную растяжку.

Обычно на дорогу ходили втроем. Много народу там не надо. Если втроем, то один остается и внимательно смотрит в обе стороны. Сколько есть времени? А времени у нас обычно не более 5 минут. Нужно сделать яму, в нее уложить коробок мины. На плащ-палатку разложишь все камешки в том порядке, как они лежали, покрашенные или закапанные мазутом. Их надо быстро убрать в одну сторону, уложить мину, потом замаскировать камушками. И уже тогда «лягушечку» подложить под стык, и чтобы там снаружи ничего нельзя было заметить! Они подвинчиваются, делается

для платформ зазор. Платформу не зацепит, а паровоз или большегрузные вагоны уже достанет. Там когда копаешься, забываешь обо всем. Такой азарт берет. Сам посуди, какая радость, если поставленная тобою мина удачно взрывается. Да и как бы она ни сработала, но в любом случае задержала бы движение на этом участке.

Вы видели результаты подрыва?

Да. Обычно смотрели. На счету нашей группы семь эшелонов. Мы подорвали лично.

Как быстро идет поезд?

Ночью поезда ходили со скоростью не более 10 км в час. Но даже на такой скорости, если он свалится, да даже если просто уткнется, то там такая сила инерции. А потом, если тяжелая техника, не выдерживают никакие крепления, все летит.

Бывает, отслеживаешь, выбираешь момент, когда тебе выскочить на дорогу, чтобы сделать подрыв. Вроде бы вот оно. И вдруг слышишь, как где-то как бабахнет. Потом еще где-то, и еще. Это партизаны шуруют (смеется).

Вас не просили зафиксировать на фотоаппарат подорванные эшелоны или предоставить подтверждение об уничтожении?

Фотоаппаратов у нас не было. Но по каждому эшелону составлялся акт, да и по каждой операции тоже. Так что контроль был, конечно. Когда приходил проверяющий, показывали ему издалека: «Вот здесь. Там и сейчас вагоны лежат».

Как вы встретили приход Красной армии?

Ковпаковцы перерезали железную дорогу. А там была такая концентрация отступающих немецких частей, да кроме них еще полиция, жандармерия.

Столько скопилось транспорта, что невозможно было продвинуться! Мы тогда с нашей базы вышли к Минскому шоссе. Вот там мы наблюдали, как действуют «Илы» по этому скопищу. Полицейские загрохотали дорогу своими огромными телегами. Они бежали с семьями, со скарбом. Страшно их «Илы» утюжили. Там все летело вверх! Они уже не думали ни о какой обороне. Никаких там немецких самолетов не было видно. Никто не охранял с воздуха эти отступающие колонны. А мы параллельно этой дороге провели в тыл к немцам механизированную дивизию. Почувствовалось тогда, настроение у наших войск стало, как на празднике!

А потом мы все вернулись в Москву. Некоторых ребят, из тех, кто воевал в Белоруссии, отправили на ликвидацию банд националистов. Было создано одно специальное подразделение, которое действовало под видом бандитов. Туда попал мой товарищ Вася Безруков. Мы ровесники с ним. Вместе в Кремле ордена Ленина получали в 45-м, в декабре.

Меня взяли работать в штаб. Там накопилось много дел во время войны. А под 45-й год собрали группу возвратившихся оттуда моего возраста ребяташек, около тридцати человек. Договорились со Свердловской школой Смерша, и нас всех туда пульнули! 1 сентября 45-го мы приступили к занятиям. Изучали в основном работу с агентурой, оперативную тематику, следствие. В принципе, нормально я себя чувствовал на учебе. Стал там парторгом, возглавлял спортивную группу. Были у нас занятия по стрельбе, по рукопашному бою. Несколько человек, бывшие надзиратели из московской тюрьмы, были мастерами спорта по дзюдо. Они нас немножко тренировали. А моя группа из 12 человек — лыжники. У меня был первый разряд по лыжам. Ни одно соревнование мы не пропускали. А какие красивейшие места там!

По окончании школы мне предложили выбрать, куда бы я хотел поехать служить. А у меня опять проблемы с ногами начались. Мне запало в память, как врач в поликлинике в Свердловске все нахваливала Кубань и конкретно Краснодар: «Такой город, такой город!» Я и сказал: «Пошлите меня на Кубань!» — «Ну, у нас есть одно место».

В 47-м году я сюда приехал. Разрушенный в пух и прах город! В пух и прах! На квартире нигде не устроишься, общежития нет. А я еще по пути на Кубань разыскал девушку, с которой мы дружили до войны...

Ну ничего, жизнь у нас сложилась нормально.

Какова была тогда криминогенная обстановка на Кубани?

Вы знаете, казачество есть казачество! Очень сложный народ.

Когда арестовали Берию, что у вас происходило в Управлении?

Флаги точно никто не поднимал. Все были просто в недоумении. Никто не верил еще. Многие знали Берию как инициатора разработки атомной бомбы. И говорят, если бы не он, может быть, у нас ее и не было бы. С его силой воли, с его энергетикой, с таким запалом, настойчивостью...

Вы упомянули про ноги. Это связано с ранением?

Нет. Сказалось частое пребывание в ледяной воде. В Белоруссии меня прихватил приступ радикулоневрита. Я неделю лежал без движения. Мы пошли на очередную диверсию. А это был апрель месяц. На болотах сверху воды сантиметров 30, а под ней лед. Вышли мы из леса, все осмотрели внимательно. Сухая осока, за ней высокая насыпь — это железная дорога. Вечер, темнеть

стало. Все вроде нормально, идем по этому болоту. Осока нас как-то маскирует. И вдруг, мы, наверное, 300 м до дороги не дошли, выползает с той стороны группа немцев. Патруль! Вышли человек 12 на полотно, стоят, смотрят. Вышла луна. Сначала мы за этими «камыш-осоками» прятались, за кочками. А потом смотрим — указывают пальцами! Мы думаем: «Что такое?!» Пришлось лечь. Грудью на кочку, а поясница — в ледяной воде. И минут 30 вот так лежали, пока они не ушли. Вот они ушли — минируй! Так нам уже ни до чего. Мы еле-еле ноги размяли, и потихоньку, потихоньку-потихоньку домой. У ребят ничего, а у меня радикулит! Боли ужасные. Они меня в повозку, отвезли туда, на Пинщину. Узнали от местных, кто там лечит такие вещи, и оставили меня там на неделю.

Помню, в себя пришел. Хатка. Посередине печка, занимает три четверти пространства. Вокруг нее лавки буквой «Г». В углу широкий топчан, метра два шириной. Подходит бабушка, посмотрела: «Давай лечиться!» Смотрю — она молча приносит картофель в чугушке, заливает водой и кого-то просит: «Помоги мне его в печку!» Прошло полтора часа, вытаскивает, сливает воду и эту картошку высыпает в крапивный мешок. Насыпала, распределила ее как подушку. Локтем помяла-помяла и говорит: «Ну раздевайте его!» Догола меня раздели, подстелили палатку. Берет она этот мешок и укладывает меня на него спиной, поясницей. «Не горячо?» — «Горячевато». — «Терпи! Вот как озноб будет, как почувствуешь немножко холодновато, то скажи».

Через три часа открыли меня, обтерли. Она дала свое рядом из конопли. Чувствую, отпустило меня немножко! Да! А перед этим она мне спину натерла тарпантинном, как они говорят. Это самодельный скипидар из бересты. На Руси его использовали для смазки яловых сапог. Никакая влага не пройдет!

Покормили меня немножко. Сказал ей, что еще больно немного, а она: «Завтра еще сделаем!» Еще сделали. Я чувствую, мне уже свободненько, я уже шевелюсь! Через два дня еще раз сделали. А еще через два дня — тарпантин. И я уже сам встал к столу. Неделю она со мною возилась, массаж какой-то, наговор. Тут ребята приехали верховыми за мной. Я сам залез в седло и забыл обо всем! Ровно 10 лет со мною ничего не было. Ничего! А потом в 54-м году в апреле шли соревнования по волейболу. Спортзал не приспособлен, без фундамента, раздевалки нет, просто зал и фойе. Скамейка для отдыха стояла вдоль стены обледенелая. Опять застудился...

Чем вы занимались после войны?

Возглавлял группу розыска государственных преступников, тех, что шли под грифом «Без срока давности». Много было поездок. Всяких половили. Мы вели группу, так называемую «СС-10а».

*(Зондеркоманда 10-А (Sonderkommando 10a.)
Входила в айнзатцгруппу «Д». Создана в июне
1941-го, расформирована 11.7.1943.
Действовала в зоне ответственности 171-й
пехотной дивизии и XXX армейского корпуса.*

*Командиры: оберштурмбаннфюрер СС Гейнц
Seetzen (1.6.1941-1.8.1942); штурмбаннфюрер
СС д-р Курт Christmann (1.8.1942-11.7.1943).*

*Краснодарский процесс стал первым
процессом над военными преступниками.
Проходил в Краснодаре 14-17.7.1943, дело
рассматривал воен. трибунал Сев. — Кав.
фронта. Подсудимые обвинялись в убийстве
7 тыс. чел.; перед судом предстали 13 советских
граждан, которые служили во вспомогательных
частях зондеркоманды 10а, в основном — на*

обслуживании газвагенов. 8 подсудимых были приговорены к смерти, 3 — к 20 годам тюремного заключения. — Прим. С.С.)

Мы почти всю выловили ее. Во время войны ею командовал майор Кристманн. Они начали с Майкопа, потом Краснодарский край, Крым, Украина. В Польше это подразделение распалось. Во время войны они вылавливали активистов, комсомольцев, партийцев, их сторонников и всех ликвидировали! Ликвидировали зверскими методами. Состав группы был сформирован из наших соотечественников — грузин, армян...

Один после войны жил в Норвегии. Грузин, кстати. Его знали здесь по одной фамилии, по которой он числился как преступник, а там имел другую фамилию, и поэтому его не могли оттуда взять. Но почему-то он все-таки не выдержал и через десять лет приехал сюда с туристической группой. Он был под наблюдением наших людей и в последний день поездки был арестован. В разных местах их находили: на красноярских промыслах, на Дальнем Востоке, в Новороссийске. Один, совершенно не скрываясь, под своей настоящей фамилией работал учителем в Новороссийске. Сам Кристманн долгое время находился под давлением международного сообщества. Он сначала ретировался в Аргентину, потом переехал в Германию. Легально жил, но все-таки в результате общественного мирового мнения его судили. По-моему, в тюрьме он и умер. Ему уже было где-то под 90 лет.

11 судебных процессов по делу этой группы провели здесь, в Краснодарском крае. Вот какой след оставила война!

Интервью и лит. обработка: С.Смоляков

Фролов Сергей Федорович

Я родился 23 февраля 1921 года в городе Пенза, в доме на улице Робинзоновой. Мать была членом партии с 1917 г., отец работал на железной дороге. До войны я окончил семь классов. В 1939 году пошел работать на 163-й авиационный завод, я был уже токарем пятого разряда. Когда началась война, меня и в армию не

брали, поэтому сам пошел к директору завода и попросил, чтобы он меня отпустил на фронт. Тот сказал:

— Не имею права тебя отпускать, такая жестокая война, убьют, а ты молодой.

— Каждый должен защищать Россию.

Но он уперся, тогда я сказал:

— Я напишу в наркомат.

Через два месяца прислали ответ: пока работать на заводе.

Как для вас началась война, было ли ощущение ее приближения?

У меня не было никаких предчувствий. Я узнал о начале войны, как и весь город, по радио.

Вы считали, что мы быстро разобьем немцев?

Особо никто не выражал точного мнения, кто что говорил. Одни говорили, что война затянется. Другие, наоборот, утверждали, мол, быстро кончится.

На заводе выдавались спецпропуска, имелась охрана?

Пропуска находились прямо на заводе, нужно было назвать точный номер, и тогда его выдавали. С одного цеха в другой попасть было нельзя, охрана очень строго следила. Мы выпускали части к самолетам «Ил-2» и другим. Но в основном для штурмовиков. Были военпреды, сами летчики. Они проверяли точность изготовления детали, у моего станка числились капитан и старший лейтенант.

Продовольственные карточки ввели с началом войны?

У нас уже была карточная система в довоенное время, но еду выдавали по пропускам. На заводе кормили хорошо.

В армию меня призвали в начале 1943 года. Направили в расположенное в Пензе минометное училище, потом думаю:

— Что я здесь делаю? На фронт мне надо.

Начал косить. Комиссия вышла, спрашивают:

— Ты будешь у нас учиться?

— Я не могу учиться.

— У тебя же оценки хорошие, средний балл четыре.

Как же это ты не можешь учиться?

Через десять минут опять спрашивают:

— Ну как, надумал?

— Нет.

Я упертым был, раз надумал на фронт, значит, все. Отправили в 469-й минометный полк, когда на фронт ехали, все время говорили, мол, через сутки будем на передовой, а дорога не кончалась. Однажды, время шло к обеду, подходит ко мне солдат и говорит:

— Фролов, есть такой в вагоне?

— Есть, это я.

— Спускайся.

Я наверху был, в составе поезда были телячьи вагоны для солдат, а машины стояли на платформах, «полуторки» и «ЗИСы». Солдат же говорит:

— Тебя военные вызывают, только запомни «полуторку» свою, а то если забудешь — потеряешься. Запиши.

— Я и так запомню.

— Обед будет, пообедаешь и быстро на встречу.

Ну что же, пообедал и туда. Нашел свою «полуторку», дошел вместе с ребятами до места сбора. Смотрю, какой-то военный там стоит, но не вижу, кто он по званию. Подошел к нему, вижу, майор. Докладываю:

— Здравствуйте, товарищ майор, по вашему приказанию прибыл.

— Здравствуй, Фролов.

— Откуда вы меня знаете?

— Я все знаю. Будете у нас работать.

— У кого это у вас?

— Особый отдел.

А нас везли в минометный полк. Я говорю:

— Так я же не могу на двух местах быть.

— Это не просьба, а приказ. Вы военный человек, сейчас военное время, все решено.

Работал я там около шести месяцев. Мы выполняли различные задания: в основном искали людей, дезертиров и т. д. Нам давали их фамилии. Иногда находили, иногда нет. С сопротивлением при задержании я лично никогда не сталкивался. Помню, как-то потерял удостоверение особого отдела и говорю начальнику:

— Вы мне дадите второе удостоверение?

А начальник отвечает:

— Если на сверхсрочную останешься, получишь, а если не останешься, то не дадим.

— В минометный полк идти?

— Подожди, мне нужно уехать, через пять дней приеду, а там посмотрим. Только ты никуда не уходи.

Через пять дней приехал, я опять спрашиваю:

— Так мне в минометный полк идти?

— Нет.

— А куда?

— В КГБ пойдешь, в отдел контрразведки.

Чем вы там занимались, каковы были ваши обязанности?

Сейчас расскажу, вы даже не поверите. Думаете, шпионов ловили на оккупированной территории? В том-то и дело, что в основном мы занимались банальными делами: у людей престарелых забирали дома в оккупацию, мол, дадим ему расписку, а за дом не платят. Другие дома, особенно государственные учреждения, позанимали всякие люди, там было очень

много различных нарушений. Начальники нас посылали для проверки, давали адрес, а ты должен выяснить, кто и где живет, узнать Ф.И.О. А дальше приказ:

— Придешь к нам с информацией.

В Киеве человек 70 ушло наших, в основном по этому делу, хотя сохранялись и другие задачи. Мне попала женщина, привел я ее, ничего не стал говорить, она мне сама сказала:

— Вы молчите, только приведите к своим.

Я привел. Ей говорят:

— Как вы дом взяли? Вы деньги платили?

— Нет.

— А как так получилось?

И нам расписку показывает. Командир говорит:

— Подпиши мало, я вызову трибунал, будет суд, там все выясним.

Были ли задания искать немецких шпионов?

Конечно же. С домами мы управились быстро, затем пришел черед разных изменников Родины, бандитов всякой квалификации, от хулиганов до убийц и грабителей. В основном на них начальство делало упор. Нам говорили:

— Если человек при разговоре подозрительный, ничего не говорите. Подозреваете, придете к нам и доложите.

Мы их ловили, если они каким-то образом с допросов убегали. Обычно при задержании они не сопротивлялись, достаточно было пугануть карабином или «ТТ» (мы в основном с пистолетом ходили). Когда я допрашивал, то силу не применял. А начальство, то до тонкостей доводило. Нужную информацию любыми путями узнавали. Были и такие люди, что при допросе молчали, вообще ничего не говорили. Ну что с ним будешь делать. Если начальник после допроса не говорит, куда его вести, значит, его будут убирать.

Когда само начальство расстреливало, а иногда и мне доводилось. Нам выдавали бумагу с печатями и подписями, согласно которой было необходимо приводить приговор в исполнение. Жалости я не испытывал, просто видел, что приговаривали только отбросов общества или изменников. Они знали, на что шли. Последнее желание заключенного? Такого понятия, у нас по крайней мере, не существовало.

Из «ТТ» доводилось стрелять во время задержания?

А как же. Правда, редко, в основном по изменникам Родины, ведь они прекрасно понимали, что в случае ареста их никто жалеть не будет. Иногда сбегал, иногда убивали, по-всякому было, перестрелка есть перестрелка. Вот бандиты, те похитрее были, они стремились сбежать. Но работы было по ним много, практически каждый день давали наводку, мы следили за ними, кого-то поймает, кого-то нет. Изредка встречались немецкие шпионы, чаще всего наши же советские люди, переодетые в форму. Ходили, шпионили, их вылавливали.

На Западной Украине пришлось побывать?

Был. Двадцать тысяч из одного только района, по нашим данным, служило у немцев, а в Советскую армию пошло только полторы тысячи. Бандеровцы народ вообще негодный, мы сразу же начали отлавливать и расстреливать их полицаев, все делалось публично: созывается, смотрит обязательно. Правда, вскоре начали делать так: если люди о нем хорошо отзываются, то полицаям дают возможность искупить делом свою вину, если же плохо, то расстреливают. Со старостами та же история. Но все равно, даже при таком подходе местные вели себя неверно: и вашим, и нашим. Сегодня нам доложит, а завтра он же к

бандеровцам побежит! Кстати, точно так же вели себя поляки, я даже слышал, что они специально заманивали наших солдат поодиночке и убивали. Нечестный народ.

Ранения у вас были?

— Два. От одного шрам уже затянулся, не видно, а от второго сами можете убедиться. В первый раз в меня мелкие осколки попали, немецкая мина замедленного действия разорвалась, в том месте много войск прошло, а в меня попало, через ногу прошло. Когда встал, врач даже удивился, что могу ходить. Второе ранение было в руку, это уже в Германии, осколочное ранение. Мы проходили мимо оборонительных укреплений врага, прошли три щели, окопы, и тут летит и шипит мина из шестиствольного немецкого миномета. Мы присели, думали, накроет, но пролетела мимо, только осколками задело. Ничего не повредило, а язык отнялся. Врач сказал, что отойдет, но, как видите, до сих пор шепелявлю.

Как кормили на фронте?

По-всякому было, иногда есть что покушать, а кухни нет. А бывало, принесут, мы не доели, вываливаем. А вот как кормили заключенных, я не в курсе дела. Выпить нам редко давали, по сто граммов. Правда, тем, кто приводил приговор в исполнение, выдавали по триста граммов, у нас существовал негласный уговор делиться «расстрельными». Но особо мне запомнились американские консервы, вместе с которыми выдавалась небольшая круглая штука, в которой хранилось сливочное масло. Очень вкусно с хлебом. А вот их обмундирование и техника мне не очень нравились, все-таки свое есть свое. Под конец войны в Чехословакии я видел союзников, не англичан, а американцев, они к нам очень хорошо относились, особенно негры, те так радовались встречам, не описать.

С «власовцами» сталкивались?

Да, в Чехословакии, мы как раз в Прагу заходили. Я видел, что сам генерал Власов был в немецкой форме. И его солдаты были уже переделаны на немецкий манер. Мы тогда шли вплотную от передовой, а расстояние между нашими и вражескими позициями не больше 150 метров. Слышал, как немцы кричали:

— Слочки, слочки!

Выговорить «сволочи» не могут. Им давали репродукторы на передовой, но был способ угомонить их: как наши услышат, где они, то сразу же начинают бить из минометов по тому месту.

В особом отделе у нас поступали с ними по-разному, все зависело, кто, как и что рассказывал. По итогам уже принимали меры. Изменников расстреливали.

Как поступали с эсэсовцами?

Я с ними не сталкивался. Говорили только, что они нас очень боятся и стремятся сдаться в плен к союзникам, мол, те их могут пожалеть, а наши точно расстреляют.

О заградительных отрядах слышали?

Я слышал, но сам не участвовал в их работе.

Как складывались взаимоотношения с мирным населением?

В Венгрии народ плохой, у нас один солдат в полку дежурил и украл у мадьяра веник, такой хай подняли, что солдату дали пять лет. Венгры с нами на контакт не шли, вот чехи — народ замечательный, они нам помогали, когда были перебои с едой. Кстати, немцев они ненавидели, а сейчас, видите, как получилось, они с Германией первые друзья.

Нашу часть гоняли по всем фронтам, так что мне довелось побывать и в Молдавии, и в Польше, и в Румынии, и в Чехословакии. Бывало, стоим несколько дней, потом нас перекинут в совершенно другое место. Полковник Чернявский был нашим командиром, прошел с нами до конца. Правда, еще война не завершилась, когда его забрали из Чехословакии на командные курсы. Дали нам майора, но это было уже не то. Чернявский был хорошим человеком. Даже несколько раз направлял меня на совещания для офицерского состава, потому что считал: важно не звание, а уровень знаний человека. Он четко мог отследить врага, быстро вылавливал изменников Родины. Грамотный офицер.

Вас как-то награждали во время войны?

Да, у меня есть два ордена Отечественной войны, I и II степеней, орден Красной Звезды, украинский «За мужество», медали «За отвагу», «За освобождение Праги». «Красную Звезду» и «За отвагу» получил в 1945 году в Германии, выдали сразу оба. Остальные награды получал после войны.

Какое у вас было звание?

Всю войну я прошел старшим сержантом. А недавно приказали принести в военкомат военный билет, я не спросил зачем. Пришел, а мне говорят:

— Теперь вы не старший сержант, а лейтенант.

И написали в книжке, сидел подполковник, написал свою фамилию и указал, что мне присвоено новое звание. Смех, да и только.

Как вы встретили 9 мая 1945 года?

Все очень радовались.

Интервью и лит. обработка: Ю. Трифонов

Стенограмма и лит. обработка: Д. Ильясова